

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 19 № 5 (162) май 2024

В НОМЕРЕ:

Кресс В. В.

Информация как объект гражданских прав

Рарог А. И.

Об обязательности разъяснений Пленума
Верховного Суда Российской Федерации

Лаптев В. А.

Право на информацию членов товарищества
собственников жилья: гарантия законодателя
и сущность корпоративной организации

LEX RUSSICA

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Том 19 № 5 (162) МАЙ 2024

Ежемесячный научный журнал.
Издается как СМИ с 2006 г.

РОССИЙСКОГО ПРАВА

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.
Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).
Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИННИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета, директор Института права БРИКС.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).
Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».
Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.
Почтовый адрес: Рашипилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.

Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права Государственного университета по землеустройству.

Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).

Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке.

Почтовый адрес: пр-т Ленина, д. 32/27, г. Екатеринбург, Россия, 620075.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия.

Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.

Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).

Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кухановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.

Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки.
- 5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://aprp.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11178
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет 27.05.2024
Объем 22,20 усл. печ. л., формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, А. В. Савкина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

ACTUAL PROBLEMS

Monthly scientific journal.
Published media since 2006

Vol. 19 № 5 (162) MAY 2024

OF RUSSIAN LAW

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenska, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Land Law of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Medical Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).
Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District (emeritus), Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.
Mailing address: prosp. Lenina, d. 32/27, Ekaterinburg, Russia, 620075.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice.
Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.
Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technology of the Saratov State Law Academy.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 104, b. 3, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).
Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.
Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Acting Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. F577-25128
1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ISSN

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

27.05.2024
Volume: 22.20 conventional printer's sheets, format 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, A. V. Savkina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Содержание

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Лютова О. И.** Классификация налоговых обязанностей:
развитие в условиях цифровизации 11
- Сурменева Е. А.** Формы правозащитной деятельности,
реализуемые в рамках института финансового уполномоченного 18

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- Кресс В. В.** Информация как объект гражданских прав 30

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

- Афанасьева Т. И.** Прокурор в административных делах
о медицинском вмешательстве, необходимом
для спасения жизни: не решенные в законодательстве вопросы 41
- Томбулова Е. Г.** Клятва свидетеля как способ противодействия заведомо
ложным показаниям по гражданским делам: pro et contra 51

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

- Серова А. В.** Направления дифференциации законодательства
о труде и занятости населения:
в фокусе внимания молодежь и молодые специалисты. 61

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

- Ильина Н. А., Серова О. А.** Сетевые образовательные программы:
эволюция формирования регуляторного подхода
и вопросы практической реализации сетевой формы сотрудничества 72

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

- Лаптев В. А.** Право на информацию членов товарищества собственников жилья:
гарантия законодателя и сущность корпоративной организации 84

МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО

- Ратникова В. И., Стрельникова Н. В., Стрельников И. А.**
Историко-правовые аспекты развития иммунопрофилактики
инфекционных заболеваний в России 96

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- Рарог А. И.** Об обязательности разъяснений
Пленума Верховного Суда Российской Федерации 104
- Хилjuta В. В.** Понимание сущности преступления в уголовном праве 113
- Мозина Е. В.** Значение категоризации преступлений
для институтов подследственности и подсудности 129

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Зашляпин Л. А. Процессуальный порядок: понятие	137

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Смбатян А. С., Салия М. Р. Пограничный корректирующий углеродный механизм ЕС в свете основополагающих международных договоров в области окружающей среды	144
Степанюк Д. Ю. Референдум как одна из форм реализации права народов на самоопределение	159
Тебенькова В. Н. Международно-правовые принципы установления юрисдикции государств в киберпространстве	177

Contents

FINANCIAL LAW

Lyutova O. I. Tax Responsibilities Classification: Development in the context of Digitalization	11
Surmeneva E. A. Forms of Human Rights Activities Implemented within the framework of the Institute of the Financial Ombudsman	18

CIVIL AND FAMILY LAW

Kress V. V. Information as an Object of Civil Rights	30

CIVIL AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

Afanasieva T. I. A Prosecutor in Administrative Cases on Medical Intervention Necessary to Save Lives: Issues Unsettled in the Legislation	41
Tombulova E. G. Witness's oath as a way to Counter Deliberately False Testimony in Civil Cases: Pro et Contra	51

LABOR RELATIONS AND SOCIAL SECURITY

Serova A. V. Areas of Differentiation of Labor and Employment Legislation: The Youth and Young Professionals are in Focus	61

LEGAL EDUCATION AND SCIENCE

Ilyina N. A., Serova O. A. Network Educational Programs: The Evolution of the Regulatory Approach and Issues of Practical Implementation of the Network Cooperation	72

BUSINESS AND CORPORATE LAW

Laptev V. A. The Right to Information of Members of the Homeowners' Association: The Guarantee of the Law-Maker and the Essence of the Corporate Organization.	84

MEDICAL LAW

Ratnikova V. I., Strelnikova N. V., Strelnikov I. A. Historical and Legal Aspects of the Development of Immunoprophylaxis of Infectious Diseases in Russia	96

CRIMINAL LAW

Rarog A. I. Binding Nature of Clarifications from the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation	104
Khilyuta V. V. Understanding the Fundamental Nature of Crime in Criminal Law.	113
Mozina E. V. The Importance of Crime Categorization for the Institutions of Competence and Jurisdiction	129

CRIMINAL PROCEDURE

Zashlyapin L. A. Procedural Order: The Concept	137

INTERNATIONAL LAW

Smbatyan A. S., Saliya M. R. EU Carbon Border Adjustment Mechanism in light of the Fundamental International Environmental Treaties	144
Stepanyuk D. Yu. Referendum as one of the Forms of Realizing the Right of Peoples to Self-Determination	159
Tebenkova V. N. International Legal Principles for Establishing the Jurisdiction of States in Cyberspace	177

Классификация налоговых обязанностей: развитие в условиях цифровизации

Аннотация. Автором статьи проведена классификация налоговых обязанностей, которая представляется актуальной в условиях цифровизации экономики. Классифицирование осуществлялось в отношении тех налоговых обязанностей, которые подверглись наиболее существенным изменениям их содержания и структуры в результате внедрения использования цифровых технологий. Обосновано, что в период цифровой трансформации основная налоговая обязанность по уплате налогов и сборов по критерию вида платежа и особенностей процедуры уплаты может как исполняться в отношении отдельных налогов и сборов, так и представлять собой совокупную налоговую обязанность; обязанности постановки на налоговый учет по характеру их осуществления разделены на связанные с получением участником налоговых отношений какого-либо налогово-правового статуса и возникающие в связи с уплатой конкретных налогов; обязанности по представлению налоговой отчетности классифицированы с точки зрения источника их правового регулирования на прямые и косвенные (имеющие латентный характер). Автором обоснована ценность проведения такой классификации; оценка адекватности применяемых на данном этапе цифровых инструментов и формулирование предложений по совершенствованию налогового законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: налоговая обязанность; цифровизация; классификация; уплата налога; совокупная налоговая обязанность; постановка на налоговый учет; самозанятый; электронные услуги; налог на Google; представление налоговой отчетности; обязанность по ведению бухучета.

Для цитирования: Лютова О. И. Классификация налоговых обязанностей: развитие в условиях цифровизации // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 5. — С. 11–17. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.011-017.

Tax Responsibilities Classification: Development in the context of Digitalization

Olga I. Lyutova, Cand. Sci. (Law), Senior Researcher, School of Politics and Governance, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
lutova.olga@mail.ru

Abstract. The author of the paper has compiled the tax responsibilities classification that seems relevant in the context of digitalization of the economy. The classification was carried out in relation to the tax obligations that have undergone the most significant changes in their content and structure as a result of the introduction of digital

---

© Лютова О. И., 2024

* Лютова Ольга Игоревна, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник департамента политики и управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Россия, 101000
lutova.olga@mail.ru

technologies. The author justifies that during the period of digital transformation, the main tax obligation to pay taxes and fees under the criterion of the type of payment and the specifics of the payment procedure can both be performed in relation to individual taxes and fees, and represent a total tax obligation. The obligations regarding tax registration due to the nature of their implementation are divided into obligations related to the receipt by a participant of a tax relationship of some kind of a tax status and arising in connection with the payment of specific taxes. Tax reporting obligations are classified from the point of view of the source of their legal regulation into direct and indirect (having a latent character) obligations. The author substantiates the value of such a classification, assesses the adequacy of digital tools used at this stage and makes proposals for improving tax legislation and the practice of its application.

Keywords: tax obligation; digitalization; classification; tax payment; total tax obligation; tax registration; self-employed; electronic services; Google tax; tax reporting; accounting obligation.

Cite as: Lyutova OI. Tax Responsibilities Classification: Development in the context of Digitalization. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(5):11-17. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.011-017

На современном этапе развития цифровизации, связанном с созданием и функционированием цифровых платформ, распространением технологий блокчейн и искусственного интеллекта, актуален поиск средств и способов правового регулирования общественных отношений, адаптированных под новую реальность. Для налоговых отношений особо ценны исследования, связанные с содержательными аспектами фундаментальных налогово-правовых понятий и категорий, например налогового суверенитета, налоговой правосубъектности, объекта налогообложения и т.д.

Одним из таких понятий является налоговая обязанность, которая обладает очевидным сложносоставным характером и традиционно толкуется представителями налогово-правовой доктрины как совокупность урегулированных НК РФ обязанностей налогоплательщиков и иных участников налоговых отношений: по уплате налога, предоставлению налоговых деклараций и расчетов авансовых платежей, постановке на налоговый учет, ведению учета доходов и расходов, применению контрольно-кассовой

техники и т.п.¹ Обычно в таких исследованиях отмечается, что каждая из этих обязанностей обладает спецификой содержания, обусловленной теми действиями, которые необходимо совершать обязанным лицам во исполнение установленных в налоговом законодательстве предписаний².

Налоговые обязанности также подвергались классифицированию по различным основаниям³. При этом некоторые из видов, на наш взгляд, являются спорными и неоднозначными, например обязанности активного и пассивного типа. Согласимся с позицией Д. В. Тютина о том, что налогоплательщику устанавливаются обязанности совершать активные (позитивные) действия, поскольку метод налогово-правового регулирования является преимущественно императивным, а основным способом правового регулирования выступает позитивное обязательство⁴.

Общепризнанным является деление налоговых обязанностей на основные (всеобщие, общие, исходные) и иные (специальные, дополнительные, производные)⁵. В качестве основной

¹ См., например: Ядрихинский С. А. К вопросу о понятии налогового правоотношения // *Налоги*. 2018. № 6. С. 16–19.

² Иванов А. Г. Понятие администрирования налогов // *Финансовое право*. 2009. № 5. С. 5–13 ; Калашникова Э. Л. Неопределенность налоговой обязанности: финансово-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

³ Батарин А. А. Правовое регулирование исчисления налога : монография / под ред. И. И. Кучерова. М. : Юриспруденция, 2014.

⁴ Тютин Д. В. Налоговое право : курс лекций // СПС «КонсультантПлюс», 2020.

⁵ *Финансовое право Российской Федерации* : учебник / отв. ред. М. В. Карасева. М. : Юрайт, 2019 ; Латыпова Е. У. Обеспечение исполнения обязанности по уплате налогов и сборов: финансово-правовой аспект.

обязанности налогоплательщика в литературе указывается обязанность по уплате налога — по причине конституционного характера ее установления (ст. 57 Конституции РФ), а также ввиду особой значимости ее содержания, связанного с обеспечением формирования казны публично-правового образования. Помимо уплаты налога, к основным налоговым обязанностям можно отнести постановку на учет в налоговых органах и представление налоговой отчетности⁶, поскольку они, наряду с обязанностью уплаты, имеют универсальный характер и непосредственно связаны с такой уплатой.

Характеризуя цифровой этап развития налоговых обязанностей, принципиально важно отметить, что в силу повышенной значимости обозначенной ФНС России задачи по выведению налогоплательщиков из тени, «обелению рынка» и созданию «удобной и комфортной модели уплаты налога»⁷ в первоочередном порядке будут развиваться положения налогового законодательства именно об обязанности по уплате налога. В свою очередь, постановка на налоговый учет и сдача налоговой отчетности обладают собственным потенциалом развития⁸, поэтому их классифицирование на виды возможно с целью характеристики особенностей воздействия реализуемой в них нормы права на налоговые отношения. Указанные обстоятельства обуславливают ценность проведения классификации основных указанных налоговых обязанностей в контексте развития их правового регулирования в цифровую эпоху. На наш взгляд, такая классификация позволит оценить

адекватность используемых для регулирования налоговых обязанностей правовых средств и сформировать мнение относительно перспектив развития российского налогового законодательства и практики его применения под воздействием применения новых информационных и цифровых технологий при осуществлении налогового администрирования.

Исходя из правовой природы и вида платежа, а также связанных с ними особенностей процедуры уплаты обязанность по уплате налога в условиях цифровизации может быть:

- уплатой отдельных налогов и сборов;
- совокупной налоговой обязанностью (п. 2 ст. 11 НК РФ).

Рассмотрим эти виды обязанности по уплате налога подробнее. Являясь новеллой российского законодательства, совокупная налоговая обязанность представляет собой новый платежный механизм, опосредует отношения налогоплательщиков и налоговых органов и позволяет при расчете налоговых обязательств объединить суммы налогов, авансовых платежей по налогам, сборов, страховых взносов, пеней и штрафов, которые учитываются на едином налоговом счете для определения размера единого налогового платежа на конкретную календарную дату.

Как известно, традиционно актуальным при обсуждении понятия налоговой обязанности является вопрос перечня платежей и их правовой природы. В разные периоды к налоговым обязанностям относили обязанности по уплате сборов, страховых взносов⁹, таможенных и

М. : Юриспруденция, 2006 ; *Погодина И. В., Валентик М. С.* Налоговый комплаенс: право, обязанность или моральная норма // *Налоги*. 2019. № 6. С. 10–14.

⁶ См., например: *Демин А. В.* Диспозитивность и налогообложение: комментарий законодательства и практики налогового администрирования // СПС «КонсультантПлюс», 2017 ; *Кучерявенко Н. П.* Курс налогового права : в 2 т. М. : Статут, 2009. Т. 1 : Общая часть. С. 746 ; *Налоговое право : учебник / под общ. ред. С. Г. Пепеляева*. М. : Просвещение, 2020.

⁷ Новый глава ФНС назвал ключевую задачу в работе с бизнесом // URL: <https://46biz.ru/press/novyy-glava-fns-nazval-klyuchevuyu-zadachu-v-rabote-s-biznesom> (дата обращения: 22.09.2023).

⁸ *Лютова О. И.* Обязанность по представлению налоговой отчетности в контексте цифровой трансформации // *Налоги*. 2021. № 5. С. 22–24.

⁹ *Князева Е. Ю.* Место страховых взносов в налоговой системе Российской Федерации // *Налоги*. 2021. № 1. С. 3–6.

иных пошлин и иных таможенных платежей¹⁰, что сопровождалось научными дебатами относительно правовой природы соответствующих платежей с точки зрения возможности их наделения признаками налогов.

Появление совокупной налоговой обязанности не предполагает возникновения новой налоговой обязанности и обусловлено исключительно «технологическими» причинами. Соответственно, объединение в категорию совокупной налоговой обязанности не меняет правовой природы составляющих ее платежей, то есть, например, не предполагает наделения штрафов признаками налогов. Однако сам по себе механизм совокупной налоговой обязанности актуализирует проблему налогового (фискального) федерализма¹¹, поскольку принципиально важен факт передачи суммы налога или иного платежа в бюджетную систему при отсутствии необходимости уточнения плательщиком адресности такого поступления.

В качестве признаков совокупной налоговой обязанности целесообразно выделить следующие:

1) включает в себя обязанности по уплате ряда платежей (налогов, сборов, пеней, штрафов и др.), перечень которых устанавливается исходя не из их правовой природы, а из технологических возможностей налогового администрирования исчисления и уплаты единого налогового платежа;

2) является частью нового цифрового механизма исполнения обязанности по уплате налогов, инструментами которой являются сама совокупная налоговая обязанность, единый налоговый платеж и единый налоговый счет;

3) представляет собой способ учета налоговых поступлений, а также способ их распределения между уровнями бюджетной системы;

4) обуславливает для налогоплательщика фактическую неизбежность применения цифрового сервиса «Личный кабинет налогоплательщика» и использование усиленной квалифици-

рованной электронной подписи практически в неизбежном порядке, несмотря на формальную добровольность их использования;

5) обязанности по уплате пеней и штрафа в структуре совокупной налоговой обязанности носят несамостоятельный, обеспечивающий (акцессорный) характер.

Таким образом, обязанность по уплате налога теперь имеет как сущностную (собственно уплата), так и технологическую (механизм совокупной налоговой обязанности) составляющие, которые характеризуют уплату налога с точки зрения ее содержания и формы.

Обязанность постановки на налоговый учет по характеру ее осуществления может проявляться в двух видах:

— связанная с получением участником налоговых отношений какого-либо налогово-правового статуса;

— возникающая в связи с необходимостью уплаты отдельных налогов и возможностью получения налоговых вычетов.

Новеллой периода цифровизации экономики является появление нового участника налоговых отношений — налогоплательщика-самозанятого, в отношении которого предусмотрены отличный от обычного порядок и документальное обеспечение постановки на налоговый учет. В силу этого на уровне налогового законодательства Российской Федерации требуют уточнения следующие вопросы: определение налогово-правового статуса самозанятого (плательщика налога на профессиональный доход), обеспечение полностью электронного взаимодействия налогоплательщиков и налоговых органов при постановке на налоговый учет, расширение возможности использования приложения «Мой налог» иными налогоплательщиками, помимо самозанятых. Безусловно, реализация таких предложений будет возможна только при технологической готовности ФНС России, связанной в том числе с функционированием налоговых органов в ближайшей перспективе в качестве

¹⁰ Кудряшова Е. В. Правовые аспекты косвенного налогообложения: теория и практика. М. : Волтерс Клувер, 2006. С. 65 ; Шавшина В. П. Исполнение налоговой обязанности по уплате таможенных платежей : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003.

¹¹ См., например: Лютова О. И. Игра в налоговый федерализм завершена? // Налоговед. 2013. № 5. С. 26–33.

цифровой платформы, использующей блокчейн-технологии.

Помимо этого, представленная классификация актуальна по причине появления «налога на Гугл», то есть установления с 1 января 2019 г. обязанности исчисления и уплаты НДС при реализации электронных услуг иностранными организациями на территории Российской Федерации. Само по себе правило «неразрывности» постановки на налоговый учет и уплаты налогов не является абсолютным даже в отношении электронных услуг для иностранных организаций. Как отмечает К. А. Пономарева, законодательство не позволяет в полной мере взимать налоги с доходов цифровых транснациональных компаний от услуг, связанных с российскими пользователями¹². Иностранные поставщики электронных услуг не уплачивают в российский бюджет налог на прибыль, получаемую за счет пользователей, находящихся на территории Российской Федерации. Отчасти для компенсации ситуации неравенства российских и иностранных налогоплательщиков, являющихся поставщиками электронных услуг, были разработаны налоговые льготные механизмы для организаций IT-сектора, которые, как отмечает В. В. Громов, достаточно ограничены по налоговому периметру¹³, в том числе из-за отсутствия четкой концепции предоставления таких льгот по сегментам экономики, несоблюдения принципа вертикальной налоговой справедливости, предполагающей возможность уменьшить налоги при увеличении доходности или иных показателей бизнеса, а также из-за неоднозначного с точки зрения эффективности выбора критериев (численность работников) для предоставления льгот.

Соответственно, постановка на налоговый учет является налоговой обязанностью в отношении не всех, а лишь некоторых (косвенных) налогов. Это свидетельствует об отсутствии полной «интеграции» постановки на учет и уплаты

налога в условиях цифровизации, однако подтверждает их основной характер, а также наличие прямых и обратных связей друг с другом как видов налоговых обязанностей. Каждая из этих обязанностей сохраняет в условиях цифровизации свою роль, имея собственную оригинальную юридическую конструкцию, исключительный смысл и содержание.

Помимо этого, от факта постановки на учет в налоговом органе Российской Федерации иностранного поставщика электронных услуг зависит возможность использования российской организацией права на налоговый вычет по НДС¹⁴. В условиях противоречивости складывающейся по этому вопросу правоприменительной практики важно отметить появление новой налоговой обязанности по информированию налогоплательщиком своего контрагента о необходимости исполнения обязанности постановки на учет в российском налоговом органе. С точки зрения правовой формы эта обязанность нетипична: она появилась не в налоговом законе, а в судебной практике и по своей правовой природе также обладает определенной оригинальностью, поскольку цели ее налогово-правовые, а отношения, в рамках которых она реализуется, — предпринимательские. Таким образом, обязанность постановки на налоговый учет в налоговом органе имеет сложносоставной характер.

Наконец, обязанность по представлению налоговой отчетности классифицирована с точки зрения источника ее правового регулирования на прямую и косвенную (имеющую латентный характер).

Общепринятыми документами налоговой отчетности являются налоговые декларации и расчеты авансовых платежей, которые в условиях цифровизации экономики могут быть представлены налогоплательщиком как на бумажных носителях, так и в электронной форме. Постепенность перехода к исключительно электрон-

---

¹² Пономарева К. А. Правовые проблемы налогообложения цифровых бизнес-моделей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 4. С. 605–620.

¹³ Громов В. В. Специфика и проблемы налогового стимулирования малых IT-компаний в России // Финансовый журнал. 2022. Т. 14. № 1. С. 8–25.

¹⁴ Лютова О. И. «Налог на Google»: актуальные результаты и перспективы // Налоги. 2022. № 5. С. 39.

ному документообороту вполне оправданна и позволяет всем участникам налоговых отношений адаптироваться к новому порядку исполнения соответствующей обязанности.

Обязанности ведения бухгалтерского учета и представления бухгалтерской отчетности предусмотрены не только законодательством о бухгалтерском учете, но и нормами налогового права. Внедрение налогового мониторинга и уведомительного характера представления сведений о налоговой и бухгалтерской отчетности, функционирование государственного информационного ресурса бухгалтерской (финансовой) отчетности (ГИР БО), а также межведомственное электронное взаимодействие дополнительно свидетельствует о направленности бухгалтерского учета преимущественно на налоговые цели. Это позволяет нам идентифицировать обязанность по ведению бухучета в качестве латентной налоговой обязанности, представляющей собой перво-

начальную стадию формирования налоговой отчетности.

В качестве вывода отметим, что, как было показано в рамках проведенного исследования, цифровизация обуславливает, во-первых, развитие представлений о необходимости рассмотрения обязанностей по уплате налога, по представлению налоговой отчетности и по постановке на налоговый учет в качестве совокупности основных налоговых обязанностей; во-вторых, трансформация правового регулирования и научных представлений о соответствующих обязанностях позволяет выделить их новые виды, не существовавшие в доцифровой период; в-третьих, создание классификации налоговых обязанностей цифровой эпохи позволяет объяснить некоторые изменения в сфере налогообложения, а также сформулировать перспективы развития налогово-правовых норм и институтов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Батарин А. А. Правовое регулирование исчисления налога : монография / под ред. И. И. Кучерова. — М. : Юриспруденция, 2014. — 216 с.
2. Громов В. В. Специфика и проблемы налогового стимулирования малых IT-компаний в России // Финансовый журнал. — 2022. — Т. 14. — № 1. — С. 8–25.
3. Демин А. В. Диспозитивность и налогообложение: комментарий законодательства и практики налогового администрирования // СПС «КонсультантПлюс», 2017.
4. Иванов А. Г. Понятие администрирования налогов // Финансовое право. — 2009. — № 5. — С. 5–13.
5. Калашникова Э. Л. Неопределенность налоговой обязанности: финансово-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — 176 с.
6. Князева Е. Ю. Место страховых взносов в налоговой системе Российской Федерации // Налоги. — 2021. — № 1. — С. 3–6.
7. Кудряшова Е. В. Правовые аспекты косвенного налогообложения: теория и практика. — М. : Волтерс Клувер, 2006. — 263 с.
8. Кучерявенко Н. П. Курс налогового права : в 2 т. Т. 1 : Общая часть. — М. : Статут, 2009. — 536 с.
9. Латыпова Е. У. Обеспечение исполнения обязанности по уплате налогов и сборов: финансово-правовой аспект. — М. : Юриспруденция, 2006. — 128 с.
10. Лютова О. И. «Налог на Google»: актуальные результаты и перспективы // Налоги. — 2022. — № 5. — С. 36–40.
11. Лютова О. И. Игра в налоговый федерализм завершена? // Налоговед. — 2013. — № 5. — С. 26–33.
12. Лютова О. И. Обязанность по представлению налоговой отчетности в контексте цифровой трансформации // Налоги. — 2021. — № 5. — С. 22–24.
13. Налоговое право : учебник / под общ. ред. С. Г. Пепеляева. — М. : Просвещение, 2020. — 796 с.
14. Новый глава ФНС назвал ключевую задачу в работе с бизнесом // URL: <https://46biz.ru/press/novyy-glava-fns-nazval-klyuchevuyu-zadachu-v-rabote-s-biznesom> (дата обращения 22.09.2023).

15. Погодина И. В., Валентик М. С. Налоговый комплаенс: право, обязанность или моральная норма // *Налоги*. — 2019. — № 6. — С. 10–14.
16. Пономарева К. А. Правовые проблемы налогообложения цифровых бизнес-моделей // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. — 2022. — № 4. — С. 605–620.
17. Тютин Д. В. *Налоговое право : курс лекций* // СПС «КонсультантПлюс», 2020.
18. *Финансовое право Российской Федерации : учебник / отв. ред. М. В. Карасева*. — М. : Юрайт, 2019. — 388 с.
19. Шавшина В. П. *Исполнение налоговой обязанности по уплате таможенных платежей : дис. ... канд. юрид. наук*. — СПб., 2003. — 240 с.
20. Ядрихинский С. А. К вопросу о понятии налогового правоотношения // *Налоги*. — 2018. — № 6. — С. 16–19.

Материал поступил в редакцию 25 сентября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Batarin A. A. *Pravovoe regulirovanie ischisleniya naloga: monografiya* / pod red. I. I. Kucheroва. — М.: Yurisprudentsiya, 2014. — 216 s.
2. Gromov V. V. Spetsifika i problemy nalogovogo stimulirovaniya mal'kikh IT-kompaniy v Rossii // *Finansovyy zhurnal*. — 2022. — T. 14. — № 1. — S. 8–25.
3. Demin A. V. *Dispozitivnost i nalogooblozhenie: kommentariy zakonodatelstva i praktiki nalogovogo administrirovaniya* // СПС «KonsultantPlyus», 2017.
4. Ivanov A. G. *Ponyatie administrirovaniya nalogov* // *Finansovoe pravo*. — 2009. — № 5. — S. 5–13.
5. Kalashnikova E. L. *Neopredelennost nalogovoy obyazannosti: finansovo-pravovoy aspekt: dis. ... kand. yurid. nauk*. — М., 2008. — 176 s.
6. Knyazeva E. Yu. *Mesto strakhovykh vnosov v nalogovoy sisteme Rossiyskoy Federatsii* // *Nalogi*. — 2021. — № 1. — S. 3–6.
7. Kudryashova E. V. *Pravovye aspekty kosvennogo nalogooblozheniya: teoriya i praktika*. — М.: Volters Kluver, 2006. — 263 s.
8. Kucheryavenko N. P. *Kurs nalogovogo prava: v 2 t. T. 1: Obshchaya chast*. — М.: Statut, 2009. — 536 s.
9. Latypova E. U. *Obespechenie ispolneniya obyazannosti po uplate nalogov i sborov: finansovo-pravovoy aspekt*. — М.: Yurisprudentsiya, 2006. — 128 s.
10. Lyutova O. I. «Nalog na Google»: aktualnye rezultaty i perspektivy // *Nalogi*. — 2022. — № 5. — S. 36–40.
11. Lyutova O. I. *Igra v nalogovyy federalizm zavershena?* // *Nalogoved*. — 2013. — № 5. — S. 26–33.
12. Lyutova O. I. *Obyazannost po predstavleniyu nalogovoy otchetnosti v kontekste tsifrovoy transformatsii* // *Nalogi*. — 2021. — № 5. — S. 22–24.
13. *Nalogovoe pravo: учебник / pod obshch. red. S. G. Pepelyaeva*. — М.: Prosveshchenie, 2020. — 796 s.
14. *Novyy glava FNS nazval klyuchevuyu zadachu v rabote s biznesom* // URL: <https://46biz.ru/press/novyy-glava-fns-nazval-klyuchevuyu-zadachu-v-rabote-s-biznesom> (data obrashcheniya 22.09.2023).
15. Pogodina I. V., Valentik M. S. *Nalogovyy komplaens: pravo, obyazannost ili moralnaya norma* // *Nalogi*. — 2019. — № 6. — S. 10–14.
16. Ponomareva K. A. *Pravovye problemy nalogooblozheniya tsifrovyykh biznes-modeley* // *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. — 2022. — № 4. — S. 605–620.
17. Tyutin D. V. *Nalogovoe pravo: kurs lektsiy* // СПС «KonsultantPlyus», 2020.
18. *Finansovoe pravo Rossiyskoy Federatsii: учебник / отв. ред. М. В. Карасева*. — М.: Yurayt, 2019. — 388 s.
19. Shavshina V. P. *Ispolnenie nalogovoy obyazannosti po uplate tamozhennykh platizhey: dis. ... kand. yurid. nauk*. — SPb., 2003. — 240 s.
20. Yadrihinskiy S. A. *K voprosu o ponyatii nalogovogo pravootnosheniya* // *Nalogi*. — 2018. — № 6. — S. 16–19.

Формы правозащитной деятельности, реализуемые в рамках института финансового уполномоченного

Аннотация. В статье проведен анализ деятельности института финансового уполномоченного по защите прав и законных интересов потребителей финансовых услуг. Установлено, что правозащитная деятельность осуществляется в двух формах — процессуальной и непроцессуальной. По мнению автора, процессуальная форма правозащитной деятельности института финансового уполномоченного является выражением публично-правовых отношений между финансовым уполномоченным, потребителями и финансовыми организациями в процессе рассмотрения обращений в порядке Федерального закона от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» и представляет собой последовательно осуществляемую деятельность финансового уполномоченного как публичного субъекта, связанную с установлением фактических обстоятельств спора между потребителем и финансовой организацией, применением к ним норм права, определением мер защиты, вынесением решения и осуществлением контроля за его исполнением. Охарактеризованы такие направления правозащитной деятельности, реализуемые в рамках непроцессуальной формы, как консультационная и просветительская работа, экспертно-аналитическая деятельность, взаимодействие и сотрудничество с правозащитными организациями и институтами гражданского общества, совершенствование законодательства, рассмотрение обращений в соответствии с Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Сделан вывод о том, что сочетание процессуальной и непроцессуальной форм в рамках института финансового уполномоченного придает правозащитной деятельности системный характер, наиболее полно обеспечивая состояние защищенности потребителей финансовых услуг.

Ключевые слова: защита прав и законных интересов потребителей финансовых услуг; институт финансового уполномоченного; формы правозащитной деятельности; процессуальная форма защиты; досудебный порядок разрешения споров; эффективность досудебного урегулирования; непроцессуальная форма защиты; консультационная работа; просветительская работа; экспертная деятельность; аналитическая деятельность; законопроектная деятельность; взаимодействие и сотрудничество; мероприятия поведенческого надзора; финансовая грамотность.

Для цитирования: Сурменева Е. А. Формы правозащитной деятельности, реализуемые в рамках института финансового уполномоченного // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 5. — С. 18–29. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.018-029.

© Сурменева Е. А., 2024

* Сурменева Екатерина Анатольевна, руководитель филиала № 1 автономной некоммерческой организации «Служба обеспечения деятельности финансового уполномоченного» в г. Саратов, соискатель кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии
Чернышевского ул., д. 104, г. Саратов, Россия, 410028
surmenevaea@finombudsman.ru

Forms of Human Rights Activities Implemented within the Framework of the Institute of the Financial Ombudsman

Ekaterina A. Surmeneva, Head of Branch No. 1 of the autonomous non-profit organization «Financial Ombudsman Support Service» in Saratov; Postgraduate Student, Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation
surmenevaea@finombudsman.ru

Abstract. The paper analyzes the activities of the Institute of the Financial Ombudsman aimed to protect the rights and legitimate interests of consumers of financial services. The paper explains that human rights protection is carried out in two forms: procedural and non-procedural. According to the author, the procedural form of the human rights protection of the Institute of the Financial Ombudsman represents public relations between the Financial Ombudsman, consumers and financial organizations in the process of considering appeals under Federal Law No. 123-FZ dated 04.06.2018 «On the Ombudsman for Consumer Rights of Financial Services» and forms consistently carried out activities of the financial ombudsman as a public entity, related to the establishment of the factual circumstances of the dispute between the consumer and the financial institution, the application of their legal norms, the definition of protective measures, the issuance of a decision and the monitoring of its execution. The paper explains such areas of human rights activities implemented in a non-procedural form as consulting and educational work, expert and analytical activities, interaction and cooperation with human rights organizations and civil society institutions, improvement of legislation, consideration of appeals in accordance with Federal Law No. 59-FZ dated 02.05.2006 «On the procedure for considering appeals from Citizens of the Russian Federation». It is concluded that the combination of procedural and non-procedural forms within the framework of the institution of the Financial Ombudsman gives human rights activities a systemic character, comprehensively ensuring protection of consumers of financial services.

Keywords: protection of the rights and legitimate interests of consumers of financial services; institute of the Financial Ombudsman; forms of human rights protection; procedural form of protection; pre-trial dispute resolution procedure; effectiveness of pre-trial settlement; non-procedural form of protection; consulting work; educational work; expert activity; analytical activity; legislative activity; interaction and cooperation; behavioral supervision activities; financial literacy.

Cite as: Surmeneva EA. Forms of Human Rights Activities Implemented within the framework of the Institute of the Financial Ombudsman. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(5):18-29. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.018-029

Механизм защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг складывается из четырех элементов: объектов, субъектов, оснований (правовых норм) и форм защиты. Вопрос о последних в юридической литературе носит дискуссионный характер. Среди отечественных ученых отсут-

ствует однозначная позиция относительно содержания понятия «форма защиты», не достигнуто единство мнений о ее видах. В частности, форма защиты определяется как «порядок защиты прав и законных интересов субъектов определенным юрисдикционным органом»¹, «правоприменительная деятельность, выража-

---

¹ Вершинин А. П. Способы защиты гражданских прав в суде : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1998. С. 12–14 ; Воложанин В. П. Несудебные формы разрешения гражданско-правовых споров. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1974. С. 8 ; Шакарян М. С. Соотношение судебной формы с иными формами защиты субъективных прав граждан // Актуальные проблемы защиты субъективных прав граждан и организаций. М., 1985. С. 7.

ющаяся в порядке разрешения юридических дел при осуществлении правосудия»², «определяемая законом деятельность компетентных органов по защите права, то есть по установлению фактических обстоятельств, применению к ним норм права, определению способа защиты права, вынесению решения и осуществлению контроля за его исполнением»³. Форма защиты также определяется применительно к материальному и процессуальному аспекту защиты. В первом случае она представляет собой характер восстановления нарушенного права (полное или частичное восстановление нарушенного права или законного интереса). Во втором — порядок, в котором тот или иной орган (субъект) осуществляет соответствующую деятельность⁴. Следует выразить солидарность позиции, согласно которой форма защиты — не только чисто процессуальная, присущая исключительно юрисдикционным органам процедура, но и весь комплекс внутренних согласованных организационных мероприятий по защите прав, протекающих в рамках единого правового режима⁵.

Определяя содержание формы защиты, следует исходить из того, что форма защиты отвечает на вопрос о том, в каком порядке и какими средствами защищается право, ука-

зывает на конкретный вид субъекта правовой защиты, на объем правозащитных полномочий этого субъекта, на всю системную деятельность уполномоченного субъекта по защите прав и законных интересов⁶, определяет выбор уполномоченного субъекта, к которому обратится управомоченное лицо, а также соблюдение той или иной процедуры, сопровождающей правозащитную деятельность субъекта⁷.

Отечественными учеными разработаны различные классификации форм защиты: юрисдикционная (судебный и административный порядок) и неюрисдикционная (без обращения в компетентные органы), судебная и несудебная⁸, государственная и общественная⁹, судебная, административная, арбитражная, нотариальная и общественная¹⁰. Оригинальна с точки зрения критерия наличия (отсутствия) процессуальной формы защиты права, используемой для рассмотрения спорного правового требования, классификация форм защиты на исковые и неисковые¹¹. Применительно к защите прав и законных интересов потребителей исследователи отмечают наличие двух форм защиты — процессуальной (судебной) и непроцессуальной (несудебной, посредством применения административно-юрисдикционных полномочий)¹². В юридической науке

² Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. М. : Юридическая литература, 1981. Т. 1. С. 336–337.

³ Гражданский процесс : учебник / под ред. М. К. Треушникова. М. : Статут, 2014. С. 14.

⁴ Болгова В. В. Формы защиты субъективного права: теоретические проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2000. С. 9.

⁵ Бутнев В. В. К понятию механизма защиты субъективных прав // Субъективное право: проблемы осуществления и защиты. Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 1989. С. 9 ; Базилевич А. И. Формы защиты субъективных гражданских прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 19.

⁶ Андреев Ю. Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М. : Норма, 2010. С. 304.

⁷ Шувалова А. А. Защита трудовых прав и правовых интересов // Защита гражданских прав: избранные аспекты : сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. д-р юрид. наук М. А. Рожкова. М. : Статут, 2017. С. 402.

⁸ Воложанин В. П. Уточнение некоторых категорий (понятий) искового производства // Вопросы теории и практики гражданского процесса : межвузовский сборник. Вып. 1. Саратов, 1976. С. 18–22.

⁹ Курылев С. В. Формы защиты и принудительного осуществления субъективных прав и право на иск // Труды Иркутского государственного университета. Т. 22. Вып. 3. Иркутск, 1957. С. 168.

¹⁰ Чечот Д. М. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 1968. С. 63.

¹¹ Добровольский А. А., Иванова С. А. Основные проблемы исковой формы защиты права. М. : Изд-во МГУ, 1979. С. 25.

¹² См.: Люкина О. В. Правовые аспекты защиты прав потребителей в торговле // Университетская наука. 2021. № 2 (12). С. 214–216 ; Черноусова К. С. Международный опыт урегулирования споров и средства правовой защиты прав потребителей // Хозяйство и право. 2022. № 6. С. 114–120.

порождает дискуссии вопрос о возможности соотнесения понятия процессуальной формы и деятельности несудебных юрисдикционных органов¹³. Однако всё чаще процессуальная форма рассматривается в качестве важнейшего правового средства, используемого за рамками судопроизводства, а процессуальная форма защиты исследуется применительно к деятельности как публичных, так и частных субъектов права¹⁴.

Для потребителей финансовых услуг как наиболее уязвимых участников финансового рынка эффективность защиты определяется возможностью достижения материального результата, выражающегося в полном восстановлении нарушенного права. Поэтому процессуальные и непроцессуальные формы правозащитной деятельности публичных субъектов целесообразно определять в зависимости от наличия компетенции по рассмотрению имущественных и неимущественных требований с применением мер, направленных на восстановление нарушенного права и компенсацию ущерба, вызванного нарушением. В соответствии с таким подходом процессуальная форма защиты характерна для суда. Принятие Федерального закона от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг»¹⁵ (далее — Закон № 123-ФЗ) ознаменовало дополнение процессуальной формы защиты прав и законных интересов деятельностью финансового уполномоченного.

Необходимость выделения процессуальной формы защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг в деятельности

института финансового уполномоченного продиктована его полномочиями по рассмотрению обращений потребителей финансовых услуг в отношении финансовых организаций с вынесением обязательных для исполнения решений, обеспеченных мерами государственного принуждения, с соблюдением установленных законодательством критериев — предметного, критерия размера требований, темпорального (временного) и субъектного критериев.

Защита прав и законных интересов потребителей финансовых услуг, реализуемая институтом финансового уполномоченного в процессуальной форме, отражает внутренний аспект содержания юридического процесса по рассмотрению обращений, который соответствует совокупности разработанных в научной литературе основных требований к процессуальной форме, а именно: закрепление законом; определенная процессуальным законом последовательность совершения процессуальных действий, вынесения процессуальных решений; требование надлежащего субъекта; требование времени совершения процессуального действия или принятия решения; письменная фиксация процессуальных действий и решений¹⁶. Это позволяет рассматривать процессуальную форму защиты в качестве системы органически взаимосвязанных и последовательно совершаемых процессуальных действий потребителя финансовых услуг (третьего лица, которому уступлено право потребителя), службы обеспечения деятельности финансового уполномоченного, финансового уполномоченного, направленных на достижение результата по рассматриваемому

¹³ Канюкаева А. Р. К вопросу о критериях классификации процессуальных форм защиты // Современное право. 2009. № 1. С. 2–6 ; Алиэскеров М. А. Гражданская процессуальная форма // Там же. 2006. № 8. С. 52–55.

¹⁴ Сорокина В. В. Процессуальная форма юридической деятельности в современной России: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009 ; Михайлова Е. В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и несудебные) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013 ; Канюкаева А. Р. Система процессуальных форм защиты в российском праве : автореф. дис. ... канд. наук. Саратов, 2010.

¹⁵ Федеральный закон от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.09.2023) // СЗ РФ. 2018. № 24. Ст. 3390.

¹⁶ Чулюкин Л. Д., Гурьянова В. В., Исаев Э. Е. Проблемы процессуальной формы // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 2. С. 92.

юридическому делу. В свою очередь, процедурно-правовой порядок защиты складывается из таких стадий, как возбуждение производства по рассмотрению обращения, рассмотрение обращения по существу, вынесение правоприменительного акта, контроль за исполнением правоприменительного акта.

Таким образом, процессуальная форма правозащитной деятельности института финансового уполномоченного является выражением публично-правовых отношений между финансовым уполномоченным, потребителями и финансовыми организациями в процессе рассмотрения обращений в порядке Закона № 123-ФЗ и представляет собой последовательно осуществляемую деятельность финансового уполномоченного как публичного субъекта, связанную с установлением фактических обстоятельств спора между потребителем и финансовой организацией, применением к ним норм права, определением мер защиты, вынесением решения и осуществлением контроля за его исполнением.

Процессуальная форма досудебного урегулирования споров соответствует основным чертам гражданской процессуальной формы защиты, реализуемой в судопроизводстве, а именно нормативности, системности, обязательности, демократичности¹⁷.

С 1 января 2021 г. финансовый уполномоченный рассматривает обращения в отношении всех финансовых организаций, указанных в Законе № 123-ФЗ в качестве субъектов обязательного взаимодействия. За 2022 г. финансовому уполномоченному поступило 153 168 обращений в отношении 904 организаций, из них: в отношении страховых организаций — 98;

микрофинансовых организаций — 155; кредитных организаций — 138; кредитных потребительских кооперативов — 97; негосударственных пенсионных фондов — 14; ломбардов — 11; иных организаций — 391. Обращения направлялись в связи с оказанием более 25 видов финансовых услуг, в связи с чем заявленные потребителями требования носили разнородный характер. По результатам рассмотрения обращений потребителей в 2022 г. финансовым уполномоченным принято 104 915 решений, из которых 93 368 (89,0 %) решений по существу спора¹⁸. Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что процессуальная форма досудебного урегулирования пригодна для рассмотрения споров во всем их видовом разнообразии. Это означает ее соответствие признаку универсальности.

Обеспечение процесса рассмотрения обращений единой сервисной экосистемой, состоящей из четырех информационных систем (Система обработки обращений, Система личных кабинетов, Автоматизированная информационная система интеллектуальной полнотекстовой обработки документов и Библиотека решений финансового уполномоченного), позволяет отнести процессуальную форму разрешения споров финансовым уполномоченным к цифровым¹⁹. Кроме того, она обладает свойством адаптивности — способностью оперативно приспосабливаться к изменяющимся условиям и обстоятельствам, что отчетливо проявилось в условиях тяжелой эпидемиологической обстановки²⁰.

Процессуальная форма, применяемая институтом финансового уполномоченного, опреде-

¹⁷ Семенов В. М. К вопросу о ценности гражданского процессуального права и гражданской процессуальной формы // Краткая антология уральской процессуальной мысли : 55 лет кафедре гражданского процесса Уральской государственной юридической академии / под ред. В. В. Яркова. Екатеринбург : Изд-во Гуманит. ун-та, 2004. С. 107–108 ; Рассахатская Н. А. Гражданская процессуальная форма : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1995.

¹⁸ Отчет о деятельности Службы финансового уполномоченного в 2022 году // URL: <https://finombudsman.ru/about/otchet-yi-o-deyatelnosti/otchet-za-2022-god.html> (дата обращения: 01.11.2023).

¹⁹ Лукошина Ю. А. Цифровая цивилистическая процессуальная форма: теоретико-прикладные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023. С. 35.

²⁰ Крайнова О. И. Институт финансового уполномоченного способен работать в условиях тяжелой эпидемиологической обстановки // Вестник Службы финансового уполномоченного. 2020. № 1. С. 34.

ляется набором признаков, характеризующих ее как эффективную. К ним относятся доступность и простота порядка обращения к финансовому уполномоченному, бесплатность для потребителя, ускоренные сроки рассмотрения, удобный для сторон процесс рассмотрения обращения с построенной коммуникационной средой взаимодействия, ускоренные сроки вступления в силу и исполнения решения, особый стимулирующий механизм, узкая специализация, единство правоприменения.

Правозащитная деятельность института финансового уполномоченного не ограничивается процессуальной формой. В механизм защиты данным институтом прав и законных интересов потребителей финансовых услуг встроены и иные направления правозащитной деятельности, реализуемые в рамках непроцессуальной формы. Анализ юридической литературы показал отсутствие системности в вопросе определения основных направлений правозащитной деятельности публичных субъектов. С учетом имеющихся тематических разработок²¹ можно выделить такие основные направления правозащитной деятельности института финансового уполномоченного, реализуемой в рамках непроцессуальной формы, как консультационная и просветительская работа, экспертно-аналитическая деятельность, взаимодействие с правозащитными организациями и институтами гражданского общества, совершенствование действующего законодательства.

Указанный перечень направлений следует дополнить рассмотрением обращений, поступающих в порядке Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения

обращений граждан Российской Федерации»²², которое, наравне с практикой непосредственного рассмотрения имущественных споров, является направлением правозащитной деятельности института финансового уполномоченного и позволяет получить обратную связь для оперативного разрешения возникающих у потребителей вопросов, а также обеспечить качественный и удобный для потребителей процесс рассмотрения их обращений в соответствии с Законом № 123-ФЗ. Одной из форм реализации права на обращение является личный прием граждан, проводимый руководителями и уполномоченными на то лицами, в соответствии со ст. 13 Федерального закона № 59-ФЗ. Уполномоченными лицами Службы финансового уполномоченного осуществляется прием граждан (в режиме видеосвязи) по вопросам: порядка оформления и подачи обращения к финансовому уполномоченному; разъяснения причин отказа в принятии обращения к рассмотрению финансовым уполномоченным; порядка и сроков рассмотрения обращения финансовым уполномоченным; порядка исполнения решения финансового уполномоченного; судебной защиты прав потребителей финансовых услуг, в том числе в случае несогласия с решением финансового уполномоченного²³.

Для выполнения консультационной работы Службой финансового уполномоченного создан собственный контактный центр, функционирование которого обеспечивает потребителю возможность бесплатно получить по телефону квалифицированную юридическую помощь, консультации о порядке подачи жалобы финансовому уполномоченному, а также информацию

²¹ Правозащитные организации и институты в Российской Федерации : учеб. пособие / под общ. ред. В. В. Лаврова. СПб. : С.-Петербург. юрид. ин-т (ф-л) Университета прокуратуры РФ, 2022. С. 12 ; Правозащитная и правоохранительная деятельность государственных и негосударственных институтов : учебник / А. В. Ендольцева, Ю. В. Ендольцева, Н. И. Платонова. М. : Кнорус, 2022. С. 13 ; Бендицкая О. И. Правозащитная деятельность юридических ассоциаций (союзов) как объект теоретико-правового исследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022.

²² Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

²³ В 2022 г. было осуществлено 79 записей на прием, проведено 55 приемов, из них в 100 % случаев даны ответы по существу.

об этапах рассмотрения обращения финансовым уполномоченным²⁴.

Институт финансового уполномоченного принимает участие в мероприятиях Банка России по поведенческому надзору, который предполагает не только выявление и пресечение нарушений нормативных правовых актов, но и противодействие недобросовестным практикам финансовых организаций²⁵. Участие в поведенческом надзоре обеспечивается мероприятиями по выявлению недобросовестных практик²⁶, взаимным обменом сведениями о неприемлемых практиках с Банком России в рамках соглашения о взаимодействии²⁷, разработкой механизмов противодействия использованию недобросовестных практик финансовыми организациями, в том числе путем выдвижения предложений о совершенствовании законодательства.

Обмен информацией поведенческого характера предусмотрен соглашением, заключенным с Федеральной антимонопольной службой. Предмет совместной деятельности института финансового уполномоченного и ФАС составляют, в частности, выявление системных нарушений финансовыми организациями законодательства и использования ими неприемлемых практик при оказании услуг потребителям, разработка предложений по совершенствованию законодательства²⁸.

В целях организации взаимодействия и сотрудничества в области защиты прав и закон-

ных интересов потребителей финансовых услуг заключены соглашения с Уполномоченным при Президенте РФ по правам ребенка, Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, управлениями Роспотребнадзора по Нижегородской и по Саратовской области, уполномоченными по правам человека в Нижегородской области, в Санкт-Петербурге, Ленинградской области, губернаторами Орловской и Ульяновской областей. В рамках соглашений ведется активная работа по организации взаимных консультаций в сфере защиты прав, личных приемов граждан, семинаров и круглых столов, совместной экспертной деятельности для подготовки предложений по совершенствованию правоприменительной практики и законодательства Российской Федерации.

В условиях общей направленности правоприменительной деятельности института финансового уполномоченного и суда по восстановлению нарушенных прав потребителей осуществляется взаимодействие с Верховным Судом РФ направления предложений о подготовке разъяснений, сформированных на базе вопросов, возникающих при рассмотрении споров с участием потребителей финансовых услуг; предложений, связанных с совершенствованием деятельности финансового уполномоченного; путем совместного участия в рабочих группах²⁹.

Институт финансового уполномоченного принимает активное участие в законопроектной

²⁴ Статистика демонстрирует, что востребованность голосового канала взаимодействия с потребителями растет: в 2020 г. было обработано более 47 тыс. вызовов, в 2021 г. этот показатель составил чуть меньше 60 тыс., в 2022 г. общее количество принятых звонков превысило 92 тыс.

²⁵ Ситник А. А. Поведенческий надзор на финансовом рынке // Lex russica. 2023. Т. 76. № 3. С. 44.

²⁶ Так, в III квартале 2022 г. в деятельности финансовых организаций, взаимодействующих с финансовым уполномоченным, Службой было выявлено 13 неприемлемых практик, в IV квартале 2022 г. — 11. Число выявленных в I квартале 2023 г. неприемлемых практик возросло до 49.

²⁷ В 2022 г. в Банк России направлена информация о более чем 20 неприемлемых практиках.

²⁸ Служба финансового уполномоченного и Федеральная антимонопольная служба договорились об обмене информацией о нарушениях и недобросовестных практиках финансовых организаций // URL: <https://finombudsman.ru/finnews/sluzhba-finansovogo-upolnomochennogo-i-federalnaya-antimonopolnaya-sluzhba-dogovorilis-ob-obmene-informaciej-o-narusheniyax-i-nedobrosovestnyix-praktikax-finansovyix-organizacij.html?ysclid=lm96dc6v1b932043653> (дата обращения: 01.11.2023).

²⁹ Например, в 2022 г. Служба финансового уполномоченного участвовала в подготовке нового постановления Пленума Верховного Суда РФ о применении законодательства об ОСАГО и подготовила более 80 предложений. Ряд предложений был принят Верховным Судом РФ и включен в итоговую редакцию

деятельности³⁰. Законодательные инициативы Службы, воспринятые в Федеральном законе от 13.06.2023 № 226-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг” и отдельные законодательные акты Российской Федерации»³¹, способствуют повышению состояния защищенности большого круга потребителей. Расширение компетенции института за счет рассмотрения споров о незаконных переводах пенсионных накоплений вовлечет в контур взаимодействия с финансовым уполномоченным потребителей, для которых бесплатная и простая процедура урегулирования спора ранее была недоступна.

Важным направлением деятельности института финансового уполномоченного является организация независимой экспертизы (оценки) для решения вопросов, связанных с рассмотрением обращений потребителей финансовых услуг в соответствии с Законом № 123-ФЗ³². Заказ экспертных заключений осуществляется в рамках пяти категорий: автоэкспертиза, экспертиза имущества, осмотр имущества, почерковедческая экспертиза, медицинская экспертиза³³.

Институтом финансового уполномоченного ведутся аналитическая работа по конкретным делам, по совершенствованию законодательства, изучение и обобщение правоприменительной практики. Служба обобщает и публикует всю информацию о спорах между потребителями и финансовыми организациями, рассмотренных финансовыми уполномоченными, включая информацию о наименованиях конкретных финансовых компаний, в отношении

которых поступили обращения потребителей, и о результатах рассмотрения таких обращений. Вся существенная информация о рассмотренных спорах отражается в ежегодном отчете Службы финансового уполномоченного, который подлежит обязательному раскрытию на официальном сайте финансового уполномоченного. Статистические и аналитические материалы по рассмотрению обращений потребителей, о судебной практике по делам об обжаловании решений финансового уполномоченного, предложения по совершенствованию работы института досудебного урегулирования споров на финансовом рынке и повышению защиты прав потребителей финансовых услуг публикуются в «Вестнике Службы финансового уполномоченного», который служит важнейшим инструментом взаимодействия данного института с участниками финансового рынка, потребителями финансовых услуг, государственными органами и иными правозащитными организациями.

Особое внимание рассматриваемого института сосредоточено на повышении уровня финансовой грамотности населения и информировании потребителей финансовых услуг о возможности защиты их прав и законных интересов посредством института финансового уполномоченного. Организуемые мероприятия носят разноплановый и достаточно масштабный характер³⁴. Работа по правовому просвещению реализуется по двум основным направлениям — непосредственно с населением (лекции, беседы, круглые столы, семинары и др.) и опосредованно, в частности через средства массовой информации и сеть Интернет. Просветительская и консультационная работа органи-

---

постановления Пленума от 08.11.2022 № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств».

³⁰ Отчет о деятельности Службы финансового уполномоченного в 2022 году.

³¹ СЗ РФ. 2023. № 25. Ст. 4415.

³² См. подробнее: Экспертиза: компромисс недопустим // Вестник Службы финансового уполномоченного. 2020. № 2. С. 23 ; Экспертиза: самое главное — не допустить ошибку // Вестник Службы финансового уполномоченного. 2022. № 3 (06). С. 32.

³³ В период с января по август 2022 г. по 48 % принятых обращений потребителей были проведены одна или несколько экспертиз (в 2021 г. — 55 %), по заказу финансовых уполномоченных проведено 37 348 экспертных исследований.

³⁴ Отчет о деятельности Службы финансового уполномоченного в 2022 году.

зуются на базе юридических клиник при высших учебных заведениях. Взаимодействие с юридическими клиниками нацелено на удовлетворение общественной потребности в получении потребителями финансовых услуг бесплатной юридической помощи. Организованное на базе юридических клиник консультирование ориентировано на конкретного потребителя и создает для него дополнительные возможности для оперативного разрешения вопросов, связанных с порядком подачи обращений финансовому уполномоченному, а также получения иной достоверной информации о деятельности института финансового уполномоченного.

Таким образом, помимо выполнения функции разрешения споров институт финансового уполномоченного при активном взаимодействии с контрольно-надзорными органами, иными публичными субъектами, институтами гражданского общества проводит масштабную правозащитную деятельность. Обозначенные выше направления деятельности института финансового уполномоченного следует рассматривать именно в контексте правозащитной деятельности, поскольку они позволяют

минимизировать опасные для нормального функционирования финансового рынка и удовлетворения правомерных интересов потребителей финансовых услуг факторы риска, в числе которых несовершенство действующего законодательства, недобросовестное поведение участников рынка, низкий уровень финансовой грамотности потребителей. Проведение институтом мероприятий в рамках непроцессуальной формы защиты снижает данные факторы риска, создает возможности для оптимизации процессуальной формы, придавая тем самым правозащитной деятельности института финансового уполномоченного системный характер. Сочетание процессуальной и непроцессуальной форм правозащитной деятельности института финансового уполномоченного позволяет создавать условия для реализации прав и законных интересов потребителей финансовых услуг, предупреждать и пресекать нарушения их прав и законных интересов, восстанавливать нарушенные права и компенсировать ущерб, вызванный нарушением, наиболее полно обеспечивая состояние защищенности потребителей финансовых услуг.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. Т. 1. — М. : Юридическая литература, 1981. — 361 с.
2. Алиэскеров М. А. Гражданская процессуальная форма // Современное право. — 2006. — № 8. — С. 52–55.
3. Андреев Ю. Н. Механизм гражданско-правовой защиты. — М. : Норма, 2010. — 464 с.
4. Базилевич А. И. Формы защиты субъективных гражданских прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ульяновск, 2002. — 29 с.
5. Бендицкая О. И. Правозащитная деятельность юридических ассоциаций (союзов) как объект теоретико-правового исследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2022. — 31 с.
6. Болгова В. В. Формы защиты субъективного права: теоретические проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Самара, 2000. — 38 с.
7. Бутнев В. В. К понятию механизма защиты субъективных прав // Субъективное право: проблемы осуществления и защиты. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. — С. 9–11.
8. Вершинин А. П. Способы защиты гражданских прав в суде : дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 1998.
9. Воложанин В. П. Несудебные формы разрешения гражданско-правовых споров. — Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1974. — 202 с.
10. Воложанин В. П. Уточнение некоторых категорий (понятий) искового производства // Вопросы теории и практики гражданского процесса : межвузовский сборник. — Вып. 1. — Саратов, 1976. — С. 18–22.
11. Гражданский процесс : учебник / под ред. М. К. Треушникова. — М. : Статут, 2014. — 960 с.

12. Добровольский А. А., Иванова С. А. Основные проблемы исковой формы защиты права. — М. : Изд-во МГУ, 1979. — 159 с.
13. Правозащитная и правоохранительная деятельность государственных и негосударственных институтов : учебник / А. В. Ендольцева, Ю. В. Ендольцева, Н. И. Платонова. — М. : Кнорус, 2022. — 220 с.
14. Канюкаева А. Р. К вопросу о критериях классификации процессуальных форм защиты // Современное право. — 2009. — № 1. — С. 2–6.
15. Канюкаева А. Р. Система процессуальных форм защиты в российском праве : автореф. дис. ... канд. наук. — Саратов, 2010. — 23 с.
16. Крайнова О. И. Институт финансового уполномоченного способен работать в условиях тяжелой эпидемиологической обстановки // Вестник Службы финансового уполномоченного. — 2020. — № 1. — С. 34–35.
17. Курьлев С. В. Формы защиты и принудительного осуществления субъективных прав и право на иск // Труды Иркутского государственного университета. — Т. 22. — Вып. 3. — Иркутск, 1957. — С. 159–216.
18. Луконина Ю. А. Цифровая цивилистическая процессуальная форма: теоретико-прикладные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2023. — 239 с.
19. Люкина О. В. Правовые аспекты защиты прав потребителей в торговле // Университетская наука. — 2021. — № 2 (12). — С. 214–216.
20. Михайлова Е. В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и несудебные) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2013. — 46 с.
21. Правозащитные организации и институты в Российской Федерации : учеб. пособие / под общ. ред. В. В. Лаврова. — СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2022. — 63 с.
22. Рассахатская Н. А. Гражданская процессуальная форма : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 1995. — 20 с.
23. Семенов В. М. К вопросу о ценности гражданского процессуального права и гражданской процессуальной формы // Краткая антология уральской процессуальной мысли : 55 лет кафедре гражданского процесса Уральской государственной юридической академии / под ред. В. В. Яркова. — Екатеринбург : Изд-во Гуманит. ун-та, 2004. — С. 102–109.
24. Ситник А. А. Поведенческий надзор на финансовом рынке // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 3. — С. 41–51.
25. Сорокина В. В. Процессуальная форма юридической деятельности в современной России: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2009. — 22 с.
26. Шакарян М. С. Соотношение судебной формы с иными формами защиты субъективных прав граждан // Актуальные проблемы защиты субъективных прав граждан и организаций. — М., 1985. — С. 7–16.
27. Шувалова А. А. Защита трудовых прав и правовых интересов // Защита гражданских прав: избранные аспекты : сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. д-р юрид. наук М. А. Рожкова. — М. : Статут, 2017. — С. 396–408.
28. Черноусова К. С. Международный опыт урегулирования споров и средства правовой защиты прав потребителей // Хозяйство и право. — 2022. — № 6. — С. 114–120.
29. Чечот Д. М. Избранные труды по гражданскому процессу. — СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 1968. — 614 с.
30. Чулюкин Л. Д., Гурьянова В. В., Исаев Э. Е. Проблемы процессуальной формы // Вестник экономики, права и социологии. — 2022. — № 2. — С. 87–92.

Материал поступил в редакцию 9 ноября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prava: v 2 t. T. 1. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1981. — 361 s.
2. Alieskerov M. A. Grazhdanskaya protsessualnaya forma // *Sovremennoe pravo*. — 2006. — № 8. — S. 52–55.
3. Andreev Yu. N. Mekhanizm grazhdansko-pravovoy zashchity. — M.: Norma, 2010. — 464 s.
4. Bazilevich A. I. Formy zashchity subektivnykh grazhdanskikh prav: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Ulyanovsk, 2002. — 29 s.
5. Benditskaya O. I. Pravozashchitnaya deyatel'nost yuridicheskikh assotsiatsiy (soyuzov) kak objekt teoretiko-pravovogo issledovaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2022. — 31 s.
6. Bolgova V. V. Formy zashchity subektivnogo prava: teoreticheskie problemy: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Samara, 2000. — 38 s.
7. Butnev V. V. K ponyatiyu mekhanizma zashchity subektivnykh prav // *Subektivnoe pravo: problemy osushchestvleniya i zashchity*. — Vladivostok: Izd-vo Dalnevost un-ta, 1989. — S. 9–11.
8. Vershinin A. P. Sposoby zashchity grazhdanskikh prav v sude: dis. ... d-ra yurid. nauk. — SPb., 1998.
9. Volozhanin V. P. Nesudebnye formy razresheniya grazhdansko-pravovykh sporov. — Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo, 1974. — 202 s.
10. Volozhanin V. P. Utochnenie nekotorykh kategoriy (ponyatiy) iskovogo proizvodstva // *Voprosy teorii i praktiki grazhdanskogo protsessa: mezhvuzovskiy sbornik*. — Vyp. 1. — Saratov, 1976. — S. 18–22.
11. *Grazhdanskiy protsess: uchebnik / pod red. M. K. Treushnikova*. — M.: Statut, 2014. — 960 s.
12. Dobrovolskiy A. A., Ivanova S. A. Osnovnye problemy iskovoy formy zashchity prava. — M.: Izd-vo MGU, 1979. — 159 s.
13. Pravozashchitnaya i pravookhranitel'naya deyatel'nost gosudarstvennykh i negosudarstvennykh institutov: uchebnik / A. V. Endoltseva, Yu. V. Endoltseva, N. I. Platonova. — M.: Knorus, 2022. — 220 s.
14. Kanyukaeva A. R. K voprosu o kriteriyakh klassifikatsii protsessualnykh form zashchity // *Sovremennoe pravo*. — 2009. — № 1. — S. 2–6.
15. Kanyukaeva A. R. Sistema protsessualnykh form zashchity v rossiyskom prave: avtoref. dis. ... kand. nauk. — Saratov, 2010. — 23 s.
16. Kraynova O. I. Institut finansovogo upolnomochennogo sposoben rabotat v usloviyakh tyazheloy epidemiologicheskoy obstanovki // *Vestnik Sluzhby finansovogo upolnomochennogo*. — 2020. — № 1. — S. 34–35.
17. Kurylev S. V. Formy zashchity i prinuditel'nogo osushchestvleniya subektivnykh prav i pravo na isk // *Trudy Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. — T. 22. — Vyp. 3. — Irkutsk, 1957. — S. 159–216.
18. Lukonina Yu. A. Tsifrovaya tsivilisticheskaya protsessualnaya forma: teoretiko-prikladnye aspekty: dis. ... kand. yurid. nauk. — Saratov, 2023. — 239 s.
19. Lyukina O. V. Pravovye aspekty zashchity prav potrebiteley v torgovle // *Universitetskaya nauka*. — 2021. — № 2 (12). — S. 214–216.
20. Mikhaylova E. V. Protsessualnye formy zashchity subektivnykh grazhdanskikh prav, svobod i zakonnykh interesov v Rossiyskoy Federatsii (sudebnye i nesudebnye): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2013. — 46 s.
21. Pravozashchitnye organizatsii i instituty v Rossiyskoy Federatsii: ucheb. posobie / pod obshch. red. V. V. Lavrova. — SPb.: Sankt-Peterburgskiy yuridicheskiy institut (filial) Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii, 2022. — 63 s.
22. Rassakhatskaya N. A. Grazhdanskaya protsessualnaya forma: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Saratov, 1995. — 20 s.
23. Semenov V. M. K voprosu o tsennosti grazhdanskogo protsessualnogo prava i grazhdanskoy protsessualnoy formy // *Kratkaya antologiya uralskoy protsessualnoy mysli: 55 let kafedre grazhdanskogo protsessa Uralskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii / pod red. V. V. Yarkova*. — Ekaterinburg: Izd-vo Gumanit. un-ta, 2004. — S. 102–109.

24. Sitnik A. A. Povedencheskiy nadzor na finansovom rynke // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 3. — С. 41–51.
25. Sorokina V. V. Protsessualnaya forma yuridicheskoy deyatel'nosti v sovremennoy Rossii: voprosy teorii i praktiki: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Saratov, 2009. — 22 s.
26. Shakaryan M. S. Sootnoshenie sudebnoy formy s inymi formami zashchity subektivnykh prav grazhdan // Aktualnye problemy zashchity subektivnykh prav grazhdan i organizatsiy. — M., 1985. — С. 7–16.
27. Shuvalova A. A. Zashchita trudovykh prav i pravovykh interesov // Zashchita grazhdanskikh prav: izbrannye aspekty: sbornik statey / ruk. avt. kol. i otv. red. d-r yurid. nauk M. A. Rozhkova. — M.: Statut, 2017. — С. 396–408.
28. Chernousova K. S. Mezhdunarodnyy opyt uregulirovaniya sporov i sredstva pravovoy zashchity prav potrebiteley // Khozyaystvo i pravo. — 2022. — № 6. — С. 114–120.
29. Chechot D. M. Izbrannye trudy po grazhdanskomu protsessu. — SPb.: Izd. dom S.-Peterb. gos. un-ta, 1968. — 614 s.
30. Chulyukin L. D., Guryanova V. V., Isaev E. E. Problemy protsessualnoy formy // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. — 2022. — № 2. — С. 87–92.

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.030-040

В. В. Кресс*

Информация как объект гражданских прав

Аннотация. Статья посвящена поиску места информации в системе объектов гражданских прав. Отмечено, что вопрос о самостоятельности информации как объекта гражданских прав и возможности включения ее в гражданский оборот является дискуссионным. К настоящему времени сложилось несколько подходов по существу обозначенного вопроса, которым в статье уделено особое внимание. Согласно первому из них информация рассматривается в качестве объекта гражданских прав и договорных отношений. Более того, информация имеет настолько сильную связь с товаром — вещью, что предложено распространить на нее все правила об объектах вещного права. Второй подход заключается в том, что информацию относят к интеллектуальной собственности. В соответствии с третьим подходом информация признается объектом гражданских прав только в случае ее отражения (закрепления) на материальном носителе. Четвертый подход заключается в том, что информацию относят к нематериальным благам. По результатам проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что информация является опосредованным объектом гражданских прав, поскольку по своей природе она является частью (содержанием) прямо поименованных в ст. 128 ГК РФ объектов гражданских прав (нематериальное благо или результат интеллектуальной деятельности), что создает конструкцию объекта внутри объекта. В этой связи предложено условно именовать указанный в законе объект гражданских прав (нематериальное благо или результат интеллектуальной деятельности) объектом первого порядка (уровня), а составляющие его часть (содержание) сведения (информацию) — объектом гражданских прав второго порядка (уровня). Таким образом, правовой режим информации как объекта гражданских прав второго порядка (уровня) будет определен объектом гражданских прав первого порядка (уровня), частью (содержанием) которого она является.

Ключевые слова: информация; объект гражданских прав; право собственности; вещь; товар; интеллектуальная собственность; ноу-хау; нематериальные блага; правовой режим; цифровизация; гражданский оборот.

Для цитирования: Кресс В. В. Информация как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 5. — С. 30–40. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.030-040.

Information as an Object of Civil Rights

Vyacheslav V. Kress, Chairman, Moscow District Arbitration Court, Cand. Sci. (Law), Moscow, Russian Federation
5777433@inbox.ru

Abstract. The paper is devoted to the search for the place of information in the system of objects of civil rights. It is noted that the issue of the independence of information as an object of civil rights and the possibility of including

---

© Кресс В. В., 2024

* Кресс Вячеслав Викторович, председатель Арбитражного суда Московского округа, кандидат юридических наук

Селезневская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 127994
5777433@inbox.ru

it in civil circulation is debatable. To date, several approaches exist to the essence of the indicated issue that are given special attention in the paper. According to the first approach, information is considered as an object of civil rights and contractual relations. Moreover, information has such a strong connection with a commodity — a thing — that it is proposed to extend all the rules applied to the objects of property law to information. Under the second approach information is classified as intellectual property. According to the third approach, information is recognized as an object of civil rights only if it is reflected (fixed) on a tangible medium. Under the forth approach, information is classified as intellectual property. According to the results of the study, the author concludes that information is an indirect object of civil rights, since by its nature information is a part (content) of the objects of civil rights directly listed in Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation (intangible benefit or result of intellectual activity), which creates the construction of an object within an object. In this regard, it is proposed to conditionally refer to the object of civil rights specified in the law (intangible benefit or result of intellectual activity) as an object of the first order (level), and its constituent part (content) information (information) is recommended to be treated as the object of civil rights of the second order (level). Thus, the legal regime of information as an object of civil rights of the second order (level) will be determined by the object of civil rights of the first order (level), of which it is a part (content).

Keywords: information; object of civil rights; property right; thing; commodity; intellectual property; know-how; intangible benefits; legal regime; digitalization; civil turnover.

Cite as: Kress VV. Information as an Object of Civil Rights. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(5):30-40. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.030-040

Информация была прямо отнесена к числу объектов гражданских прав в качестве самостоятельного объекта с 1 января 1995 г. до 31 декабря 2007 г.¹

В связи с вступлением в силу с 1 января 2008 г. части IV ГК РФ информация была исключена из содержащегося в ст. 128 ГК РФ перечня

объектов гражданских прав². П. В. Крашенинников объясняет это тем, что объектом является только информация, подпадающая под признаки секрета производства (ноу-хау) и относящаяся к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности³. Раскрывая данную мысль, А. Г. Тухватулина говорит о стирании гра-

---

¹ Как отметила Е. Н. Насонова, возможность закрепления информации как объекта гражданских прав возникла благодаря развитию общества в целом, а конкретнее — его коммуникационных связей, имеющих различную физическую природу. По ее справедливому утверждению, информация получила статус реальной величины, которая может оказывать влияние на имущественное положение субъекта (*Насонова Е. Н. Информация как объект гражданского права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 13*).

² Как было отмечено в научной литературе, «...одной из причин выведения информации за пределы объектов гражданских прав стало уяснение того, что информационный обмен — это процесс, который характеризует весь гражданский оборот». По словам С. К. Соломина и Н. Г. Соломиной, «...информация является неотъемлемым свойством любых отношений, составляющих предмет гражданско-правового регулирования; информация обеспечивает индивидуализацию каждого участника гражданского оборота, позволяет дать характеристику действиям таких участников, а также описать любой объект материального мира. Иначе говоря, информационный обмен, характеризуя различные явления и процессы, формирующиеся (и существующие) в экономическом базисе, не воспринимается гражданским правом в отрыве от таких явлений и процессов. Так, например, правовые конструкции, обеспечивающие индивидуализацию субъектов гражданского права (за счет имени, места жительства и т.д.), позволяют каждому из нас иметь представление о лице, которое нам противостоит. И если в вводной части договора указываются лица, являющиеся сторонами договора, это означает и то, что сам договор стал источником информационного обмена» (*Соломин С. К., Соломина Н. Г. Юридические факты и иные жизненные обстоятельства: цивилистический очерк : монография. М. : Юстицинформ, 2022*).

³ *Крашенинников П. В. Вступительное слово // Объекты гражданских прав : постатейный комментарий к главам 6, 7 и 8 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2009.*

ниц между информацией и результатами интеллектуальной деятельности, «...что, собственно, и стало причиной исключения информации из перечня объектов гражданских прав»⁴.

Таким образом, в настоящее время информация получает правовую защиту только при условии отнесения ее к какому-то объекту, указанному в ст. 128 ГК РФ. Однако по-прежнему актуален вопрос о самостоятельности информации как объекта гражданских прав и возможности включения ее в гражданский оборот. Результатом доктринальной дискуссии на сегодняшний день являются следующие подходы.

Согласно первому информация рассматривается в качестве объекта гражданских прав и договорных отношений. Более того, информация имеет настолько сильную связь с товаром — вещью, что предложено распространить на нее все правила об объектах вещного права. Данную позицию аргументирует, в частности, И. Л. Бачило, которая рассматривает информацию в качестве материального объекта (с отнесением ее к категории вещей) и предлагает распространить на нее право вещной собственности⁵. Г. А. Лобанов в своих рассуждениях пришел к выводу о том, что информация

есть не что иное, как товар, который может быть объектом договора купли-продажи⁶. В качестве самостоятельного товара допускает рассмотрение информации (даже вне ее использования) О. В. Кириченко⁷. По словам О. Ю. Сидоровой, информация обладает целым рядом общих свойств (качество, физическая отчуждаемость, обособленность и т.д.), а также свойствами гражданско-правового характера (может являться товаром и вовлекаться в гражданский оборот, иметь стоимость и приносить доход). При этом, по мнению автора, информация может выступать объектом целого ряда гражданско-правовых сделок: купли-продажи, мены, дарения, соглашения о передаче информации в пользование, на выполнение НИОКР и ряда иных⁸. Как минимум для целей антимонопольного регулирования информацию предлагает признать товаром А. Ю. Чурилов⁹.

Авторы одного из комментариев к Закону РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» применительно к анализу геологической информации пришли к выводу о том, что имуществом она не является, однако отнесена к объектам гражданских прав, на которые распространяется право собственности¹⁰.

⁴ См.: Тухватулина А. Г. Информация как объект гражданских прав // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского университета. 2020. № 2 (17). С. 245–250.

⁵ Бачило И. Л. О праве собственности на информацию // Труды Института законодательства и сравнительного правоведения. 1992. № 52. С. 32.

⁶ По его словам, «...очень важно определить точно требования к предоставляемой информации. Ее объем, перечень вопросов, на которые она должна отвечать, т.е. количественные и качественные параметры информации. В противном случае, если представленная информация не будет соответствовать условиям договора, то, видимо, можно ставить вопрос о применении гражданско-правовой ответственности к недобросовестному контрагенту». В результате автор делает вывод о том, что «...информация как объект купли-продажи уверенно “пробивает дорогу” в рамках Интернета, поскольку такие сделки купли-продажи информации уже совершаются. По всей видимости, не за горами то время, когда возникнут споры, касающиеся имущественной ответственности продавца информации, предоставившего “товар” не того качества и количества» (Лобанов Г. А. Информация как объект гражданских правоотношений // Бизнес-адвокат. 1998. № 6. С. 74).

⁷ Кириченко О. В. Информация как объект гражданских правоотношений // Современное право. 2014. № 9. С. 77–81.

⁸ Сидорова О. Ю. Информация как объект абсолютных и относительных гражданских правоотношений : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. С. 11–13.

⁹ Чурилов А. Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности и новых технологий: вызовы XXI века : монография. М. : Юстицинформ, 2020.

¹⁰ Данный вывод сделан ими на основе ч. 8 ст. 27 данного закона, которая определяет обладателя геологической информации о недрах, полученной пользователем недр за счет собственных и (или) привлеченных

Среди сторонников рассматриваемого подхода распространена также точка зрения, в соответствии с которой как только информация приобретает экономическую ценность, она становится имуществом¹¹. На имущественную ценность для экономического оборота как неотъемлемый признак информации в гражданско-правовом смысле указывает В. А. Дозорцев. Соответственно, именно такая информация и может являться объектом гражданских прав¹².

В научной доктрине предложения о признании информации вещью, имуществом, товаром, а также о распространении на нее режима права собственности подверглись, на наш взгляд, справедливой критике¹³. Так, А. Н. Латыев приводит справедливый аргумент о том, что невозможно восстановить положение, существовавшее до нарушения прав, связанных с информацией: доступ к информации восстановить возможно, но ни при каких обстоятельствах невозможно стереть ее из памяти лица, получившего к ней несанкционированный доступ¹⁴.

Мы не поддерживаем предложения о распространении на информацию как объект гражданских прав правового режима вещи или иного вещного права, поскольку нематериальная сущность информации не позволяет в полной мере обеспечить реализацию традиционной для вещного права триады правомочий собственника — права владения, пользования и распоряжения. Владение информацией возможно через ее осознание, т.е. через мыслительный процесс, что не может быть регламентировано в законе. Пользование информацией также предполагает психические процессы, запретить которые законом нельзя. Вместе с тем пользование вовне и распоряжение информацией возможны посредством ее предоставления и распространения¹⁵. Законодательная регламентация пользования и распоряжения информацией осуществляется, например, через установление запрета на совершение действий с информацией, полученной незаконным путем, а также запрета на распространение информации без согласия управомоченного лица и т.д.¹⁶ Вместе с тем

средств (см.: Комментарий к Закону Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» // СПС «КонсультантПлюс»).

¹¹ См., например: Рожкова М. А. Информация как объект гражданских прав, или Что надо менять в гражданском праве // Закон.ру. 2018. 6 ноября. URL: https://zakon.ru/blog/2018/11/6/informaciya_kak_obekt_grazhdanskikh_prav_ili_chno_nado_menyat_v_grazhdanskom_prave.

¹² Дозорцев В. А. Интеллектуальные права : Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей. М. : Статут, 2003.

¹³ Большинство цивилистов оспаривают возможность распространения на информацию как на нематериальные объекты института права вещной собственности (см.: Ефремов А. А. Понятие и виды конфиденциальной информации // URL: www.russianlaw.net ; Суханов Е. А. Объекты права собственности // Закон. 1995. № 4. С. 94–98). Согласно классическим подходам объектом вещного права может быть только вещь, предмет материального мира. Более того, в соответствии с еще более узким подходом объектом права собственности является исключительно индивидуальное имущество. Вещи, которые определяются родовыми признаками, а также нематериальные блага объектами вещного права не являются (см.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть 1 / под ред. О. Н. Садикова. М., 1997. С. 415).

¹⁴ Латыев А. Н. Вещные права в гражданском праве: понятие и особенности правового режима : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург : Уральская гос. юрид. акад., 2004. С. 24.

¹⁵ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448) под предоставлением информации понимает действия, направленные на получение информации определенным кругом лиц или передачу информации определенному кругу лиц. Под распространением — те же действия в отношении неопределенного круга лиц.

¹⁶ В настоящее время, например, установлен законодательный запрет на распространение информации, которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной нена-

ее сущность и отображение в человеческом сознании, а также, как показано выше, невозможность защиты с применением вещно-правовых способов лишает в целом целесообразности распространение на информацию режима вещного права.

Второй подход заключается в том, что информацию относят к интеллектуальной собственности. Действительно, информация, по сути, имеет сходные черты с результатами интеллектуальной деятельности: они нематериальны по своей природе и воплощаются на материальном носителе, похож и процесс их получения — путем мыслительной деятельности; их характеризует также связанность непосредственно с личностью субъекта. Данной точки зрения придерживается, в частности, А. П. Сергеев¹⁷. В. О. Пучков, не рассматривающий информацию в качестве самостоятельного объекта, считает возможным отнести ее к результатам интеллектуальной деятельности¹⁸. А. А. Инюшкин допускает возникно-

вление гражданских правоотношений, связанных с информацией, даже в отсутствие ее в составе объектов гражданских прав. Однако, по его мнению, такие отношения возможны только при условии законодательной связи информации с интеллектуальной собственностью (которую можно обеспечить путем использования информации в объекте интеллектуальной собственности) либо соотнесения цели использования информации с отношениями, регулируемыми гражданским законодательством¹⁹.

С. П. Гришаев считает, что в настоящее время информация получает правовую охрану только в составе секретов производства (ноу-хау), правовой режим которых установлен в ч. IV ГК РФ. При этом ученый отмечает, что информация вовлекается в коммерческий оборот только при условии ее коммерческой ценности²⁰.

Попытка признания информации в качестве ноу-хау не нашла поддержки в научной литературе. Так, указаны различия правомочий на ноу-

---

висти и вражды, а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность. Вместе с тем согласно п. 1 ст. 5 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информация может свободно использоваться любым лицом и передаваться одним лицом другому лицу, если федеральными законами не установлены ограничения доступа к информации либо иные требования к порядку ее предоставления или распространения.

¹⁷ См.: Сергеев А. П. Авторское право России. СПб., 1994. С. 39.

¹⁸ Пучков В. О. Информация — объект гражданского права? // Арбитражные споры. 2020. № 2. С. 135–144.

¹⁹ Инюшкин А. А. Информация в системе объектов гражданских прав и ее взаимосвязь с интеллектуальной собственностью на примере баз данных // Информационное право. 2016. № 4. С. 4–7.

²⁰ Гришаев С. П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав // СПС «КонсультантПлюс», 2015.

²¹ По словам О. В. Кириченко, «правомочия на ноу-хау традиционно строятся по модели исключительных прав. Они направлены на использование данных, составляющих ноу-хау. Запрет разглашения устанавливается только для того, чтобы само право продолжало существовать. Корни ноу-хау уходят в патентную систему, когда одновременно с патентной лицензией передавались некоторые дополнительные данные, касающиеся осуществления изобретения. Это так называемая смешанная лицензия. И лишь следующей разновидностью является лицензия, по которой правообладатель передает производственные секреты и даже обязывается оказывать помощь в осуществлении решения. По ноу-хау одна только информация вне использования вообще никому не нужна. Содержанием права на передачу информации является только сообщение данных. Никаких прав на использование, практическое применение этих данных оно не включает. Передача данных, знания отсечена от права использования, обособлена от него. При этом речь идет именно о передаче данных на конфиденциальной основе, а не об их опубликовании, которое исключает само право на передачу данных» (Кириченко О. В. Информация как объект гражданских правоотношений // Современное право. 2014. № 9. С. 77–81).

хау и на информацию²¹, а как следствие — различия во взаимоотношениях по их передаче²². И уж тем более она не теряет ценности для ее обладателя при предоставлении третьим лицам.

Негативно высказался об отнесении информации к интеллектуальной собственности в целом и к авторскому праву в частности В. А. Дозорцев. Свою позицию ученый аргументирует отсутствием у информации характерного для произведений признака — творческого начала²³. Более того, как верно было отмечено в литературе, «...авторское право охраняет форму, а не содержание произведения, в то время как для защиты персональных данных имеет значение именно содержание (Ф. И. О. лиц, конкретные вкусовые предпочтения, конкретные геолокации и т.п.)»²⁴.

В соответствии с третьим подходом информация признается объектом гражданских прав только в случае ее отражения (закрепления) на

материальном носителе²⁵. Так, О. А. Городов считает, что объектом гражданского оборота может быть только информация, выраженная на материальном носителе. При этом он подчеркивает, что товарными свойствами обладают одновременно два элемента: и информация, и ее носитель²⁶.

На материальный носитель как необходимое условие отнесения информации к объектам гражданских прав указывает также Е. Н. Насонова²⁷.

Сходной позиции придерживается Е. М. Косьяненко, отмечая, что информация может рассматриваться в качестве объекта правоотношения только после объективизации ее человеком, осуществленной под воздействием данной воспринятой им информации, либо после фиксации ее на каком-либо носителе²⁸.

Считаем, что ценность информации и, как следствие, целесообразность признания ее объ-

---

²² Ноу-хау предполагает передачу на основе выданного разрешения на использование (лицензии, лицензионного соглашения), в то время как передача информации не сопровождается никакой передачей прав — происходит простая фактическая передача сведений. В юридической доктрине также в качестве отличительных признаков указано на то, что режим ноу-хау предполагает отсутствие у третьих лиц свободного доступа к охраняемым сведениям, она имеет ценность ввиду ее неизвестности третьим лицам, что весьма спорно в отношении, например, персональных данных хотя бы потому, что эти сведения доступны самому субъекту персональных данных как источнику этих данных, так и на законном основании другим лицам (см.: *Право в сфере Интернета : сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2018.*).

²³ Более того, по мнению В. А. Дозорцева, «право на распространение информации коренным образом отличается от содержания традиционного исключительного права. Это просто другое право, имеющее другое содержание. Различия относятся ко всем основным элементам правового режима: к объекту, субъектам, содержанию прав и обязанностей, порядку их осуществления и т.п.» (*Дозорцев В. А. Указ. соч. С. 234*).

²⁴ См.: *Право в сфере Интернета : сборник статей.*

²⁵ При этом в информации как объекте права усматриваются и элементы вещного права, и положения, регулирующие особенности обращения результатов интеллектуальной деятельности, где вещный аспект свойствен объекту, используемому для фиксации информации, а информации характерны свойства произведения.

²⁶ *Городов О. А. О нетрадиционных объектах гражданских прав // Правоведение. 2013. № 6. С. 96–107.*

²⁷ По ее словам, информация признается объектом гражданских прав в случаях, когда сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах находят отображение на материальных объектах в виде символов, образов, сигналов и технических решений; кроме того, информация может быть вовлечена в оборот в виде информационных продуктов, информационной продукции, коммерческой тайны, результатов интеллектуальной деятельности (интеллектуальной собственности) и приравненных к ним средств индивидуализации продукции, выполненных информационных работ и услуг (см.: *Насонова Е. Н. Указ. соч. С. 8–10*).

²⁸ Свойство неисчерпаемости может быть отнесено к источнику информации только в семантическом понимании, но в юридическом смысле информационные ресурсы должны быть конечными (имеется в

ектом гражданских прав заключается именно в ней самой, а не в материальном носителе, на котором она закреплена. Сам материальный носитель не отражает сущности информации, с этой позиции информация не может входить в состав имущества как объекта гражданских прав.

Четвертый подход заключается в том, что информацию относят к нематериальным благам (при условии, что она не является общедоступной²⁹). Основная аргументация сторонников данного подхода сводится к признакам информации, сходным с признаками нематериальных благ: их нематериальная природа, неотчуждаемость и т.д.³⁰

Считаем, что различия в подходах к квалификации информации в качестве объекта гражданских прав как нельзя лучше демонстрирует тот факт, что для ее исключения из ст. 128 ГК РФ весомых оснований в принципе не было, поскольку однозначно рассматривать информацию исключительно в составе интеллектуальной собственности нельзя. В настоящее время в условиях информационного развития и цифровизации общества в научной литературе

всё чаще говорят о целесообразности формального возврата информации в состав объектов гражданских прав. Вместе с тем нам кажется, что в современных условиях это лишь внесет нестабильность в гражданский оборот.

Поэтому информация, безусловно, является объектом гражданских прав³¹, однако включение ее в ст. 128 ГК РФ в качестве самостоятельного объекта прав нам представляется нецелесообразным по следующим основаниям.

Закрепление в ст. 128 ГК РФ информации без определения ее правового режима лишено всякого смысла (более того, как мы уже отметили, это приведет к созданию конкурирующих норм и нестабильности гражданского оборота в целом). Однако установление единого (универсального) правового режима для информации не представляется возможным.

Мы согласны с неоднократно высказанной в научной литературе позицией, что информация выступает в правоотношениях как объект в виде нематериальных благ (в контексте ст. 150 ГК РФ) или результатов интеллектуальной деятельности (интеллектуальной собственности). В первом случае информация является объектом в отно-

виду воспринятая и обработанная человеком информация). При этом автор также предлагает введение в научный терминологический оборот новой категории «информационное благо», которая включает непосредственно информацию и комплекс объектов, имеющих информационную природу, выражающуюся в их информационно ценном содержании, и способных вовлекаться в систему общественных отношений, урегулированных нормами гражданского права (см.: *Косьяненко Е. М.* Информация как гражданско-правовая категория : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 7–11).

²⁹ Так, по мнению В. М. Богданова, выделение информации в качестве объекта гражданского оборота сопряжено с наличием у нее характерных признаков: ограниченного доступа и необщезвестности (*Богданов В. М.* Информация как объект гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 11–12).

³⁰ Кроме того, в доктрине отмечено, что права на информацию, содержащиеся в ч. 4 ст. 29 Конституции РФ («каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом»), следует признать нематериальным благом в соответствии со ст. 150 ГК РФ, поскольку указанные в ней отношения являются общерегулятивными и осуществляются каждым человеком самостоятельно и свободно независимо от каких-либо условий. Для обеспечения их осуществления праву достаточно защищать это нематериальное благо от посягательств и нарушений. Аналогичная ситуация с личной и семейной тайной (см.: *Гунин Д. И.* Информация как объект правового регулирования // *Российский юридический журнал.* 2008. № 4. С. 182–184).

³¹ Согласно п. 2 ст. 3 ГК РФ гражданское законодательство состоит из ГК РФ и принятых в соответствии с ним иных федеральных законов. Одним из таких законов является Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в соответствии с п. 1 ст. 5 которого информация может являться объектом гражданских правовых отношений.

шениях по охране чести и достоинства личности, имени человека, деловой репутации и др. Более того, большинство из перечисленных в ст. 150 ГК РФ нематериальных благ вполне могут быть квалифицированы как информация. Во втором случае информация составляет сведения о том или ином результате интеллектуальной деятельности (ноу-хау, в частности). Очевидно, что в отношении перечисленных объектов гражданских прав не может быть в принципе установлен общий (универсальный) правовой режим. Следовательно, выбор тех или иных законодательных правил в отношении информации зависит от ее содержания и обусловлен объектом, в виде которого информация вступает в правоотношения.

Проиллюстрируем данные выводы на примере персональных данных³². В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»³³ по своей правовой природе персональные данные представляют собой информацию. Согласно ст. 2 данного Закона цель его принятия заключается в обеспечении защиты прав и свобод, в том числе прав и свобод на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Как известно, последние прямо относятся законом к нематериальным благам³⁴.

Аналогичная ситуация складывается с информацией в сфере интеллектуальной соб-

ственности. Принимая во внимание, что секретом производства (ноу-хау) признаются сведения любого характера: производственные, технические, экономические, организационные и др. — о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и о способах осуществления профессиональной деятельности, можно утверждать, что ноу-хау есть не что иное, как информация в чистом виде.

Изложенное позволяет нам сформулировать вывод о том, что информация — опосредованный объект гражданских прав, поскольку по своей природе она является частью (содержанием) прямо поименованных в ст. 128 ГК РФ объектов гражданских прав (нематериальное благо или результат интеллектуальной деятельности). В этой связи предложено условно именовать указанный в законе объект гражданских прав — нематериальное благо или результат интеллектуальной деятельности — объектом первого порядка (уровня), а составляющие его часть (содержание) сведения (информацию) объектом гражданских прав второго порядка (уровня).

Таким образом, правовой режим информации как объекта гражданских прав второго порядка (уровня) будет определен объектом гражданских прав первого порядка (уровня), частью (содержанием) которого она является.

---

³² По справедливому утверждению В. В. Архипова, «персональные данные, как и данные в целом, — это “новая нефть”, и в контексте развития нормативного регулирования цифровой экономики правовые аспекты персональных данных, несомненно, составляют ядро актуальной проблематики» (Архипов В. В. Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или Нет ничего более практичного, чем хорошая теория // Закон. 2018. № 2. С. 52–68).

³³ СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

³⁴ Стоит отметить, что вопрос об отнесении персональных данных к категории нематериальных благ уже достаточно давно продвигается в научной литературе (см.: Малеина М. Н. Право на тайну и неприкосновенность персональных данных // Журнал российского права. 2010. № 11. С. 18–28). Вместе с тем предложено относить персональные данные и к «иному имуществу». Так, А. И. Савельев прогнозирует развитие гражданско-правовой характеристики персональных данных как постепенное движение от личных неимущественных благ к имуществу особого рода (Савельев А. И. Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота персональных данных // Вестник гражданского права. 2021. № 4. С. 104–129).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Архипов В. В.* Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или Нет ничего более практичного, чем хорошая теория // *Закон*. — 2018. — № 2. — С. 52–68.
2. *Бачило И. Л.* О праве собственности на информацию // *Труды Института законодательства и сравнительного правоведения*. — 1992. — № 52. — 134 с.
3. *Богданов В. М.* Информация как объект гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2005.
4. *Городов О. А.* О нетрадиционных объектах гражданских прав // *Правоведение*. — 2013. — № 6. — С. 96–107.
5. *Гришаев С. П.* Эволюция законодательства об объектах гражданских прав // СПС «КонсультантПлюс».
6. *Гунин Д. И.* Информация как объект правового регулирования // *Российский юридический журнал*. — 2008. — № 4. — С. 182–184.
7. *Дозорцев В. А.* Интеллектуальные права : Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей. — М. : Статут, 2003. — 416 с.
8. *Ефремов А. А.* Понятие и виды конфиденциальной информации // URL: www.russianlaw.net.
9. *Инюшкин А. А.* Информация в системе объектов гражданских прав и ее взаимосвязь с интеллектуальной собственностью на примере баз данных // *Информационное право*. — 2016. — № 4. — С. 4–7.
10. *Кириченко О. В.* Информация как объект гражданских правоотношений // *Современное право*. — 2014. — № 9. — С. 77–81.
11. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть 1 / под ред. О. Н. Садикова. — М. : Инфра-М, 1997. — 778 с.
12. Комментарий к Закону Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» // СПС «КонсультантПлюс».
13. *Косьяненко Е. М.* Информация как гражданско-правовая категория : дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2009.
14. *Крашенинников П. В.* Вступительное слово // *Объекты гражданских прав : постатейный комментарий к главам 6, 7 и 8 Гражданского кодекса Российской Федерации* / под ред. П. В. Крашенинникова. — М., 2009.
15. *Латыев А. Н.* Вещные права в гражданском праве: понятие и особенности правового режима : дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург : Уральская гос. юрид. акад., 2004. — 211 с.
16. *Лобанов Г. А.* Информация как объект гражданских правоотношений // *Бизнес-адвокат*. — 1998. — № 6. — С. 72–84.
17. *Малеина М. Н.* Право на тайну и неприкосновенность персональных данных // *Журнал российского права*. — 2010. — № 11. — С. 18–28.
18. *Насонова Е. Н.* Информация как объект гражданского права : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2002. — 185 с.
19. Перспективы развития гражданского законодательства в России: планы и современные реалии : интервью с Е. А. Сухановым // СПС «КонсультантПлюс».
20. *Пучков В. О.* Информация — объект гражданского права? // *Арбитражные споры*. — 2020. — № 2. — С. 135–144.
21. *Рожкова М. А.* Информация как объект гражданских прав, или Что надо менять в гражданском праве // *Закон.ру*. — 2018. 6 ноября. — URL: https://zakon.ru/blog/2018/11/6/informaciya_kak_obekt_grazhdanskih_prav_ili_chno_nado_menyat_v_grazhdanskom_prave.
22. *Право в сфере Интернета : сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова*. — М. : Статут, 2018. — 528 с.

23. Савельев А. И. Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота персональных данных // Вестник гражданского права. — 2021. — № 4. — С. 104–129.
24. Сергеев А. П. Авторское право России. — СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. — 312 с.
25. Сидорова О. Ю. Информация как объект абсолютных и относительных гражданских правоотношений : дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2003. — 196 с.
26. Соломин С. К., Соломина Н. Г. Юридические факты и иные жизненные обстоятельства: цивилистический очерк : монография. — М. : Юстицинформ, 2022. — 168 с.
27. Суханов Е. А. Объекты права собственности // Закон. — 1995. — № 4. — С. 94–98.
28. Тухватулина А. Г. Информация как объект гражданских прав // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского университета. — 2020. — № 2 (17). — С. 245–250.
29. Чурилов А. Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности и новых технологий: вызовы XXI века : монография. — М. : Юстицинформ, 2020. — 224 с.

Материал поступил в редакцию 25 ноября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Arkhipov V. V. Problema kvalifikatsii personalnykh dannykh kak nematerialnykh blag v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki, ili Net nichego bolee praktichnogo, chem khoroshaya teoriya // Zakon. — 2018. — № 2. — S. 52–68.
2. Bachilo I. L. O prave sobstvennosti na informatsiyu // Trudy Instituta zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya. — 1992. — № 52. — 134 s.
3. Bogdanov V. M. Informatsiya kak obekt grazhdanskikh prav: dis. ... kand. yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2005.
4. Gorodov O. A. O netraditsionnykh obektakh grazhdanskikh prav // Pravovedenie. — 2013. — № 6. — S. 96–107.
5. Grishaev S. P. Evolyutsiya zakonodatelstva ob obektakh grazhdanskikh prav // SPS «KonsultantPlyus».
6. Gunin D. I. Informatsiya kak obekt pravovogo regulirovaniya // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2008. — № 4. — S. 182–184.
7. Dozortsev V. A. Intellektualnye prava: Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikatsii: sbornik statey. — M.: Statut, 2003. — 416 s.
8. Efremov A. A. Ponyatie i vidy konfidentsialnoy informatsii // URL: www.russianlaw.net.
9. Inyushkin A. A. Informatsiya v sisteme obektov grazhdanskikh prav i ee vzaimosvyaz s intellektualnoy sobstvennostyu na primere baz dannykh // Informatsionnoe pravo. — 2016. — № 4. — S. 4–7.
10. Kirichenko O. V. Informatsiya kak obekt grazhdanskikh pravootnosheniy // Sovremennoe pravo. — 2014. — № 9. — S. 77–81.
11. Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii. Chast 1 / pod red. O. N. Sadikova. — M.: Infra-M, 1997. — 778 s.
12. Kommentariy k Zakonu Rossiyskoy Federatsii ot 21 fevralya 1992 g. № 2395-1 «O nedrakh» // SPS «KonsultantPlyus».
13. Kosyanenko E. M. Informatsiya kak grazhdansko-pravovaya kategoriya: dis. ... kand. yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2009.
14. Krashenninnikov P. V. Vstupitelnoe slovo // Obekty grazhdanskikh prav: postateynny kommentariy k glavam 6, 7 i 8 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii / pod red. P. V. Krashenninnikova. — M., 2009.
15. Latyev A. N. Veshchnye prava v grazhdanskom prave: ponyatie i osobennosti pravovogo rezhima: dis. ... kand. yurid. nauk. — Ekaterinburg: Uralskaya gos. yurid. akad., 2004. — 211 s.
16. Lobanov G. A. Informatsiya kak obekt grazhdanskikh pravootnosheniy // Biznes-advokat. — 1998. — № 6. — S. 72–84.

17. Maleina M. N. Pravo na taynu i neprikosновенность personalnykh dannykh // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2010. — № 11. — S. 18–28.
18. Nasonova E. N. Informatsiya kak objekt grazhdanskogo prava: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2002. — 185 s.
19. Perspektivy razvitiya grazhdanskogo zakonodatelstva v Rossii: plany i sovremennye realii: intervyyu s E. A. Sukhanovym // SPS «KonsultantPlyus».
20. Puchkov V. O. Informatsiya — objekt grazhdanskogo prava? // Arbitrazhnye spory. — 2020. — № 2. — S. 135–144.
21. Rozhkova M. A. Informatsiya kak objekt grazhdanskikh prav, ili Chto nado menyat v grazhdanskom prave // Zakon.ru. — 2018. 6 noyabrya. — URL: https://zakon.ru/blog/2018/11/6/informatsiya_kak_obekt_grazhdanskikh_prav_ili_chto_nado_menyat_v_grazhdanskom_prave.
22. Pravo v sfere Interneta: sbornik statey / ruk. avt. kol. i otv. red. M. A. Rozhkova. — M.: Statut, 2018. — 528 s.
23. Savelev A. I. Grazhdansko-pravovye aspekty regulirovaniya oborota personalnykh dannykh // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2021. — № 4. — S. 104–129.
24. Sergeev A. P. Avtorskoe pravo Rossii. — SPb.: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, 1994. — 312 s.
25. Sidorova O. Yu. Informatsiya kak objekt absol'yutnykh i otnositelnykh grazhdanskikh pravootnosheniy: dis. ... kand. yurid. nauk. — Volgograd, 2003. — 196 s.
26. Solomin S. K., Solomina N. G. Yuridicheskie fakty i inye zhiznennye obstoyatelstva: tsivilisticheskiy ocherk: monografiya. — M.: Yustitsinform, 2022. — 168 s.
27. Sukhanov E. A. Obekty prava sobstvennosti // Zakon. — 1995. — № 4. — S. 94–98.
28. Tukhvatulina A. G. Informatsiya kak objekt grazhdanskikh prav // Vestnik molodykh uchenykh i spetsialistov Samarskogo universiteta. — 2020. — № 2 (17). — S. 245–250.
29. Churilov A. Yu. Pravovoe regulirovanie intellektualnoy sobstvennosti i novykh tekhnologiy: vyzovy XXI veka: monografiya. — M.: Yustitsinform, 2020. — 224 s.

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.041-050

Т. И. Афанасьева*

Прокурор в административных делах о медицинском вмешательстве, необходимом для спасения жизни: не решенные в законодательстве вопросы

Аннотация. В административных делах, рассматриваемых в порядке, установленном главой 31.1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, по-прежнему остается много вопросов, снижающих эффективность защиты прав несовершеннолетних и недееспособных на охрану жизни и здоровья. В числе этих проблемных аспектов — понимание медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни; определение перечня лиц, имеющих право обратиться с административным иском; обязательность участия прокурора в этих делах; доказательственная база по делу; корреляция с положениями Семейного кодекса Российской Федерации. Заявленные вопросы рассматриваются с опорой на правоприменительную практику и зарубежный опыт. Автор предлагает варианты преодоления существующих проблем, в том числе путем совершенствования законодательства. Предлагаются изменения в ряд статей гл. 31.1 КАС РФ и Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан», касающиеся предоставления прокурору права обращаться с административным иском, извещения прокурора об отказе опекуна от медицинского вмешательства в отношении его подопечного, закрепления недопустимых мотивов отказа от медицинского вмешательства, обязательности участия в делах прокурора, корректировки предмета доказывания.

Ключевые слова: административное судопроизводство; прокурор; формы участия прокурора в административном судопроизводстве; прокурор в административном судопроизводстве; заключение прокурора; административные дела о медицинском вмешательстве; полномочия прокурора; правозащитная функция прокуратуры; глава 31.1 КАС РФ; законодательство об охране здоровья граждан; несовершеннолетние; недееспособные; опека; обязанности родителей; КАС РФ.

Для цитирования: Афанасьева Т. И. Прокурор в административных делах о медицинском вмешательстве, необходимом для спасения жизни: не решенные в законодательстве вопросы // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 5. — С. 41–50. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.041-050.

© Афанасьева Т. И., 2024

* Афанасьева Татьяна Ивановна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
tiafanaseva@msal.ru

A Prosecutor in Administrative Cases on Medical Intervention Necessary to Save Lives: Issues Unsettled in the Legislation

Tatiana I. Afanasyeva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Organization of Judicial and Prosecutorial Investigative Activities, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
tiafanaseva@msal.ru

Abstract. In administrative cases considered under Chapter 31.1 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, there are still many issues that reduce the effectiveness of protecting the rights of minors and incapacitated people to protect life and health. These problematic aspects include definition of the medical intervention necessary to save lives, determination of the list of persons entitled to file an administrative claim, mandatory participation of the prosecutor in these cases, the evidence base in the case, correlation with the provisions of the Family Code of the Russian Federation. The stated issues are considered based on law enforcement practice and foreign experience. The author suggests ways to overcome existing problems by means of improving legislation. Amendments are proposed to a number of articles of Chapter 31.1 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and Federal Law No. 323-FZ dated 21.11.2011 «On the Basics of protecting the Health of Citizens» concerning granting the prosecutor the right to file an administrative claim, notifying the prosecutor of the guardian's refusal of medical intervention in relation to a person under his care, fixing unacceptable motives for refusing medical intervention, mandatory participation of the prosecutor in such cases, adjustments of the subject of proving.

Keywords: administrative proceedings; prosecutor; forms of participation of the prosecutor in administrative proceedings; prosecutor in administrative proceedings; prosecutor's decision; administrative cases on medical intervention; powers of the prosecutor; human rights function of the prosecutor's office; Chapter 31.1 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation; legislation on the protection of citizens' health; minors; incapacitated; custody; duties of parents; Code of the Administrative Procedure of the Russian Federation.

Cite as: Afanasieva TI. A Prosecutor in Administrative Cases on Medical Intervention Necessary to Save Lives: Issues Unsettled in the Legislation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(5):41-50. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.041-050

К числу прав человека, непосредственно связанных с поддержанием жизни, относится право на охрану здоровья, безусловно признаваемое на международном уровне¹ и национальными правовыми актами (ст. 41 Конституции Российской Федерации²). Как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, право на охрану здоровья, как и право на жизнь, является

высшим для человека благом, основой человеческого существования, источником всех других основных прав и свобод, это высшая социальная ценность, без которой могут утратить значение многие другие блага³. Уместно упомянуть и еще одну ключевую позицию Конституционного Суда РФ, в силу которой защита жизни и здоровья граждан является конституционной обязан-

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН) // Российская газета. 1995. № 67.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 06.10.2022.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 19.05.2009 № 816-О-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 1 ; постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П // Российская газета. 2021. № 6.

ностью каждого из уровней государственной власти⁴.

Базовым нормативным правовым актом, регулирующим отношения в сфере охраны здоровья граждан в Российской Федерации, является Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁵. Право граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь гарантируется системой закрепляемых в законе мер, включающих в том числе как определение принципов охраны здоровья, качества медицинской помощи, порядков оказания медицинской помощи, стандартов медицинской помощи, так и установление ответственности медицинских организаций и медицинских работников за причинение вреда жизни и (или) здоровью при оказании гражданам медицинской помощи.

Вне всяких сомнений, здоровье человека является одной из наиболее значимых конституционных ценностей, защита которой гарантируется государством множеством правовых мер. В то же время дети, будучи зависимы до 15 лет, а в определенных случаях и дольше, от решения родителей в вопросах медицинской помощи, оказались в числе менее защищенных лиц вместе с недееспособными гражданами, забота о здоровье которых возложена на опекунов⁶. И это притом, что приоритет здоровья детей, закрепленный на международном уровне⁷, признается и в России (ст. 4 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»). Лицам, признанным в установленном порядке недееспособными, предоставлены не меньшие гарантии охраны

их здоровья как на международном уровне⁸, так и внутри страны.

Семейная жизнь предполагает существование семейных связей между супругами, между родителями и детьми, а также между другими родственниками. Статьей 38 Конституции РФ и корреспондирующими ей нормами ст. 1 Семейного кодекса РФ предусмотрено, что семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства.

Семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, возможности судебной защиты этих прав (п. 1 ст. 1 СК РФ). В то же время, согласно ст. 65 СК РФ, родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей. Обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей. При осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию.

В органах прокуратуры Российской Федерации права и интересы несовершеннолетних, в силу их безусловной приоритетности, всегда находятся на особом контроле, на что обращается внимание и в приказе Генерального прокурора РФ от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов»⁹.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П // Российская газета. 2021. № 6.

⁵ Российская газета. 2011. № 263.

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁷ Конвенция о правах ребенка от 20.11.1989 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 45. Ст. 955.

⁸ Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи (приняты 17 декабря 1991 г. Резолюцией 46/119 на 75-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Законность. 2022. № 2.

В законодательстве России, как и других стран¹⁰, родителям отдана прерогатива принимать решения за своих детей, в том числе по вопросам сохранения их здоровья. Однако порой родители оказываются неспособны принять адекватное состоянию здоровья их ребенка решение и отказываются от медицинского вмешательства в ситуации, когда оно необходимо для спасения жизни. Судебная практика демонстрирует разные причины отказа родителей и опекунов от медицинских манипуляций в отношении их детей и подопечных. Среди них религиозные соображения, боязнь большего вреда от медицинского вмешательства, недоверие к врачам, ненадлежащее исполнение родительских обязанностей и пр.¹¹

Для преодоления запрета законного представителя существует процедура судебного контроля, установленная главой 31.1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации¹², инициировать которую по общему правилу вправе медицинское учреждение. При этом неоднозначным остается решение вопроса об инициативной форме участия прокурора в адми-

нистративных делах о медицинском вмешательстве, необходимом для спасения жизни (далее также — дела о медицинском вмешательстве).

Статья 39 КАС РФ существенно ограничивает право прокурора на обращение с административным иском по сравнению с гражданским процессуальным законодательством. По сути, прокурор по поименованным в КАС РФ категориям дел может участвовать лишь в тех формах, которые для него предусмотрены специальными нормами. Следуя буквальному толкованию ч. 3 ст. 285.3 КАС РФ, приходится констатировать отсутствие у прокурора компетенции на инициирование судебного разбирательства по административному делу о медицинском вмешательстве, в таких делах участие прокурора сводится к даче заключения по делу.

Ученые объясняют это разными причинами. Есть мнение, согласно которому прокурор не может инициировать процесс, поскольку не обладает специальными знаниями в области медицины, что затрудняет его оценку целесообразности медицинского вмешательства и обеспечение доказательственной базы по делу¹³.

¹⁰ Linnard-Palmer L., Kools S. Parents' refusal of medical treatment based on religious and/or cultural beliefs: The law, ethical principles, and clinical implications // Journal of Pediatric Nursing. 2004. Vol. 19. Iss. 5. P. 351–356 ; Соловьев А. А. Судебная практика Австралийского Союза и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии по делам о защите интересов несовершеннолетнего лица в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни // Право и государство: теория и практика. 2023. № 2 (218). С. 167–168.

¹¹ См., например: решение Ленинского районного суда г. Астрахани от 25.09.2018 по делу № 2А-3252/2018 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/8Dh7na0vY5bP/?regular-txt=&regular-case_doc=2%D0%90-3252%2F2018&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_id=1676287179358 (дата обращения: 13.02.2023) ; решение Киевского районного суда г. Симферополя Республики Крым от 17.07.2019 по делу № 2а-3544/2019 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/XX91XnAczCbl/?page=3&regular-court=&regular-date_from=&regular-case_doc=2%D0%B0-3544%2F2019&regular-lawchunkinfo=&regular-workflow_stage=&regular-date_to=&regular-area=&regular-txt=&_id=1676287134882&regular-judge= (дата обращения: 13.02.2023) ; решение Железнодорожного районного суда города Хабаровска от 18.09.2019 по делу № 2а-2971/2019 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/KxBd8lITrTo1/?regular-txt=&regular-case_doc=2%D0%B0+-+2971%2F2019&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_id=1676286816611 (дата обращения: 13.02.2023).

¹² Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

¹³ Борисова В. Ф. Особенности рассмотрения судами административных дел о защите интересов несовершеннолетнего лица в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 9. С. 7.

Е. В. Буянова, придерживаясь позиции о необходимости предоставления прокурору права на обращение с административным иском по данной категории дел, считает, что прокурор не получил такого права ввиду отсутствия у несовершеннолетнего статуса субъекта административных и иных публичных правоотношений¹⁴.

Коль скоро считается, что прокурор способен дать заключение по делу, закономерен вопрос: относительно каких аспектов в заключении прокурор должен отразить свое мнение? Полагаем, что в этих делах оценка прокурором только лишь содержания процедуры будет совершенно недостаточной, поскольку все-таки суду требуется компетентное мнение органа, предназначение которого состоит в обеспечении соблюдения прав и свобод человека. Уверены, что, занимая активную позицию в исследовании доказательств по делу, прокурор может получить исчерпывающую информацию для формирования мнения прокуратуры по рассматриваемому делу. Аналогично при обращении с иском прокуратура обладает необходимыми полномочиями и правовыми средствами для сбора юридически значимой информации для обеспечения доказательственной базы по административному иску.

Принимая во внимание срочность, а порой безотлагательность рассмотрения данной категории административных дел, зададимся вопросом: каким образом прокурор узнает о необходимости инициировать производство?

Прокуратура может получить такую информацию из различных источников: от органов опеки и попечительства, которым стало известно об отказе опекуна; от другого родителя, который в силу каких-либо причин лишен воз-

можности повлиять на решение об отказе; от супруга усыновителя, отказавшегося от лечения усыновленного ребенка; от лечащего врача, не нашедшего поддержки у заведующего отделением, главного врача в вопросе необходимости незамедлительной помощи пациенту и создания врачебной комиссии; из средств массовой информации, мониторить которые прокурорские работники обязаны ежедневно, и т.д.

Опираясь на ст. 27 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 2-П¹⁵, п. 6 приказа Генерального прокурора РФ «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина»¹⁶, можно говорить о том, что прокурор не ограничен в источниках получения необходимой информации, важно, чтобы она была получена законными способами.

Безусловно, проще и оперативнее медицинской организации обратиться с административным иском заявлением. Вместе с тем нельзя не учитывать ряд обстоятельств, при которых вмешательство прокуратуры становится необходимым и (или) единственно возможным.

Во-первых, персонал медицинских организаций может допускать формальный подход к подписанию информированных отказов (согласий) на лечение¹⁷, что не дает возможности пациентам и их законным представителям принять взвешенное решение, оперируя исчерпывающей информацией. При этом медицинское учреждение считается исполнившим свою обязанность: законный представитель отказался, медицинские манипуляции не проводятся.

¹⁴ Буянова Е. В. Некоторые аспекты судебной защиты интересов несовершеннолетнего в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни // Мир науки и мысли. 2023. № 3. С. 95.

¹⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 2-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 2.

¹⁶ Приказ Генерального прокурора РФ от 07.12.2007 № 195 (ред. от 31.08.2023) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» // Законность. 2008. № 3.

¹⁷ См., например: постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25.05.2023 по делу № А66-11207/2020 ; определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 21.04.2022 № 88-9577/2022 ; определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14.06.2022 № 88-13971/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

Медицинское учреждение получает основание бездействовать, ведь обращение с административным иском — это его право, а не обязанность (ч. 1 ст. 285.1 КАС РФ, ч. 5 ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»). В такой ситуации кроме прокурора некому защитить права несовершеннолетних и недееспособных граждан.

Во-вторых, органы опеки и попечительства не наделены правом обратиться с административным иском, даже если им станет известно об отказе опекуна от медицинского вмешательства. Это обстоятельство тоже заслуживает внимания со стороны законодателя.

В-третьих, считаем уместным упомянуть иные категории административных дел, которые рассматриваются в те же сроки, но при этом прокурор наделен правом инициировать производство по ним. Это, в частности, дела о защите избирательных прав граждан и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации (ч. 1 ст. 241 КАС РФ), о госпитализации гражданина в недобровольном порядке или о продлении срока госпитализации гражданина в недобровольном порядке (ч. 1 ст. 277 КАС РФ), о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке (ч. 2 ст. 283 КАС РФ). Если первый пример целиком остается в плоскости права, то другие обращают на себя внимание тем, что связаны с установлением состояния здоровья лица, в отношении которого принимается решение. Тем не менее правом обращения с административным иском наделена не только медицинская организация, но и прокурор, которому стало известно об обстоятельствах, требующих госпитализации гражданина. Вопросы сохранения жизни и здоровья ребенка или недееспособного человека не могут представлять меньшую ценность для оценки целесообразности прокурорского вмешательства.

Дети, независимо от их семейного и социального благополучия, подлежат особой охране, включая заботу об их здоровье и надлежащую

правовую защиту в сфере охраны здоровья. Интересы несовершеннолетних всегда в приоритете в любых направлениях деятельности прокуратуры Российской Федерации. Предоставление прокурору права инициирования судебного разбирательства по рассматриваемой категории дел при наличии у него информации, дающей основание расценивать медицинское вмешательство в качестве необходимого для спасения жизни несовершеннолетнего или недееспособного, в полной мере отвечает задачам прокуратуры.

Кроме того, предпосылки к тому, чтобы признать у прокурора право на обращение с административным иском, заявлением по делу о медицинском вмешательстве присутствуют и в КАС РФ. Статья 285.1 КАС РФ не содержит прямого указания на медицинское учреждение как единственно возможного административного истца. Косвенно такой вывод можно сделать лишь из содержания ст. 285.3 КАС РФ. Следуя логике ст. 39 КАС РФ, прокурор мог бы обратиться с административным иском в интересах несовершеннолетнего или недееспособного как лиц, не могущих защитить себя самостоятельно.

Смеем предположить, что, если бы прокуратура обратилась с таким иском, ее право инициативного обращения поддержали бы все судебные инстанции, поскольку это в полной мере отвечает конституционным принципам: о человеке как высшей ценности и о защите детства. Вместе с тем принцип законности не терпит латания дыр правоприменительной практикой. На наш взгляд, во избежание неоднозначного восприятия положений КАС РФ право прокурора инициировать разбирательство по административным делам о медицинском вмешательстве должно быть предусмотрено в ст. 285.1 КАС РФ.

В традициях континентальной правовой семьи судебные акты формально не признаются источником права, но нередко значимые аспекты правовой регламентации содержатся именно в материалах судебной практики, что дает основания для разработки учеными теории о механизме воздействия судебной практики на законодательство¹⁸. Административные дела о

¹⁸ Подробнее об этом см., например: *Удодова М. А.* Механизм воздействия судебной практики на законодательство: к постановке проблемы в современной теории правотворчества // Актуальные проблемы

медицинском вмешательстве — один из наглядных тому примеров.

Несомненную специфику демонстрирует судебная практика в отношении доказательственной базы по административным делам о медицинском вмешательстве. В силу ч. 3 ст. 285.1 КАС РФ к административному исковому заявлению, помимо прочего, должны прилагаться медицинская документация гражданина, в защиту интересов которого подается административное исковое заявление, и заключение врачебной комиссии медицинской организации с указанием диагноза, тяжести заболевания, описанием состояния, требующего спасения жизни пациента, а также иные материалы, подтверждающие необходимость проведения медицинского вмешательства в целях спасения жизни пациента. Однако порой медицинское учреждение объективно не способно представить указанную документацию, поскольку законные представители отказываются от медицинского обследования своих подопечных. В таких ситуациях с учетом приведенной позиции Конституционного Суда РФ оставление без защиты права на жизнь и здоровье несовершеннолетних и недееспособных недопустимо.

Правоприменительной практике известны случаи учета судами объективной невозможности представления требуемых приложений к административному исковому заявлению и вынесения при таких обстоятельствах решения, подтверждающего законность медицинского вмешательства при отсутствии добровольного согласия законных представителей¹⁹. Дела были связаны с необходимостью медицинского

обследования детей, у родителей которых диагностирована ВИЧ-инфекция, но от обследования своих детей на ВИЧ они уклоняются. Между тем существует реальная возможность заражения для малолетних, что создает опасность их жизни и здоровью. Длительное отсутствие обследования и профилактического лечения может привести к летальному исходу в обозримом будущем. Кроме того, без надлежащего медицинского освидетельствования в специализированной организации дети лишаются права на социальное обеспечение в случае болезни, не может быть обеспечено в полной мере право на охрану здоровья и медицинскую помощь при заражении ВИЧ-инфекцией. Во всех случаях административные иски медицинского учреждения были поддержаны прокуратурой, о чем свидетельствует позиция прокуроров, изложенная в указанных судебных актах. Считаем такую солидарность в вопросе приоритета сохранения здоровья человека правильной и заслуживающей поддержки.

И всё же подобная практика обнажает проблему недостаточной защищенности прав несовершеннолетних и недееспособных на охрану здоровья, диктует необходимость правотворческой инициативы, в том числе со стороны Генеральной прокуратуры РФ. Полагаем целесообразным дополнить ч. 3 ст. 185.1 КАС РФ положениями, в силу которых допускается принятие административного искового заявления к рассмотрению при отсутствии медицинских документов пациента и заключения врачебной комиссии, если их представление административным истцом невозможно ввиду

российского права. 2018. № 6. С. 40 ; Чунина М. С. Роль судебного нормотворчества в совершенствовании законодательного регулирования в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 17 (4). С. 11.

¹⁹ См., например: решение Железнодорожного районного суда города Хабаровска от 18.09.2019 по делу № 2а-2971/2019 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/KxBd8lITrTo1/?regular-txt=&regular-case_doc=2%D0%B0+-+2971%2F2019&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1676286816611 (дата обращения: 13.02.2023) ; решение Железнодорожного районного суда города Хабаровска от 18.09.2019 по делу № 2а-2972/2019 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/GoUzkVJmYOo2/?page=2&regular-court=&regular-date_from=&regular-case_doc=2%D0%B0+-+2972%2F2019&regular-lawchunkinfo=&regular-workflow_stage=&regular-date_to=&regular-area=&regular-txt=&_=1676287039028&regular-judge= (дата обращения: 13.02.2023).

отказа законного представителя от медицинского обследования несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным.

Ключевым в рассматриваемой категории дел является вопрос о том, действительно ли пациенту, в защиту интересов которого подано административное исковое заявление, медицинское вмешательство требуется в целях спасения жизни. Соответственно, прокурору также необходимо выяснить это обстоятельство. Причем какого-либо легального определения понятия «медицинское вмешательство, необходимое для спасения жизни» не существует и, полагаем, не должно существовать. Слишком тонка и чувствительна материя: сложен человеческий организм, очень индивидуален набор особенностей, в том числе сочетание заболеваний у каждого человека; всё это предопределяет свой, оригинальный, личностный, единственный для него приемлемый подход к каждому пациенту.

На наш взгляд, формулирование определения в данном случае окажется правовой ловушкой. У врачей и суда должно остаться их профессиональное усмотрение.

Вместе с тем нам импонирует мнение В. Ф. Борисовой, считающей, что критерии медицинского вмешательства для «спасения жизни» должны быть выработаны совместно юристами и медиками²⁰. По сути, именно этот процесс мы наблюдаем в настоящее время благодаря формирующейся судебной практике по данной категории дел.

Формируя позицию по вопросу о медицинском вмешательстве как необходимом для спасения жизни, прокурор должен учитывать наработанную практику «квалификации» такого вмешательства.

Для иллюстрации понимания медицинского вмешательства вообще и медицинского вмешательства в целях спасения жизни приведем пример из практики.

Подросток после дорожно-транспортного происшествия находится в стабильном состоянии средней тяжести. Консилиум врачей заключил, что, несмотря на лечение, проведенное в период нахождения пациента в медицинском учреждении, ему необходимо наблюдение и лечение в условиях стационара. Выписка из стационара может иметь крайне негативные последствия в случае нарастания пневмоторакса и развития выраженных дыхательных нарушений, что может представлять значительную угрозу здоровью и жизни ребенка. Транспортировка ребенка вне медицинского транспорта и сопровождения специалистов может привести к осложнениям²¹. Из примера видно, что медицинским вмешательством считается нахождение под наблюдением в стационаре, а о спасении жизни свидетельствует угроза осложнений в результате нарастания пневмоторакса.

Приведенные в статье примеры из судебной практики примечательны тем, что говорят о понимании медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни. Таковое не сводится исключительно к ситуациям неотложности, непосредственной и сиюминутной необходимости немедленных медицинских манипуляций (хирургические операции, переливание крови и т.п.), оно охватывает и варианты, когда:

- 1) нужно действовать в упреждающем режиме на отдаленное будущее, учитывая перспективы состояния здоровья в случае отказа от медицинского вмешательства;
- 2) проведены все манипуляции, но требуется постоянное наблюдение за состоянием здоровья пациента в течение определенного времени и нахождение его по этой причине в медицинском учреждении;
- 3) при неизлечимости заболевания есть возможность временного, но улучшения (облегчения) состояния и продления жизни.

Еще один процессуальный аспект участия прокурора в административных делах о меди-

²⁰ Борисова В. Ф. Указ. соч. С. 5.

²¹ Решение Киевского районного суда г. Симферополя Республики Крым от 17.07.2019 по делу № 2а-3544/2019 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/XX91XnAczCbJ/?page=3&regular-court=&regular-date_from=&regular-case_doc=2%D0%B0-3544%2F2019&regular-lawchunkinfo=&regular-workflow_stage=&regular-date_to=&regular-area=&regular-txt=&_id=1676287134882&regular-judge= (дата обращения: 13.02.2023).

цинском вмешательстве, на наш взгляд, нуждается в пересмотре. Речь идет о возможности рассмотрения дела в отсутствие надлежащим образом извещенного, но не явившегося в судебное заседание прокурора. Ввиду сложности таких дел, значимости разрешаемого в процессе вопроса участие в них прокурора должно признаваться обязательным так же, как это предусмотрено для административных дел, связанных с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания и в учебном учреждении закрытого типа.

Как уже упоминалось, родители, иные законные представители в силу разных причин не всегда способны принимать адекватные нависшей угрозе решения о мерах по сохранению здоровья своих подопечных. Российский опыт и опыт иностранных государств показывает, что законные представители отказываются от медицинского вмешательства не только под влиянием захлестнувшего их страха за жизнь родного человека в результате такого вмешательства, но и руководствуясь порой мотивами на грани противоправных или откровенно являющихся таковыми. К недопустимым мотивам отказа, на наш взгляд, должны относиться, в частности, отказы по религиозным соображениям.

На наш взгляд, требуют уточнения положения Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в части абсолютного права законных представителей на отказ от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни. Отказ по

религиозным мотивам, иной вариант отказа, не связанный с ограничениями здоровья пациента, не должны препятствовать медицинскому вмешательству. Свободой вероисповедания в полной мере могут пользоваться только совершеннолетние граждане. Недееспособные и дети не могут осознанно принять какую-либо религию, их верования поддерживаются семьей, в которой они живут. Вера законного представителя не должна препятствовать использованию шанса на спасение его ребенка (подопечного).

В силу ч. 5 ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» опекун обязан известить орган опеки и попечительства об отказе от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни подопечного, только если подопечным является лицо, признанное недееспособным. Нам в таком изложении обязанности опекуна видится существенное упущение: закон умалчивает об извещении в ситуации риска для жизни малолетнего ребенка, находящегося под опекой. Кроме того, об отказе опекуна от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни, следует сообщать не только в орган опеки, но и прокурору — для обеспечения оперативного принятия им решения об обращении в суд в защиту прав несовершеннолетнего или недееспособного лица. Ввиду сказанного считаем целесообразным внести изменения в ч. 5 ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Борисова В. Ф. Особенности рассмотрения судами административных дел о защите интересов несовершеннолетнего лица в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни // *Законы России: опыт, анализ, практика*. — 2017. — № 9. — С. 3–7.
2. Буянова Е. В. Некоторые аспекты судебной защиты интересов несовершеннолетнего в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни // *Мир науки и мысли*. — 2023. — № 3. — С. 92–101.
3. Соловьев А. А. Судебная практика Австралийского Союза и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии по делам о защите интересов несовершеннолетнего лица в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни // *Право и государство: теория и практика*. — 2023. — № 2 (218). — С. 166–168.

4. *Удодова М. А.* Механизм воздействия судебной практики на законодательство: к постановке проблемы в современной теории правотворчества // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 6. — С. 40–48.
5. *Чунина М. С.* Роль судебного нормотворчества в совершенствовании законодательного регулирования в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 17 (4). — С. 11–24.
6. *Linnard-Palmer L., Kools S.* Parents' refusal of medical treatment based on religious and/or cultural beliefs: The law, ethical principles, and clinical implications // Journal of Pediatric Nursing. — 2004. — Vol. 19. — Iss. 5. — P. 351–356.

Материал поступил в редакцию 30 августа 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Borisova V. F.* Osobennosti rassmotreniya sudami administrativnykh del o zashchite interesov nesovershennoletnego litsa v sluchae otказа zakonnoгo predstavitelya ot meditsinskogo vmeshatelstva, neobkhodimogo dlya spaseniya zhizni // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2017. — № 9. — S. 3–7.
2. *Buyanova E. V.* Nekotorye aspekty sudebnoy zashchity interesov nesovershennoletnego v sluchae otказа zakonnoгo predstavitelya ot meditsinskogo vmeshatelstva, neobkhodimogo dlya spaseniya zhizni // Mir nauki i mysli. — 2023. — № 3. — S. 92–101.
3. *Solovev A. A.* Sudebnaya praktika Avstraliyskogo Soyuzа i Soedinennogo Korolevstva Velikobritanii i Severnoy Irlandii po delam o zashchite interesov nesovershennoletnego litsa v sluchae otказа zakonnoгo predstavitelya ot meditsinskogo vmeshatelstva, neobkhodimogo dlya spaseniya zhizni // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. — 2023. — № 2 (218). — S. 166–168.
4. *Udodova M. A.* Mekhanizm vozdeystviya sudebnoy praktiki na zakonodatelstvo: k postanovke problemy v sovremennoy teorii pravotvorchestva // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2018. — № 6. — S. 40–48.
5. *Chunina M. S.* Rol sudebnogo normotvorchestva v sovershenstvovanii zakonodatelnogo regulirovaniya v Rossiyskoy Federatsii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2022. — № 17 (4). — S. 11–24.
6. *Linnard-Palmer L., Kools S.* Parents' refusal of medical treatment based on religious and/or cultural beliefs: The law, ethical principles, and clinical implications // Journal of Pediatric Nursing. — 2004. — Vol. 19. — Iss. 5. — P. 351–356.

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.051-060

Е. Г. Томбулова*

Клятва свидетеля как способ противодействия заведомо ложным показаниям по гражданским делам: pro et contra

Аннотация. В статье рассмотрено использование в российском гражданском судопроизводстве свидетельской клятвы. Цель статьи заключается в теоретическом обосновании использования в российском гражданском судопроизводстве свидетельской клятвы в качестве способа противодействия заведомо ложным показаниям свидетелей по гражданским делам. Рассматриваются исторические аспекты судебной присяги, а также сравнительно-правовые аспекты использования свидетельской клятвы в гражданском судопроизводстве некоторых других стран — Турецкой Республики, Республики Узбекистан. Первый шаг к устранению религиозного содержания судебной присяги был сделан в современный период в российском конституционном судопроизводстве, однако нормативный текст присяги не учитывает ряд социально-психологических факторов. Сделан вывод о целесообразности введения в гражданское судопроизводство именно клятвы, а не присяги свидетеля, поскольку исторически судебная присяга всегда имела религиозное содержание. Анализируются юридически и психологически оправданные подходы к нормативному тексту судебной клятвы, предлагаются соответствующие изменения в гражданском процессуальном законодательстве. В части 2 ст. 177 Гражданского процессуального кодекса РФ, по мнению автора, следует закрепить обязанность свидетеля перед допросом в суде произнести клятву, а также нормативный текст такой клятвы: «Перед лицом российского государственного суда клянусь своей честью рассказать всё известное мне по делу. Буду говорить только правду, всю правду и ничего, кроме правды».

Ключевые слова: гражданское судопроизводство; судебная присяга; судебные доказательства; свидетель; лжесвидетельство; достоверность свидетельских показаний; психологические факторы обеспечения достоверности показаний; верноподданническая присяга; свидетельская клятва; нормативный текст клятвы свидетеля.

Для цитирования: Томбулова Е. Г. Клятва свидетеля как способ противодействия заведомо ложным показаниям по гражданским делам: pro et contra // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 5. — С. 51–60. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.051-060.

© Томбулова Е. Г., 2024

* Томбулова Елена Георгиевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия
Красных Партизан ул., д. 234, г. Краснодар, Россия, 350020
tombulovae@mail.ru

Witness's oath as a way to Counter Deliberately False Testimony in Civil Cases: Pro et Contra

Elena G. Tombulova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil and Administrative Procedure, North Caucasus Branch, Russian State University of Justice, Krasnodar, Russian Federation
tombulovae@mail.ru

Abstract. The paper examines the use of the witness oath in Russian civil proceedings. The purpose of the paper is to theoretically substantiate the use of the witness oath in Russian civil proceedings as a way to counter deliberately false testimony of witnesses in civil cases. The author examines historical aspects of the judicial oath, as well as comparative legal aspects of the use of the witness oath in civil proceedings in some other countries, namely, the Republic of Turkey, the Republic of Uzbekistan. The first step towards eliminating the religious content of the judicial oath was taken in the modern period in Russian constitutional court proceedings. However, the normative text of the oath does not take into account a number of socio-psychological factors. It is concluded that it is advisable to introduce an oath into civil proceedings, and not an oath of a witness, since historically the judicial oath has always had a religious content. The author analyzes legally and psychologically justified approaches to the normative text of the judicial oath and proposes appropriate changes in civil procedural legislation. In part 2 of Article 177 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, according to the author, it is necessary to fix the obligation of a witness to pronounce an oath before interrogation in court, as well as the normative text of such an oath: «In the face of the Russian state court, I swear on my honor to tell everything I know about the case. I promise to tell the truth, the whole truth and nothing but the truth.»

Keywords: civil proceedings; judicial oath; judicial evidence; witness; perjury; reliability of testimony; psychological factors to ensure the reliability of testimony; loyalty oath; witness oath; normative text of the witness oath.

Cite as: Tombulova EG. Witness's oath as a way to Counter Deliberately False Testimony in Civil Cases: Pro et Contra. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(5):51-60. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.051-060

Приисяга была известна отечественному судопроизводству с древнейших времен, она носила строго конфессиональный характер, текст ее имел религиозное содержание и апеллировал к богу, что ставило присягающего в религиозные рамки, воздействовало психологически, значительно уменьшало количество свидетелей-лжецов¹.

В нашей историографии сложилось весьма упрощенное представление о судебной присяге. Так, в учебнике А. И. Толстой при характеристике судебного процесса периода формирования абсолютной монархии (1613–1689 гг.) весьма обобщенно утверждается: «Большое значение

имели свидетельские показания и крестное целование, т.е. присяга»².

Вместе с тем большую работу по разграничению видов присяги в судопроизводстве XVII в. проделал в свое время известный правовед, профессор церковного права Н. А. Заозерский, который выделял характеристики судебной присяги:

- а) вид судебного доказательства;
- б) способ обеспечения достоверности свидетельских показаний.

Он писал: «Когда тяжущиеся не могли представить достаточных доказательств, они брали на свою душу ответ за свое домогательство и в том целовали крест»³.

¹ См.: Курс доказательственного права : Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / под ред. М. А. Фокиной. М. : Статут, 2019. С. 380–390.

² Толстая А. И. История государства и права России : учебник для вузов. М. : Юстицинформ, Омега-Л, 2010. Разд. 6.9 «Судебный процесс».

³ Заозерский Н. А. О свидетельской присяге в судопроизводстве XVII в. : (Одна из забытых реформ патриарха Никона) // Богословский вестник. 1917. Т. 2. № 6/7. С. 93–107 (1-я пагин.).

Н. А. Заозерский подчеркивал, что государево крестное целование есть не свидетельская, а верноподданническая⁴ присяга, к которой в XVII в. подданные приводились в соборном храме. Допрос свидетелей по государеву крестному целованию означал, что «судья должен был напоминать свидетелю, что он должен показывать правду, как верноподданный государя»⁵. Как заключает Н. А. Заозерский, еще в первой половине XVII в. специальной *свидетельской присяги* в нашем судопроизводстве не было, лишь в 1659 г. встречается самый ранний пример применения этой формы допроса — в наиболее торжественной обстановке («перед святым Евангелием, взирая на образ Божий»)⁶, т.е. специальной присяги. Историк С. С. Пашин также полагает, что еще во времена Русской Правды роту (присягу) «следовало давать не на заседании суда, а перед храмом»⁷. В XVIII столетии, с судебной реформой Петра Великого, в суды была перенесена иноземная формула присяги: «обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом»⁸. В этот период гарантом истины должна была служить смертная казнь за лжесвидетельство⁹.

По Уставу гражданского судопроизводства 1864 г. (УГС) присяга тяжущейся стороны совершалась исключительно вследствие совершенного добровольного соглашения сторон,

присяга принималась за доказательство того, «в чем она учинена», и не могла быть опровергаема никакими другими доказательствами; согласно же статьям 1663, 1664 Устава торгового, применяемым в торговых делах, решение дела присягой по взаимному согласию тяжущихся сторон зависит от доброй воли их, этот способ решения дела есть «в существе своем» мировая сделка¹⁰.

Как подчеркивает Е. В. Васьковский, «присяга выражается не в простой клятве (“клянусь честью” и т.п.), а в религиозной, притом торжественно, в церкви или молитвенном доме»¹¹.

В ходе судебной реформы 1864 г. институт присяги получает весьма полное закрепление в уставах судопроизводства. Положительная оценка использования присяги в судебном процессе нашла отражение в процессуальной литературе того времени. Так, отмечалось, что «страх навлечь на себя лжеприсягой небесный гнев для человека верующего есть самый могущественный стимул правдивости, способный заставить его пренебречь всякими посторонними интересами»¹², «даже нетвердые в религии люди, в силу торжественности, которую обставляется присяга и благодаря силе самих слов присяги, не остаются без воздействия на их совесть со стороны этого прекрасного обряда»¹³. «Доказательная сила свидетельских показаний, — писал

⁴ Верноподданный — присягнувший на верность монарху и соблюдающий верность этой присяге (см.: Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Сов. энцикл.: ОГИЗ, Т. 1. 1935).

⁵ Заозерский Н. А. Указ. соч. С. 96.

⁶ Заозерский Н. А. Указ. соч. С. 96.

⁷ Пашин С. С. Присяга в судебной практике Галицкой (Червоной) Руси XV века и рота Русской Правды // История государства и права. 2015. № 11. С. 32–35.

⁸ Заозерский Н. А. Указ. соч. С. 97.

⁹ Батиев Л. В. Указ 21 февраля 1697 г. и реформа судопроизводства в России // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11. С. 12.

¹⁰ Судебные уставы Российской империи (в сфере гражданской юрисдикции) : Устав гражданского судопроизводства. Учреждение Коммерческих судов и Устав их судопроизводства. Устав гражданского судопроизводства губерний Царства Польского. Волостной судебный устав Прибалтийских губерний. М. : Статут, 2018. С. 255.

¹¹ Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М., 1917. С. 39.

¹² Случевский В. К. Учебник русского уголовного судопроизводства. Судоустройство — Судопроизводство. СПб., 1910. С. 433.

¹³ Скопинский А. В. Свидетели по уголовным делам. М., 1911. С. 59.

Е. А. Нефедьев, — правдивость их гарантируется тем, что свидетели дают показания после принятия присяги»¹⁴.

В Уставе гражданского судопроизводства указаны свидетели, которые абсолютно освобождались от присяги (ст. 396). Другое исключение допущено в производстве у мировых судей. Здесь свидетели, за отсутствием священника, могут быть допрошены без присяги и могут дать подписку в том, что они по требованию кого-либо из тяжущихся обязываются подтвердить всё ими показанное под присягой (ст. 95 УГС); лица, не приемлющие присяги в силу веры, «вместо присяги дают обещание показать всю правду по чистой совести» (ст. 96 УГС)¹⁵. Использование присяги в судебной практике того времени привело к сохранению института присяги как в уголовном¹⁶, так и в гражданском судопроизводстве¹⁷, а также к определенному развитию этого института¹⁸. Так, предлагалось следующее новое правило: «Когда в местном заседании суда не окажется духовного лица того иноверного исповедания, к которому принадлежит свидетель, то он приводится к присяге председателем»¹⁹.

Институт судебной присяги развивался в российском судопроизводственном праве вплоть до 1918 г. В соответствии с п. 7 Декрета СНК, религиозная клятва или присяга отменялись, в необходимых случаях допускалось торжественное обещание²⁰.

В советских процессуальных кодексах институт судебной присяги отсутствовал. Как отмечал в 1956 г. К. С. Юдельсон, если ранее в числе *доказательств* допускалась присяга, то теперь она, естественно, отменена «как старый феодальный пережиток». Советский гражданский процессуальный закон, а также гражданские процессуальные кодексы стран народной демократии предоставляют суду право использовать любые виды доказательств, но устраняют такие средства доказывания, которые не могут обеспечить истины по делу. В результате отбора надежных средств доказывания советское процессуальное право обладает видами доказательств, обеспечивающими достоверность выводов суда²¹. В российских ГПК также не было и нет свидетельской присяги.

Вместе с тем многие советские граждане давали свидетельские показания «под присягой» в ходе проведения Нюрнбергского трибунала над военными преступниками. Очевидец процесса Б. Н. Полевой по этому поводу замечает, что советские свидетели избавлены от присяги на Библии²². Их допрос начинался так: «Председатель — свидетелю: повторяйте за мной слова присяги в следующей форме: “Я, гражданин Советского Союза, вызванный в качестве свидетеля по настоящему делу, перед лицом Высокого Суда торжественно обещаю и клянусь говорить все, что мне известно по

¹⁴ Гражданский процесс. Лекции, читанные в Московском университете ординарным профессором Е. А. Нефедьевым. М., 1900. С. 226–227.

¹⁵ Судебные уставы Российской империи (в сфере гражданской юрисдикции). С. 69.

¹⁶ Проект новой редакции Устава уголовного судопроизводства, составленный Высочайше учрежденной Комиссией для пересмотра законоположений по судебной части. СПб. : Сенатская тип., 1900.

¹⁷ Проект новой редакции Устава гражданского судопроизводства, составленный Высочайше учрежденной Комиссией для пересмотра законоположений по судебной части. СПб. : Сенатская тип., 1900.

¹⁸ В этой связи укажем также на такую новеллу: «Свидетели, отказавшиеся от принятия присяги без законного основания, допрашиваются без присяги, о чем отмечается в протоколе. Во всяком случае свидетелям напоминает об ответственности за лживые показания» (ст. 381 Проекта новой редакции Устава уголовного судопроизводства. С. 99).

¹⁹ Проект новой редакции Устава гражданского судопроизводства. С. 55–56.

²⁰ Декрет Совета народных комиссаров 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» // URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/> (дата обращения: 20.08.2023).

²¹ См.: Юдельсон К. С. Советский гражданский процесс : учебник. М., 1956. С. 135.

²² Полевой Б. Н. Собрание сочинений : в 9 т. М., 1985. Т. 8. С. 398.

данному делу, ничего не утаить и ничего не прибавить”»²³.

Возрождение института судебной присяги в России началось в 1994 г., когда были закреплены обязательность свидетельской присяги в конституционном судопроизводстве²⁴ и ее текст: «Я, (Ф. И. О.), обязуюсь дать Конституционному Суду РФ только правдивые и полные показания об известных мне лично сведениях и материалах, касающихся рассматриваемого дела»²⁵.

В наши дни проводятся обширные исследования «верноподданнической» присяги, которая сегодня обычно рассматривается в качестве юридического факта для приобретения (утраты) правового статуса субъекта публичной власти, в этом аспекте присяга идентифицируется в научных исследованиях как комплексный правовой институт, общеправовой феномен: под ней разумеют «юридический факт, представляющий собой принятие официальной клятвы (торжественного обещания) соблюдать и исполнять права и обязанности в соответствии с принимаемой должностью, определяющий момент изменения специального правового статуса субъектов и осуществляемый в особом ритуальном порядке на основе специализированных символических действий»²⁶. Применительно к институту «верноподданнической» конституционной присяги

также отмечается, что он объединяет в себе не только правовые, но и иные социальные нормы, осуществляет интегрированное конституционно-правовое регулирование соответствующих отношений²⁷.

На законодательном уровне закреплены многочисленные тексты «верноподданнических» (государственно-правовых присяг)²⁸, а в 2023 г. установлена памятная дата России — День Военной присяги (21 ноября)²⁹.

Исследованию свидетельской присяги в суде уделялось меньше внимания. Вместе с тем в исследованиях выдвигалась идея введения в судопроизводственное законодательство судебной присяги. Такой вывод в литературе подтверждался, в частности, опытом применения свидетельской присяги в Конституционном Суде РФ, необходимостью усиления убеждения свидетелей в даче правдивых показаний и действия в этом случае моральных факторов³⁰.

И. М. Мацкевич, обосновывая необходимость реализации названной идеи в суде, отмечал, что «правильно принимать не судебную присягу, а судебную клятву»³¹, и предлагал ее текст: «Я, гражданин России или иной страны, вызванный по настоящему делу в суд РФ, торжественно обещаю и клянусь говорить всё, что мне известно по данному делу, и ничего не прибавить и не утаить»³².

²³ Допрос Базилевского // Из стенограмм заседания международного военного трибунала, 1–2 июля 1946 г. URL: https://runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=6266&CENTER_ELEMENT_ID=147395&PORTAL_ID=6266 (дата обращения: 20.08.2023).

²⁴ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

²⁵ Регламент Конституционного Суда РФ (ред. от 15.06.2023) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13034/ (дата обращения: 20.08.2023).

²⁶ Русакова Н. Г. Присяга как общеправовой феномен : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. С. 6.

²⁷ Мархгейм М. В. Конституционная присяга в контексте интегративного регулирования // Развитие правового регулирования в XXI веке, тенденции и перспективы : материалы междунар. науч.-практ. конференции, посвященной 140-летию НИУ «БелГУ», Белгород, 20–21 октября 2016 г. Белгород, 2016. С. 37–41.

²⁸ Подробнее см.: Бережкова Н. Ф. Правовое регулирование государственной службы в России. Этические нормы и присяга : монография. М. : Юнити-Дана, 2017.

²⁹ Ст. 1 Федерального закона от 13.06.2023 № 238-ФЗ «О внесении изменения в статью 1.1 Федерального закона “О днях воинской славы и памятных датах России”» // СЗ РФ. 2023. № 25. Ст. 4427.

³⁰ Курс доказательственного права. С. 380–390 (автор § 3 «Исследование свидетельских показаний» — М. А. Фокина).

³¹ Мацкевич И. М. Судебная присяга // Юридическое образование и наука. 2016. № 2. С. 6.

Как видим, религиозная составляющая присяги со временем потеряла актуальность, свидетельская присяга стала рассматриваться как торжественное заявление, обещание, клятва. Как верно отмечается в литературе, «слово “клятва” означает в буквальном смысле собственное проклятие в случае неисполнения взятых обязательств»³³.

ГПК Турецкой Республики обходится без прямого указания на религиозный аспект судебной клятвы. В соответствии со ст. 233-(4) судья задает следующий вопрос: «Поклянетесь ли вы своей честью, всеми верованиями и ценностями, которые вы считаете священными, что вы будете правдиво отвечать на заданные вопросы и ничего не будете скрывать?»³⁴. Судья должен услышать положительный ответ. Как отмечает турецкий юрист М. Осунай, символические признаки усиления секуляризации в гражданском процессе отразились в норме, касающейся клятвы (yemin³⁵): новая формулировка отказалась от слова «Аллах» и заменила его «всеми верованиями и ценностями, которые вы считаете священными»³⁶.

ГПК Республики Узбекистан закрепляет: «Клянусь суду рассказать всё известное мне по делу. Буду говорить только правду, всю правду и ничего, кроме правды» (ст. 229 «Порядок допроса свидетеля»)³⁷.

Современные российские исследователи единодушны в том, что «в России присяга должна носить исключительно светский характер»³⁸. Однако возникает вопрос: если утрачено религиозное содержание публичного обещания правдивых показаний в суде, то к чему сохранять старый термин «присяга»?

Ученые отмечают положительные психологические аспекты судебной клятвы. Как справедливо отмечается, глубинным психологическим мотивом речевого акта «клятва» является потребность индивида в доверии со стороны адресатов³⁹. Как речевой акт клятва имеет ключевое свойство — обязывать говорящего к определенной линии поведения⁴⁰.

Еще в советский период исследователи отмечали, что «действующая процедура предупреждения об уголовной ответственности за лжесвидетельство психологически недостаточно

³² Мацкевич И. М. Указ. соч. С. 7.

³³ Мацкевич И. М. Указ. соч. С. 6.

³⁴ Гражданский процессуальный кодекс Турецкой Республики // Официальный вестник. 30.09.2022. № 31969. URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/mevzuat?MevzuatNo=6100&MevzuatTur=1&MevzuatTertip=5> (дата обращения: 20.08.2023).

³⁵ Yemin — клятва, уверение. См.: Турецко-русский словарь // URL: <https://demek.ru/soz/?q=yemin> (дата обращения: 20.08.2023).

³⁶ Озсунай М. Турецкий национальный доклад // Гражданский процесс в межкультурном диалоге : Евразийский контекст : Всемирная конференция Международной ассоциации процессуального права, 18–21 сентября 2012 г., Москва, Россия : сборник докладов / под ред. Д. Я. Малешина. М. : Статут, 2012. С. 390.

³⁷ Гражданский процессуальный кодекс Республики Узбекистан, утв. Законом Республики Узбекистан от 22.01.2018 № ЗРУ-460 (в ред. Закона Республики Узбекистан от 12.01.2021 № ЗРУ-661) // Национальный центр правовой информации «Адолат» при Министерстве юстиции Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/3517334> (дата обращения: 20.08.2023).

³⁸ См., например: Курс доказательственного права. С. 380–390 ; Скурлатов В. С. К вопросу о введении института присяги при допросе свидетелей в суде в порядке уголовного судопроизводства // Альманах молодого исследователя. 2021. № 10. С. 97–98.

³⁹ Чесноков И. И. Речевой акт «клятва»: эксплицитные перформативные высказывания // Известия ВГПУ. 2016. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-akt-klyatva-eksplitsitnye-performativnye-vyskazyvaniya> (дата обращения: 20.08.2023).

⁴⁰ Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике / под ред. Б. Ю. Городецкого. Вып. 17 : Теория речевых актов. М. : Прогресс, 1986. С. 125.

эффективна. Разъяснение прав, обязанностей и ответственности происходит зачастую скороговоркой, без учета культурного уровня допрашиваемого, без апелляции к его гражданским и нравственным чувствам»⁴¹. Как верно отмечает М. В. Жижина, присяга или торжественное заявление должны отправляться «в форме, рассчитанной на пробуждение совести свидетеля и влияние на его сознание, чтобы он осознал обязанность давать правдивые показания»⁴².

Действительно, молчаливое выслушивание предупреждения об ответственности за ложь при житейской осведомленности свидетеля о фактическом отсутствии случаев ответственности за нее может стать для такого свидетеля лишь приглашением к лотерее, ибо «не пойман — не вор», и многие готовы попытать счастья⁴³. Заведомо ложные показания свидетелей становятся всё более распространенным и в значительной степени общественно опасным преступлением против правосудия⁴⁴.

Для противодействия лжесвидетельству по гражданским делам, на наш взгляд, целесообразно введение в гражданское судопроизводство клятвы (публичного обещания дать правдивые показания) свидетеля, но не присяги.

В своем учебнике известный специалист в области истории государства и права России М. А. Исаев высказывает удивление тем, что в России с «крушением богоборческой власти»

присяга именем Бога не была восстановлена в современном процессе⁴⁵. На наш взгляд, такая ситуация вполне объяснима. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил результаты опроса, приуроченного ко Дню Крещения Руси в 2023 г. Очень важную роль религия играет в основном в жизни россиян старше 60 лет (20 %), жителей села (23 %), и Северо-Кавказского федерального округа (31 %). Не играет никакой роли она в жизни молодежи до 25 лет (44 %), жителей Северо-Западного и Сибирского федеральных округов (по 38 %) и активных интернет-пользователей (38 %). Доля россиян, которые регулярно посещают церковь, составляет всего 15 % от опрошенных⁴⁶. Поэтому присяга «именем Бога» для массы населения, по справедливому мнению многих экспертов, была бы сегодня неэффективной⁴⁷. Кроме того, если в нормативном тексте клятвы упомянуть бога, то этим можно нарушить конституционное право человека не признавать существование бога (ст. 28 Конституции РФ).

Чьим же именем может быть принесена судебная клятва свидетеля?

Ориентированность менталитета россиян на государственность в настоящее время подтверждается многими исследованиями: 65 % опрошенных считают, что роль российского государства «в жизни общества должна вырасти»⁴⁸. Большинство россиян остаются государственни-

⁴¹ Ратинов А. Лжесвидетельство и борьба с ним // Соц. законность. 1974. № 5. С. 34.

⁴² Жижина М. В. Основы криминалистической тактики судебного допроса в гражданском (арбитражном) процессе : науч.-практ. пособие / под ред. Е. П. Ищенко. М. : Юстицинформ, 2012. (3.1 «Особенности тактики допроса лиц, участвующих в деле»).

⁴³ Костанов Ю. А., Пиховкин А. В. О клятве свидетелей, или Проблема правдивости показаний участников процесса // Уголовный процесс. 2023. № 7. URL: <https://e.ugpr.ru/1032324> (дата обращения: 20.08.2023).

⁴⁴ Дубинин Л. Г. Методика расследования заведомо ложных показаний свидетеля и потерпевшего : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 3.

⁴⁵ Исаев М. А. История российского государства и права : учебник. М. : Статут, 2012 (§ 7 «Суд и процесс в Московском государстве»).

⁴⁶ См.: Религия и общество: мониторинг. За последние тридцать лет роль религии в жизни нашего общества несколько возросла (2023) // Сетевое издание WCIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religiya-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения: 20.08.2023).

⁴⁷ Показания свидетеля. Станут ли они правдивее под присягой? // Информационно-правовой портал «Закония». URL: <https://www.zakonia.ru/theme/pokazaniya-svidetelja-stanut-li-oni-pravdivее-pod-prisjagoj-14-08-2015> (дата обращения: 20.08.2023).

⁴⁸ Государство и общество: цели, приоритеты, императивы. Социальная поддержка населения, защита традиционных ценностей, укрепление государственного влияния на жизнь общества, великодержав-

ками и включают в приоритетные задачи государства защиту русских ментальных традиций⁴⁹. Государственный суд любого уровня — это представитель государственной власти, призванный оказывать правовую защиту: 88 % опрошенных знают о суде именно как об органе власти⁵⁰.

В. В. Молчанов отмечает, что нередко отношение ко лжи основывается на нравственном представлении свидетеля о справедливости, а сообщение ложной информации или умолчание о фактах происходит «ради спасения человека, с которым свидетеля связывают личные отношения»⁵¹. Думается, оправданным было бы обращение в тексте свидетельской клятвы к *чести самого свидетеля*⁵². Клясться честью означает, что человек готов отдать свое достоинство и репутацию ради исполнения своего обещания. В этой части клятвы важна именно эмоциональная окраска, которая подчеркивает готовность к риску и жертве⁵³.

Клятва как способ противодействия лже-свидетельству в суде должна включить в свой нормативный текст и указание на антипода лже-свидетельства — говорить «правду»⁵⁴.

Таким образом, можно заключить, что в нормативном тексте клятвы свидетеля *акценты* следует сделать: 1) на обращение к чести самого свидетеля; 2) дачу клятвы перед лицом государственной власти (в лице государственного суда) и ограничении желания свидетеля «спасти справедливость» вопреки интересам государственного правосудия. В части 2 ст. 177 Гражданского процессуального кодекса РФ, на наш взгляд, следует закрепить обязанность свидетеля произнести в суде клятву, а также нормативный текст такой клятвы: «Перед лицом российского государственного суда клянусь своей честью рассказать всё известное мне по делу. Буду говорить только правду, всю правду и ничего, кроме правды».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Асланов Л. А. Цивилизационный анализ глобальных процессов : учеб. пособие. — М. : Макс Пресс, 2020. — 344 с.
  2. Батиев Л. В. Указ 21 февраля 1697 г. и реформа судопроизводства в России // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 11. — С. 11–18.
  3. Бережкова Н. Ф. Правовое регулирование государственной службы в России. Этические нормы и присяга : монография. — М. : Юнити-Дана, 2017. — 583 с.
- ность — таков сегодня главный общественный запрос к власти (2021) // Сетевое издание WCIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvo-i-obshchestvo-celi-prioritety-imperativy> (дата обращения: 20.08.2023).
- 49 Асланов Л. А. Цивилизационный анализ глобальных процессов : учеб. пособие. М. : Макс Пресс, 2020. С. 156.
  - 50 Правоохранительные и судебные органы: рейтинг защитников прав и свобод (2018) // Сетевое издание WCIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pravookhranitelnye-i-sudebnye-organy-rejting-zashhitnikov-prav-i-svobod> (дата обращения: 20.08.2023).
  - 51 Молчанов В. В. Развитие учения о свидетелях и свидетельских показаниях в гражданском процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 38.
  - 52 Честь — это «внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Олма-Пресс : Крас. пролетарий, 2004).
  - 53 Что означает клятва чести? // URL: <https://psk-group.su/znacheniya/cto-oznachaet-klyatva-cesti> (дата обращения: 20.08.2023).
  - 54 «Правда — то, что существует в действительности, соответствует реальному положению вещей» (Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М. : Мир и образование : Оникс, 2012).

4. Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. — 2-е изд., перераб. — М. : Бр. Башмаковы, 1917. — 429 с.
5. Гражданский процесс. Лекции, читанные в Московском университете ординарным профессором Е. А. Нефедьевым. — М. : Типолиграфия В. Ритхетра, 1900. — 463 с.
6. Дубинин Л. Г. Методика расследования заведомо ложных показаний свидетеля и потерпевшего : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2010. — 24 с.
7. Жижина М. В. Основы криминалистической тактики судебного допроса в гражданском (арбитражном) процессе : науч.-практ. пособие / под ред. Е. П. Ищенко. — М. : Юстицинформ, 2012. — 96 с.
8. Заозерский Н. А. О свидетельской присяге в судопроизводстве XVII в.: (Одна из забытых реформ патриарха Никона) // Богословский вестник. — 1917. — Т. 2. — № 6/7. — С. 93–107 (1-я пагин.).
9. Исаев М. А. История российского государства и права : учебник. — М. : Статут, 2012. — 838 с.
10. Костанов Ю. А., Пуховкин А. В. О клятве свидетелей, или проблема правдивости показаний участников процесса // Уголовный процесс. — 2023. — № 7. — URL: <https://e.ugpr.ru/1032324>.
11. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / под ред. М. А. Фокиной. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2019. — 656 с.
12. Мархгейм М. В. Конституционная присяга в контексте интегративного регулирования // Развитие правового регулирования в XXI веке, тенденции и перспективы : материалы междунар. науч.-практ. конференции, посвященной 140-летию НИУ «БелГУ», Белгород, 20–21 октября 2016 г. — Белгород, 2016. — С. 37–41.
13. Мацкевич И. М. Судебная присяга // Юридическое образование и наука. — 2016. — № 2. — С. 3–7.
14. Молчанов В. В. Развитие учения о свидетелях и свидетельских показаниях в гражданском процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2009. — 50 с.
15. Озсунай М. Турецкий национальный доклад // Гражданский процесс в межкультурном диалоге : Евразийский контекст : Всемирная конференция Международной ассоциации процессуального права, 18–21 сентября 2012 г., Москва, Россия : сборник докладов / под ред. Д. Я. Малешина. — М. : Статут, 2012. — С. 377–390.
16. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике / под ред. Б. Ю. Городецкого. — Вып. 17 : Теория речевых актов. — М. : Прогресс, 1986. — С. 22–129.
17. Пашин С. С. Присяга в судебной практике Галицкой (Червоной) Руси XV века и рота Русской Правды // История государства и права. — 2015. — № 11. — С. 32–35.
18. Полевой Б. Н. Собрание сочинений : в 9 т. Т. 8 : Эти четыре года : Записки военного корреспондента. Кн. 3 и 4 / коммент. Н. Железновой. — М. : Худож. лит., 1985. — 560 с.
19. Ратинов А. Лжесвидетельство и борьба с ним // Социалистическая законность. — 1974. — № 5. — С. 31–36.
20. Русакова Н. Г. Присяга как общеправовой феномен : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2008. — 32 с.
21. Скопинский А. В. Свидетели по уголовным делам: пособие для практиков. — М. : Изд-е книжного магазина И. Г. Голубева, 1911. — 194 с.
22. Скурлатов В. С. К вопросу о введении института присяги при допросе свидетелей в суде в порядке уголовного судопроизводства // Альманах молодого исследователя. — 2021. — № 10. — С. 95–98.
23. Случевский В. К. Учебник русского уголовного судопроизводства. Судостроительство — Судопроизводство. — СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1910. — 664 с.
24. Толстая А. И. История государства и права России : учебник для вузов (3-е изд., стереотип.). — М. : Юстицинформ, Омега-Л, 2010. — 320 с.
25. Чесноков И. И. Речевой акт «клятва»: эксплицитные перформативные высказывания // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. — 2016. — № 3. — С. 110–113.
26. Юдельсон К. С. Советский гражданский процесс : учебник. — М. : Государственное изд-во юрид. литературы, 1956. — 440 с.

Материал поступил в редакцию 3 сентября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aslanov L. A. Tsivilizatsionnyy analiz globalnykh protsessov: ucheb. posobie. — M.: Maks Press, 2020. — 344 s.
2. Batiev L. V. Ukaz 21 fevralya 1697 g. i reforma sudoproizvodstva v Rossii // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2016. — № 11. — S. 11–18.
3. Berezhkova N. F. Pravovoe regulirovanie gosudarstvennoy sluzhby v Rossii. Eticheskie normy i prisyaga: monografiya. — M.: Yuniti-Dana, 2017. — 583 s.
4. Vaskovskiy E. V. Uchebnik grazhdanskogo protsessa. — 2-e izd., pererab. — M.: Br. Bashmakovy, 1917. — 429 s.
5. Grazhdanskiy protsess. Lektsii, chitannye v Moskovskom universitete ordinarnym professorom E. A. Nefedevym. — M.: Tipolitografiya V. Ritkheta, 1900. — 463 s.
6. Dubinin L. G. Metodika rassledovaniya zavedomo lozhnykh pokazaniy svidetelya i poterpevshego: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2010. — 24 s.
7. Zhizhina M. V. Osnovy kriminalisticheskoy taktiki sudebnogo doprosa v grazhdanskom (arbitrazhnom) protsesse: nauch.-prakt. posobie / pod red. E. P. Ishchenko. — M.: Yustitsinform, 2012. — 96 s.
8. Zaozerskiy N. A. O svidetelskoy prisyage v sudoproizvodstve XVII v.: (Oдна iz zabytykh reform patriarkha Nikona) // Bogoslovskiy vestnik. — 1917. — T. 2. — № 6/7. — S. 93–107 (1-ya pagin.).
9. Isaev M. A. Istoriya rossiyskogo gosudarstva i prava: uchebnik. — M.: Statut, 2012. — 838 s.
10. Kostanov Yu. A., Pikhovkin A. V. O klyatve svideteley, ili problema pravdivosti pokazaniy uchastnikov protsessa // Ugolovnyy protsess. — 2023. — № 7. — URL: <https://e.ugpr.ru/1032324>.
11. Kurs dokazatelstvennogo prava: Grazhdanskiy protsess. Arbitrazhnyy protsess. Administrativnoe sudoproizvodstvo / pod red. M. A. Fokinoy. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Statut, 2019. — 656 s.
12. Markhgeym M. V. Konstitutsionnaya prisyaga v kontekste integrativnogo regulirovaniya // Razvitie pravovogo regulirovaniya v XXI veke, tendentsii i perspektivy: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii, posvyashchennoy 140-letiyu NIU «BelGU», Belgorod, 20–21 oktyabrya 2016 g. — Belgorod, 2016. — S. 37–41.
13. Matskevich I. M. Sudebnaya prisyaga // Yuridicheskoe obrazovanie i nauka. — 2016. — № 2. — S. 3–7.
14. Molchanov V. V. Razvitie ucheniya o svidetelyakh i svidetelskikh pokazaniyakh v grazhdanskom protsesse: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2009. — 50 s.
15. Ozsunay M. Turetskiy natsionalnyy doklad // Grazhdanskiy protsess v mezhkulturnom dialogue: Evraziyskiy kontekst: Vsemirnaya konferentsiya Mezhdunarodnoy assotsiatsii protsessualnogo prava, 18–21 sentyabrya 2012 g., Moskva, Rossiya: sbornik dokladov / pod red. D. Ya. Maleshina. — M.: Statut, 2012. — S. 377–390.
16. Ostin Dzh. Slovo kak deystvie // Novoe v zarubezhnoy lingvistike / pod red. B. Yu. Gorodetskogo. — Vyp. 17: Teoriya rechevykh aktov. — M.: Progress, 1986. — S. 22–129.
17. Pashin S. S. Prisyaga v sudebnoy praktike Galitskoy (Chervonoy) Rusi XV veka i rota Russkoy Pravdy // Istoriya gosudarstva i prava. — 2015. — № 11. — S. 32–35.
18. Polevoy B. N. Sobranie sochineniy: v 9 t. T. 8: Eti chetyre goda: Zapiski voennogo korrespondenta. Kn. 3 i 4 / komment. N. Zheleznoy. — M.: Khudozh. lit., 1985. — 560 s.
19. Ratinov A. Lzhesvidetelstvo i borba s nim // Sotsialisticheskaya zakonnost. — 1974. — № 5. — S. 31–36.
20. Rusakova N. G. Prisyaga kak obshchepравovoy fenomen: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — N. Novgorod, 2008. — 32 s.
21. Skopinskiy A. V. Svideteli po ugolovnym delam: posobie dlya praktikov. — M.: Izd-e knizhnogo magazina I. G. Golubeva, 1911. — 194 s.
22. Skurlatov V. S. K voprosu o vvedenii instituta prisyagi pri doprose svideteley v sude v poryadke ugolovnogo sudoproizvodstva // Almanakh molodogo issledovatelya. — 2021. — № 10. — S. 95–98.
23. Sluchevskiy V. K. Uchebnik russkogo ugolovnogo sudoproizvodstva. Sudoustroystvo — Sudoproizvodstvo. — CPB.: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1910. — 664 s.
24. Tolstaya A. I. Istoriya gosudarstva i prava Rossii: uchebnik dlya vuzov (3-e izd., stereotip.). — M.: Yustitsinform, Omega-L, 2010. — 320 s.
25. Chesnokov I. I. Rechevoy akt «klyatva»: eksplitsitnye performativnye vyskazyvaniya // Izvestiya Volgogradskogo gos. ped. un-ta. — 2016. — № 3. — S. 110–113.
26. Yudel'son K. S. Sovetskiy grazhdanskiy protsess: uchebnik. — M.: Gosudarstvennoe izd-vo yurid. literatury, 1956. — 440 s.

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.061-071

А. В. Серова*

Направления дифференциации законодательства о труде и занятости населения: в фокусе внимания молодежь и молодые специалисты

Аннотация. В условиях развития цифровой экономики, распространения пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19, специальной военной операции и внешнего санкционного давления не перестают быть актуальными проблемы достойного труда и эффективной занятости среди молодого поколения. В связи с этим встает вопрос о необходимости законодательного закрепления таких положений, которые бы одновременно стимулировали и молодежь, и работодателей к вступлению друг с другом в трудовые отношения. Автор предлагает обсудить, насколько целесообразно углубление дифференциации законодательства о труде и занятости населения в отношении таких категорий, как «молодежь» и «молодые специалисты». Делается вывод, что в данные категории заложен такой контекст, который предполагает реализацию комплекса мероприятий, направленных на содействие занятости молодежи применительно к каждому этапу профессионального развития. Поэтому в отношении молодежи ведущая роль должна быть отдана законодательству о занятости населения. В ТК РФ следует сохранить дифференцированный подход для несовершеннолетних работников, а в части положений, которые могут применяться в связи с фактом получения квалификации, — развивать комплекс гарантий, которые не имеют возрастного ценза.

Ключевые слова: дифференциация; трудовое законодательство; законодательство о занятости населения; несовершеннолетние работники; молодежь; молодые специалисты; молодые работники; занятость; трудовые отношения; политико-экономические вызовы; качество трудовой жизни.

Для цитирования: Серова А. В. Направления дифференциации законодательства о труде и занятости населения: в фокусе внимания молодежь и молодые специалисты // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 5. — С. 61–71. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.061-071.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева в рамках реализации проекта ведущей научной школы № 0504/23.

© Серова А. В., 2024

* Серова Алена Вадимовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137
a.v.serova@usla.ru

Areas of Differentiation of Labor and Employment Legislation: The Youth and Young Professionals are in Focus

Alena V. Serova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Labor Law, Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation
a.v.serova@usla.ru

Abstract. In the context of the digital economy development, the spread of the pandemic of the new coronavirus infection COVID-19, the special military operation and external sanctions, the problems of decent work and effective employment among the younger generation do not cease to be relevant. In this regard, the question arises of the need to legislate such provisions that would simultaneously encourage both young people and employers to enter into labor relations with each other. The author suggests discussing how appropriate it is to deepen the differentiation of labor and employment legislation in relation to such categories as «youth» and «young professionals». It is concluded that the context of these categories involves the implementation of a set of measures aimed at promoting youth employment in relation to each stage of professional development. Therefore, in relation to the youth, the leading role should be given to the legislation on employment of the population. The Labor Code of the Russian Federation should maintain a differentiated approach for the underage workers, and in terms of provisions that can be applied in connection with the fact of obtaining qualifications, it is necessary to develop a set of guarantees that do not have an age limit.

Keywords: differentiation; labor legislation; legislation on employment of the population; underage workers; youth; young professionals; young workers; employment; labor relations; political and economic challenges; quality of working life.

Cite as: Serova AV. Areas of Differentiation of Labor and Employment Legislation: The Youth and Young Professionals are in Focus. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(5):61-71. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.061-071

Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of Yakovlev State Law University within the framework of the project of the leading scientific school No. 0504/23.

Одним из ярких трендов развития российского трудового законодательства в последние годы является углубление его дифференциации. Данный процесс не проходит незамеченным для ученых. В науке трудового права активно обсуждается ситуация наращивания темпов реформирования трудового законодательства относительно установления особенностей регулирования труда отдельных категорий работников¹. Действительно, если в первоначальной редакции ТК РФ в разд. XII было 15 глав, посвященных особенностям регулирова-

ния труда отдельных категорий работников, а в гл. 55, в которой размещаются статьи, сосредотачивающие специальные нормы в отношении тех категорий работников, относительно которых не выделены отдельные главы, — 3 статьи, то сейчас в разд. XII содержится 22 главы (при этом глава 49.1, появившаяся в ТК РФ в 2013 г., в 2021 г. была модернизирована), а в гл. 55 — 16 статей. Получился весьма значительный прирост нормативного материала. Одним из очевидных драйверов приращивания трудового законодательства специальными нормами в последнее время ста-

¹ См., например: Головина С. Ю. Дифференциация трудового права: пределы необходимости // Трудовое право: национальное и международное измерение : монография / под ред. С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. М. : Норма, 2022. Т. 2. С. 112–149 ; Нуртдинова А. Ф., Чиканова Л. А. Дифференциация регулирования трудовых отношений как закономерность развития трудового права // Журнал российского права. 2015. № 6. С. 68–82. DOI: 10.12737/11430 ; Тучкова Э. Г. К вопросу об углублении субъектной дифференциации в правовом регулировании наемного труда // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 4. С. 4–7.

новятся политико-экономические вызовы². При этом, как правило, в процессе углубления дифференциации прослеживается два направления: либо дополняется перечень оснований дифференциации, либо происходит наращивание специального правового регулирования внутри уже существующих оснований дифференциации³.

Законодательство о занятости населения в своем развитии не уступает по скорости модернизации трудовому законодательству. Более того, с января 2023 г. в Государственной Думе РФ на рассмотрении находится проект обновленного Закона о занятости населения. Предложение принять новую версию данного закона, а не внести в действующий очередной пакет поправок, свидетельствует о намерении изменить концептуальные основы законодательства о занятости населения, что, безусловно, заслуживает одобрения. Что касается дифференциации, то законодательство о занятости населения не осталось в стороне от этого процесса. В частности, предлагается структурно обособить в отдельную главу 5 положения об обеспечении занятости инвалидов, предусмотрев в ней 5 статей, а в статью 22 — положения о содействии занятости молодежи⁴. В первоначальной версии проекта нового закона о занятости населения⁵ предполагалось также выделение в отдельную главу положений, регулирующих самозанятость и платформенную занятость, но от этой идеи было решено отказаться в пользу разработки для них специального федерального закона.

Если в отношении законодательства о занятости населения в целом поддерживается идея его обновления, то массив законодательных новелл в сфере труда порой наводит ученых на размышления о том, что существующее трудовое

законодательство перестало быть эффективным, не соответствует текущим реалиям и потребностям сторон трудового договора, государства и общества и не может адекватно реагировать на воздействие различных внешних факторов. Как итог возникает вопрос, не пора ли принимать новый Трудовой кодекс по примеру Закона о занятости населения⁶? С одной стороны, действительно, появление новых норм свидетельствует о том, что трудовое законодательство с определенного момента перестало учитывать в должной степени тот или иной проблемный аспект или специфику труда отдельных категорий работников. Но общественная жизнь изменчива, и трудовое право не всегда может заранее создать внутри себя комплекс правовых норм, которые носили бы опережающий характер. Вероятно, заранее спрогнозировать появление тех или иных правовых положений далеко не всегда возможно. Чаще всего мы имеем дело с внесением поправок в законодательство постфактум, т.е. когда уже обстоятельства изменились, прошел некий период времени, по итогам которого стало очевидно, что действующий массив правовых норм не справляется с регулированием общественных отношений. Как отмечает С. А. Белоусов, «социально обусловленное отставание развития какой-либо отрасли законодательства в силу динамизма соответствующей сферы общественных отношений, подпадающей под действие права, не должно служить неким “сигналом” для искусственного выравнивания таких законодательных подсистем, что в итоге может привести к состоянию еще большей их разбалансированности и в первую очередь с системой регулируемых ими социальных связей»⁷. К тому же, если посмотреть на содержа-

² Головина С. Ю. Трансформация трудового права в эпоху глобальных политико-экономических вызовов современности // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 3. С. 2. DOI: 10.18572/2221-3295-2023-3-2-5.

³ Нуртдинова А. Ф., Чиканова Л. А. Указ. соч. С. 71.

⁴ Законопроект № 275599-8 «О занятости населения в Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/275599-8> (дата обращения: 14.08.2023).

⁵ Не опубликован.

⁶ Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» // Бюллетень нормативных актов РСФСР. 1992. № 1. С. 4–18.

⁷ Белоусов С. А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. С. 6.

ние поправок, вносимых в ТК РФ, то мы увидим, что многие из них принимаются именно в направлении углубления дифференциации трудового законодательства, а если основные начала и подвергаются изменению, то это носит характер их «донастройки» под текущие условия жизни общества и государства. Поэтому говорить об обновлении полностью всего ТК РФ пока преждевременно. Хотя и нельзя полностью это исключать, поскольку некоторые факторы могут быть драйвером таких законодательных реформ. Самым очевидным таким фактором может стать, например, развитие платформенной занятости.

Возникает следующий вопрос: каковы пределы интенсификации дифференциации трудового законодательства? Очевидно, что дифференциация сама по себе не должна быть самоцелью, иначе чрезмерное увлечение установлением особенностей может получить обратный нежелательный эффект. Характеризуя процесс углубления дифференциации трудового законодательства, С. Ю. Головина пишет, что «создается впечатление, что специальная часть трудового права формируется весьма хаотично, что называется, “на злобу дня”, “под конкретную проблему” и далеко не всегда новеллы действительно становятся востребованными нормами трудового права»⁸. Из этого следует, что любое новое основание дифференциации должно быть объективно обоснованным, целесообразным, отражающим действительные потребности сторон трудового договора, государства или общества⁹ и не выходить за установленные пределы.

Под воздействием современных политико-экономических вызовов новый оттенок актуальности получила проблема достойного труда и эффективной занятости молодого поколения. Заголовки публикаций в средствах массовой информации пестрят названиями, затрагивающими проблемы дефицита кадров, трудоустройства и качества трудовой жизни молодых работников. В последние годы государством принят ряд документов стратегического планирования

и законодательных новелл, посвященных проблематике труда и занятости молодежи и молодых специалистов. В процессе разработки, обсуждения или уже на стадии рассмотрения в Государственной Думе РФ находится пул других проектируемых правовых положений в этом направлении. В совокупности всё это вместе взятое делает необходимым заново обратиться к научному осмыслению вопроса о дифференциации законодательства о труде и занятости населения в отношении молодежи в целом и молодых специалистов в частности.

В первую очередь отметим, что поскольку ни в ТК РФ, ни в Законе о занятости населения нет дефиниций понятий «молодежь» и «молодые специалисты», постольку в нашем исследовании мы будем исходить из их определений, закрепленных в правовых основах молодежной политики. В частности, в ст. 2 Федерального закона от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»¹⁰ указывается, что молодежь — это социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно (за исключением случаев, предусмотренных частью 3 ст. 6 данного Закона), имеющих гражданство РФ, а молодые специалисты — это граждане РФ в возрасте до 35 лет включительно (за исключением случаев, предусмотренных частью 3 ст. 6), завершившие обучение по основным профессиональным образовательным программам и (или) по программам профессионального обучения, впервые устраивающиеся на работу в соответствии с полученной квалификацией.

Поиск ответа на вопрос об актуальных направлениях дифференциации начнем с исследования положений ТК РФ.

С точки зрения возрастного субъектного основания дифференциации самой известной, масштабной и со всей очевидностью относящейся к молодежи является группа норм, посвященная труду лиц, не достигших возраста 18 лет. С точки зрения трудового законодательства критерий завершенности процесса полу-

⁸ Головина С. Ю. Дифференциация трудового права: пределы необходимости. С. 116.

⁹ Нуртдинова А. Ф., Чиканова Л. А. Указ. соч. С. 71.

¹⁰ СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 28.

чения образования не имеет конститутивного правового значения. Как справедливо отмечается в научной литературе, эти нормы являются воплощением такой цели дифференциации трудового законодательства, как проявление «особой заботы государства о сохранении физического и нравственного здоровья подрастающего поколения»¹¹. Ю. В. Васильева и С. В. Шуралева указывают, что «несовершеннолетние, в особенности дети, стали исторически первой уязвимой возрастной группой в сфере труда»¹². Действительно, недаром в числе ранних законодательных актов о труде в России были Закон от 01.06.1882 «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» и Закон от 03.06.1885 «О воспреещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах»¹³. Отрадно, что по прошествии многих лет современный российский законодатель продолжает отдавать приоритет в правовом регулировании труда несовершеннолетних лиц именно вопросам создания условий для их нормального физического и нравственного развития и получения общего образования. Их ранняя трудовая деятельность не должна мешать этим процессам. Абсолютное большинство положений ТК РФ это наглядно демонстрирует.

При этом хочется надеяться, что возникающие в последние годы политико-экономические вызовы не изменят данный курс, а обусловленные необходимостью государственного реагирования на них новые политико-правовые решения будут гармонично встроены в него. В этой связи критически можно относиться к новеллам ТК РФ о порядке устройства на работу лиц в возрасте 14 лет¹⁴, поскольку они не вполне

вписываются в этот контекст: отказ от получения письменного согласия органов опеки и попечительства лишает компетентный орган возможности оценить поручаемую 14-летнему лицу работу в качестве легкого труда и соответствие иных условий его трудового договора требованиям трудового законодательства и интересам такого работника. Но, если взглянуть на них иначе, в этом можно усмотреть начало формирования государством на законодательном уровне нового подхода к решению проблемы занятости молодежи. Условно его можно обозначить как динамический, когда речь идет о процессе формирования личности молодого специалиста. В психологии учеными предлагается рассматривать профессиональное развитие молодого специалиста как совокупность трех последовательно возникающих этапов: выбор профессии, получение профессионального образования и начало профессиональной деятельности¹⁵. Задумка государства кроется в том, чтобы в трудовом законодательстве, и не только, создать правовые условия для каждого из этих этапов. Как было отмечено несколькими выступающими на заседании Государственного Совета РФ 22 декабря 2022 г., рынок труда нуждается в более активном привлечении лиц в возрасте 14–18 лет путем снятия барьеров, препятствующих трудоустройству подростков. В пояснительной записке к законопроекту № 231551-8 «О внесении изменений в статью 63 Трудового кодекса Российской Федерации» было указано: «Первая работа для подростка — это возможность получить первый трудовой опыт, начать распоряжаться первыми личными доходами, а также профориентация — помощь найти

¹¹ Особенности правового регулирования труда отдельных категорий работников / под ред. Ю. П. Орловского. М. : Контракт, 2014. С. 57.

¹² Васильева Ю. В., Шуралева С. В. Возраст как фактор уязвимости работника в трудовом праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 49. С. 558. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-550-575.

¹³ Головина С. Ю. Кодификация трудового законодательства России // Кодификация российского частного права / под ред. Д. А. Медведева. М. : Статут, 2008. С. 235.

¹⁴ Федеральный закон от 13.06.2023 № 259-ФЗ «О внесении изменений в статью 63 Трудового кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 25. Ст. 4448.

¹⁵ Профессиональное развитие личности: начало пути (эмпирическое исследование) : кол. монография. СПб. : Нестор-История, 2015.

подходящую профессию для его дальнейшего развития и становления как личности»¹⁶. Недаром в законодательство об образовании также внесены изменения в части трудового воспитания обучающихся¹⁷, которые коррелируют с высказанной идеей. Авторы законопроекта указывали, что дополнение перечня обязанностей обучающихся участием в общественно полезном труде будет способствовать формированию правильного отношения к труду, что представляет собой длительный процесс, который имеет отсроченный результат, а потому его необходимо начинать в детстве¹⁸.

Форсирование государством развития молодежной политики наводит на размышления о том, необходимо ли в трудовом законодательстве углублять дифференциацию в отношении молодежи в целом. К слову, в науке трудового права еще в советское время¹⁹ и первое десятилетие после перехода России к рыночной экономике²⁰ было распространено изучение проблематики труда именно молодежи. Не является исключением и современная научная литература²¹. В рамках рассмотрения проблематики правового статуса молодежи в сфере труда и содействия занятости населения изучаются в том числе вопросы труда несовершеннолетних работников и молодых специалистов. Однако думается, что объединение в ТК РФ этих двух разных категорий

молодежи будет неправильным ввиду различий целей дифференцированного отношения к ним. Недаром сам законодатель в прошлом отказался от использования в кодифицированном акте о труде термина «молодежь»²².

Уязвимость на рынке труда молодых специалистов качественно отличается от уязвимости несовершеннолетних работников. В отношении первых акцент смещен: речь идет о том, что полученное ими профессиональное образование (среднее или высшее) должно обеспечивать им возможность не просто реализации свободы труда, а реализации свободы труда по выбранной профессии и практического применения полученных профессиональных компетенций. Проблематика правового положения молодых специалистов в сфере труда сводится к нескольким основным аспектам: с одной стороны, это удовлетворение потребности работодателей в квалифицированной рабочей силе, а с другой — стимулирование работодателей к найму молодых специалистов. Поэтому в отношении них наиболее предпочтительна другая цель дифференциации законодательства — содействие их эффективной занятости по полученной специальности. Тем более что упомянутый ранее динамический подход к пониманию процесса профессионального развития молодых специалистов дает нам о них представление не только в плане

¹⁶ Законопроект № 231551-8 «О внесении изменений в статью 63 Трудового кодекса Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/231551-8> (дата обращения: 14.08.2023).

¹⁷ Федеральный закон от 04.08.2023 № 479-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”» // Российская газета. 2023. № 175.

¹⁸ Законопроект № 365972-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/365972-8> (дата обращения: 14.08.2023).

¹⁹ См., например: *Абрамова А. А.* Юридическая защита трудовых прав молодежи. М. : Знание, 1971 ; *Орловский Ю. П.* Труд молодежи в СССР. М. : Наука, 1974 ; *Шебанова А. И.* Проблемы правового регулирования труда молодежи (молодых рабочих и служащих) в СССР : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1973.

²⁰ См., например: *Владимирова Ю. В.* Значение возраста работника в трудовом праве России : дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2002 ; *Морозов П. Е.* Сравнительный анализ правового регулирования проблем занятости и трудоустройства в РФ и США : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997 ; *Орлова Е. Е.* Правовые гарантии обеспечения занятости граждан, особо нуждающихся в социальной поддержке : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004 ; *Яворчук Н. Н.* Правовое регулирование труда молодежи в Российской Федерации в условиях рыночной экономики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.

²¹ *Васильева Ю. В., Шуралева С. В.* Указ. соч. С. 558.

²² В КЗоТ РСФСР 1971 г. была глава XII «Труд молодежи», а ныне действующий ТК РФ не использует данную терминологию.

получения первоначального опыта работы по полученной квалификации. В этой связи видится, что достижение данной цели дифференциации требует выхода за пределы трудового права, когда оно должно стать только частью дифференцированного подхода в решении вопросов в сфере труда и занятости в отношении молодых специалистов. К тому же, если взглянуть на положения ТК РФ, адресатами которых могут быть молодые специалисты, то мы увидим, что они сформулированы более широко ввиду отсутствия привязки к конкретным возрастным параметрам. Например, положения ст. 71 ТК РФ о запрете установления испытания при приеме на работу применяются вне зависимости от того, сколько лет устраивающемуся на работу выпускнику. Поэтому их изменение повлечет за собой снижение уровня гарантий. Таким образом, считаем нецелесообразным выстраивать в ТК РФ специальное правовое регулирование относительно молодых специалистов. Однако этот тезис не стоит распространять на иные уровни правотворческой практики. Так, в настоящее время дифференцированный подход применяется к молодым специалистам для устранения структурных диспропорций на рынке труда, в связи с чем специальные положения появляются в иных федеральных нормативных правовых актах, а также в региональных нормативных правовых, актах органов местного самоуправления, социально-партнерских соглашениях (чаще всего в отраслевых соглашениях) и локальных нормативных актах. В таком случае субъектное основание дифференциации преимущественно сочетается с объектным (например, отрасль экономики,

территория и иные). В науке трудового права такое явление описывается специалистами как «дифференция трудового законодательства за пределами Трудового кодекса»²³.

Вышеизложенное в совокупности позволяет сделать вывод, что углубление дифференциации в отношении молодежи и молодых специалистов необходимо проводить в рамках законодательства о занятости населения. Именно в таком случае может быть обеспечен комплексный подход к воплощению в жизнь упомянутого ранее динамического подхода, что в последнее время ярко демонстрируется российским государством. Налицо формирование тенденции, когда государство всё более активно начинает подключаться к регулированию вопросов содействия занятости и трудоустройства молодежи, в том числе молодых специалистов. Усиление государственного способа установления прав и обязанностей показывает возрастающий интерес в текущих условиях к решению данных вопросов. Это означает, что такая проблематика всё более начинает переходить с уровня частных интересов в категорию публичных интересов. Так, в 2020 г. был повышен возраст молодежи и молодых специалистов до 35 лет²⁴, в 2021 г. утверждена Долгосрочная программа содействия занятости молодежи на период до 2030 года²⁵, в 2022 г. трудоустройство отдельных категорий молодежи в возрасте до 30 лет стало основанием для получения работодателями государственной поддержки²⁶, в 2023 г. в новой версии Закона о занятости населения предложено урегулировать ряд вопросов относительно молодежи и молодых специалистов²⁷.

²³ Головина С. Ю. Формирование специального законодательства о труде за пределами Трудового кодекса РФ // Общее и специальное законодательство о труде и социальном обеспечении (Четвертые Гусовские чтения) : материалы междунар. науч.-практ. конференции (Москва, 23–24 мая 2018 г.) / под общ. ред. Н. Л. Лютова, Ф. О. Сулеймановой. М. : РГ-Пресс, 2019. С. 133.

²⁴ Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 28.

²⁵ Распоряжение Правительства РФ от 14.12.2021 № 3581-р «Об утверждении Долгосрочной программы содействия занятости молодежи на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2021. № 51. Ст. 8941.

²⁶ Постановление Правительства РФ от 18.03.2022 № 398 «О внесении изменений в постановление Правительства РФ от 13 марта 2021 г. № 362» // СЗ РФ. 2022. № 13. Ст. 2067.

²⁷ Законопроект № 275599-8 «О занятости населения в Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/275599-8> (дата обращения: 14.08.2023).

В настоящее время намечается еще один возможный вариант развития дифференциации законодательства о труде и занятости населения: с июня 2023 г. в Государственной Думе РФ на рассмотрении находится законопроект о дополнении понятийного аппарата Закона о молодежной политике категорией «молодой работник». Согласно предлагаемому определению молодой работник — гражданин РФ в возрасте до 35 лет включительно (за исключением случаев, предусмотренных частью 3 ст. 6 Закона о молодежной политике), вступивший в трудовые отношения с работодателем. Как указывают авторы законопроекта, цель такого нововведения — стимулировать молодых людей к вступлению в трудовые отношения²⁸. Вместе с тем очевидно, что само по себе расширение понятийного аппарата правовых основ молодежной политики не способствует достижению этой цели. В данном случае предполагается использование инструментария других отраслей законодательства, которые будут обеспечивать реализацию данных положений. Поскольку ни в ТК РФ, ни в Законе о занятости населения (как в действующей версии, так и в проектируемой) нет положений, адресованных молодым работникам, постольку потребуются углубление дифференциации содержания указанных источников права. В противном случае данные изменения будут бессмысленными.

Если будет решено, что законодательство о труде и занятости населения должно развиваться по пути дифференциации в отношении молодых работников, то самый первый вопрос, с которым мы столкнемся, касается соотношения этой категории с иными смежными: несовершеннолетние, молодежь и молодые специалисты. Если говорить о молодежи и молодых специалистах, то их соотношение с молодыми работниками в общем понятно: молодые работники — представители молодежи, которые обеспечиваются дополнительными гарантиями в сфере труда и занятости вне зависимости от

факта поступления на работу по полученной квалификации. Однако в качестве недочета в формулировке предлагаемого определения понятия «молодой работник» можно отметить отсутствие указания на нижнюю возрастную границу. Если посмотреть на определение понятия «молодой специалист», то ее отсутствие в нем не является дефектом, потому что, во-первых, момент окончания профессионального образования может быть разным, а во-вторых, и так понятно, что этот момент наступает после исполнения работнику 14 лет. Однако ситуация с понятием «молодой работник» иная: в него не включается признак, каким-либо образом связанный с получением квалификации. Поэтому требуется уточнение нижней возрастной планки. Если устранять такой пробел с помощью системного анализа, то получится, что нижней планкой для молодых работников будет возраст 14 лет, как это определено для молодежи. Однако если обратиться, например, к трудовому законодательству, то такой вариант толкования породит проблему соотношения молодых и несовершеннолетних работников. Думается, что к числу молодых работников не следует относить несовершеннолетних работников. Больше всего эта группа работников похожа на молодых специалистов. Как было указано, разница между ними заключается в том, что для получения преференций молодым работникам не обязательно быть трудоустроенными по полученной специальности. И скорее всего, именно этот вариант толкования имеет в виду законодатель. В правотворческой практике есть примеры, с помощью которых можно проиллюстрировать данный тезис. Так, в разд. VIII Отраслевого соглашения по машиностроительному комплексу Российской Федерации на 2020–2022 годы²⁹ предусмотрены общие гарантии для молодежи, отдельные гарантии для молодых работников и отдельные гарантии для молодых специалистов. Например, согласно п. 8.5.4 работодатель принимает на себя обяза-

²⁸ Законопроект № 387179-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О молодежной политике в Российской Федерации”» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/387179-8> (дата обращения: 14.08.2023).

²⁹ СПС «Гарант».

тельство предоставлять молодым работникам, по согласованию с первичной профсоюзной организацией, преимущественное право направления на учебу в высшие и образовательные учреждения за счет средств организации в соответствии с положениями коллективного договора. Поэтому если законодательно будет принято решение о закреплении в правовых основах понятия «молодой работник», то вслед за этим в законодательстве о труде и занятости населения следует предусмотреть как правила разграничения этой категории работников со смежными, так и дополнительный набор специальных норм, посвященных особенностям их правового статуса в сфере труда и содействия занятости населения, что будет означать продолжение углубления дифференциации по субъектному основанию.

Подводя итог исследованию, отметим следующее. Современные политико-экономические вызовы обостряют проблемы в сфере труда

и содействия занятости молодежи и требуют обновления подхода к их решению. На повестке дня стоит вопрос о необходимости углубления дифференции законодательства о труде и занятости населения. Потенциальными адресатами специальных правовых положений становятся молодежь и молодые специалисты. На уровне ТК РФ прямая дифференциация осуществлена на сегодняшний день только в отношении одной категории, относящейся к молодежи, — несовершеннолетних работников, что обусловлено объективными факторами, которые учитывались российским законодателем с самого начала становления отрасли трудового права. В категории «молодежь» и «молодые специалисты» заложен другой контекст, предполагающий реализацию комплекса мероприятий применительно к каждому этапу профессионального развития молодых кадров. Поэтому в отношении них ведущая роль должна быть отдана законодательству о занятости населения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абрамова А. А.* Юридическая защита трудовых прав молодежи. — М. : Знание, 1971. — 16 с.
2. *Белоусов С. А.* Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Саратов, 2015. — 62 с.
3. *Васильева Ю. В., Шуралева С. В.* Возраст как фактор уязвимости работника в трудовом праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2020. — Вып. 49. — С. 550–575. — DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-550-575.
4. *Владимирова Ю. В.* Значение возраста работника в трудовом праве России : дис. ... канд. юрид. наук. — Пермь, 2002. — 202 с.
5. *Головина С. Ю.* Дифференциация трудового права: пределы необходимости // Трудовое право: национальное и международное измерение : монография. Т. 2 : Трансформация трудовых отношений и проблемы отдельных институтов трудового права. Нетипичная занятость / под ред. С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. — М. : Норма, 2022. — С. 112–149.
6. *Головина С. Ю.* Кодификация трудового законодательства России // Кодификация российского частного права / под ред. Д. А. Медведева. — М. : Статут, 2008. — С. 234–266.
7. *Головина С. Ю.* Трансформация трудового права в эпоху глобальных политико-экономических вызовов современности // Трудовое право в России и за рубежом. — 2022. — № 3. — С. 2–5. — DOI: 10.18572/2221-3295-2023-3-2-5.
8. *Головина С. Ю.* Формирование специального законодательства о труде за пределами Трудового кодекса РФ // Общее и специальное законодательство о труде и социальном обеспечении (Четвертые Гусовские чтения) : материалы международной научно-практической конференции (Москва, 23–24 мая 2018 г.) / под общ. ред. Н. Л. Лютова, Ф. О. Сулеймановой. — М. : РГ-Пресс, 2019. — С. 133–141.
9. *Морозов П. Е.* Сравнительный анализ правового регулирования проблем занятости и трудоустройства в РФ и США : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1997. — 163 с.

10. Нуртдинова А. Ф., Чиканова Л. А. Дифференциация регулирования трудовых отношений как закономерность развития трудового права // Журнал российского права. — 2015. — № 6. — С. 68–82. — DOI: 10.12737/11430.
11. Орлова Е. Е. Правовые гарантии обеспечения занятости граждан, особо нуждающихся в социальной поддержке : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2004. — 206 с.
12. Орловский Ю. П. Труд молодежи в СССР. — М. : Наука, 1974. — 256 с.
13. Особенности правового регулирования труда отдельных категорий работников / под ред. Ю. П. Орловского. — М. : Контракт, 2014. — 304 с.
14. Профессиональное развитие личности: начало пути (эмпирическое исследование) : кол. монография. — СПб. : Нестор-История, 2015. — 336 с.
15. Тучкова Э. Г. К вопросу об углублении субъектной дифференциации в правовом регулировании наемного труда // Трудовое право в России и за рубежом. — 2019. — № 4. — С. 4–7.
16. Шебанова А. И. Проблемы правового регулирования труда молодежи (молодых рабочих и служащих) в СССР : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1973. — 36 с.
17. Яворчук Н. Н. Правовое регулирование труда молодежи в Российской Федерации в условиях рыночной экономики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2005. — 28 с.

Материал поступил в редакцию 15 августа 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Abramova A. A. Yuridicheskaya zashchita trudovykh prav molodezhi. — M.: Znanie, 1971. — 16 s.
2. Belousov S. A. Zakonodatelnyy disbalans (doktrina, teoriya, praktika): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — Saratov, 2015. — 62 s.
3. Vasileva Yu. V., Shuraleva S. V. Vozrast kak faktor uyazvimosti rabotnika v trudovom prave // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2020. — Vyp. 49. — S. 550–575. — DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-550-575.
4. Vladimirova Yu. V. Znachenie vozrasta rabotnika v trudovom prave Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk. — Perm, 2002. — 202 s.
5. Golovina S. Yu. Differentsiatsiya trudovogo prava: predely neobkhodimosti // Trudovoe pravo: natsionalnoe i mezhdunarodnoe izmerenie: monografiya. T. 2: Transformatsiya trudovykh otnosheniy i problemy otdelnykh institutov trudovogo prava. Netipichnaya zanyatost / pod red. S. Yu. Golovinoy, N. L. Lyutova. — M.: Norma, 2022. — S. 112–149.
6. Golovina S. Yu. Kodifikatsiya trudovogo zakonodatelstva Rossii // Kodifikatsiya rossiyskogo chastnogo prava / pod red. D. A. Medvedeva. — M.: Statut, 2008. — S. 234–266.
7. Golovina S. Yu. Transformatsiya trudovogo prava v epokhu globalnykh politiko-ekonomicheskikh vyzovov sovremennosti // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. — 2022. — № 3. — S. 2–5. — DOI: 10.18572/2221-3295-2023-3-2-5.
8. Golovina S. Yu. Formirovanie spetsialnogo zakonodatelstva o trude za predelami Trudovogo kodeksa RF // Obshchee i spetsialnoe zakonodatelstvo o trude i sotsialnom obespechenii (Chetvertye Gusovskie chteniya): materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 23–24 maya 2018 g.) / pod obshch. red. N. L. Lyutova, F. O. Suleymanovoy. — M.: RG-Press, 2019. — S. 133–141.
9. Morozov P. E. Sravnitelnyy analiz pravovogo regulirovaniya problem zanyatosti i trudoustroystva v RF i SShA: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 1997. — 163 s.
10. Nurtidinova A. F., Chikanova L. A. Differentsiatsiya regulirovaniya trudovykh otnosheniy kak zakonomernost razvitiya trudovogo prava // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2015. — № 6. — S. 68–82. — DOI: 10.12737/11430.

11. Orlova E. E. Pravovye garantii obespecheniya zanyatosti grazhdan, osobo nuzhdayushchikhsya v sotsialnoy podderzhke: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2004. — 206 s.
12. Orlovskiy Yu. P. Trud molodezhi v SSSR. — M.: Nauka, 1974. — 256 s.
13. Osobennosti pravovogo regulirovaniya truda otdelnykh kategoriy rabotnikov / pod red. Yu. P. Orlovskogo. — M.: Kontrakt, 2014. — 304 s.
14. Professionalnoe razvitie lichnosti: nachalo puti (empiricheskoe issledovanie): kol. monografiya. — SPb.: Nestor-Istoriya, 2015. — 336 s.
15. Tuchkova E. G. K voprosu ob uglublenii subektnoy differentsiatsii v pravovom regulirovanii naemnogo truda // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. — 2019. — № 4. — S. 4–7.
16. Shebanova A. I. Problemy pravovogo regulirovaniya truda molodezhi (molodykh rabochikh i sluzhashchikh) v SSSR: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 1973. — 36 s.
17. Yavorchuk N. N. Pravovoe regulirovanie truda molodezhi v Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh rynochnoy ekonomiki: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — SPb., 2005. — 28 s.

Сетевые образовательные программы: эволюция формирования регуляторного подхода и вопросы практической реализации сетевой формы сотрудничества

Аннотация. В статье проведен анализ развития регулирования реализации сетевых форм взаимодействия в системе высшего образования. Показаны основные изменения регуляторных требований — от диспозитивного регулирования к установлению приоритета императивных правил. Определено значение сетевизации как формы сотрудничества и восполнения дефицита ресурсов в системе высшего образования. Обоснована значимость диспозитивного подхода к регулированию сетевых образовательных программ. Предложено более широкое понимание сетевых форм взаимодействия, за рамками реализации образовательных программ, например в части создания сетевых научных лабораторий. В работе определены основные проблемы применения новых методических рекомендаций к построению финансовой модели сетевых образовательных программ. Обосновано, что закрепленные в обновленных методических рекомендациях и инструкциях финансовые механизмы взаиморасчетов между участниками реализации сетевого формата образовательного проекта приводят к большему единообразию в деятельности университетов, но снижают возможность использования инициативных способов построения финансовых расчетов между участниками сетевых проектов. Предусмотрена необходимость детализации положения инструктивных документов об «иных способах, предусмотренных законодательством». Представлено авторское видение применения правовой конструкции договора о совместной деятельности к отношениям по сетевому взаимодействию в сфере образования и науки. Статья основана на анализе результатов реализации Программы развития Псковского государственного университета и построении модели сетевого университета.

Ключевые слова: образовательные организации; правовое регулирование; сетевой университет; программа «Приоритет-2030»; диспозитивные и императивные требования; сетевая форма реализации образователь-

---

© Ильина Н. А., Серова О. А., 2024

* Ильина Наталья Анатольевна, ректор Псковского государственного университета, доктор биологических наук, профессор

Ленина пл., д. 2, г. Псков, Россия, 180000
n-ilina@mail.ru

** Серова Ольга Александровна, первый проректор, профессор кафедры гражданского права и процесса Псковского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Ленина пл., д. 2, г. Псков, Россия, 180000
olgaserova1974@mail.ru

ных программ; сетевые научные лаборатории; финансовая модель организации сетевого взаимодействия; соглашение о сотрудничестве; совместная деятельность; договор простого товарищества.

Для цитирования: Ильина Н. А., Серова О. А. Сетевые образовательные программы: эволюция формирования регуляторного подхода и вопросы практической реализации сетевой формы сотрудничества // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 5. — С. 72–83. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.072-083.

Network Educational Programs: The Evolution of the Regulatory Approach and Issues of Practical Implementation of the Network Cooperation

Natalia A. Ilyina, Rector, Pskov State University, Dr. Sci. (Biology), Professor, Pskov, Russian Federation
n-ilina@mail.ru

Olga A. Serova, First Vice-Rector, Professor, Department of Civil Law and Procedure, Pskov State University, Dr. Sci. (Law), Pskov, Russian Federation
olgaserova1974@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the development of regulation of network forms of interaction in the higher education system. The authors describe the main changes in regulatory requirements from dispositive regulation to the establishment of the priority of imperative rules. The paper defines the importance of networking as a form of cooperation and filling the shortage of resources in the higher education system. The importance of a dispositive approach to the regulation of online educational programs is substantiated. The authors propose a broader understanding of network forms of interaction beyond the implementation of educational programs, for example, in terms of creating network scientific laboratories. The paper identifies the main problems of applying new methodological recommendations to the construction of a financial model of network educational programs. It is proved that the financial mechanisms of reciprocal offsets between participants of a network educational project, fixed in the updated methodological recommendations and instructions, lead to greater uniformity in the activities of universities, but reduce the possibility of using proactive methods of building financial reciprocal offsets between network projects' participants. It is necessary to detail the provisions of the instructional documents on «other methods provided for by law.» The authors provide their vision of the application of the legal structure of the agreement on joint activities to relations arising under network interaction in the field of education and science. The paper is based on the analysis of the results of Pskov State University Development Program and the construction of a network university model.

Keywords: educational organizations; legal regulation; network university; Priority-2030 program; transparent and imperative requirements; network form of educational programs implementation; network scientific laboratories; financial model of networking; cooperation agreement; joint activities; simple partnership agreement.

Cite as: Ilyina NA, Serova OA. Network Educational Programs: The Evolution of the Regulatory Approach and Issues of Practical Implementation of the Network Cooperation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(5):72-83. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.072-083

Введение

Понятие сетевой формы реализации образовательных программ содержится в ч. 1 ст. 13 и в ст. 15 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ¹ (далее —

Закон об образовании). Действующая редакция ст. 15 Закона об образовании не дает четкого определения данного понятия, а лишь раскрывает функциональные возможности применения сетевой формы реализации образовательных программ. Сетевая форма реализации образо-

вательной программы подразумевает под собой возможность освоения обучающимся образовательной программы и (или) отдельных учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), практики, иных компонентов образовательных программ с использованием ресурсов нескольких организаций. Таким образом, закреплены две основные возможности — реализация обучающимся права на «индивидуальную сборку» образовательной программы и использование ресурсов нескольких организаций, не только той образовательной организации, куда он зачислен.

Отсутствие легального определения и широкая трактовка на уровне Закона об образовании сетевой формы реализации образовательных программ привели к размыванию границ между сетевыми и несетевыми программами². Под сетевыми образовательными программами нередко подразумевается любое взаимодействие между университетами, связанное с совместной деятельностью по реализации образовательной программы, ее подготовке, академическому обмену, обсуждению и проведению научных, молодежных мероприятий

и пр. Вузы, активно использующие сетевой формат работы, как правило, не испытывали затруднений в определении его содержания. Затруднения были вызваны отсутствием четких критериев оценки сетевого взаимодействия у экспертов и проверяющих. Аналогичные проблемы испытывали вузы, желающие присоединиться к сетевым формам реализации образовательных программ или научным проектам, так как отсутствие легально закрепленных рамок сети становилось преградой для эффективного взаимодействия, в том числе по причине отсутствия необходимого опыта у специалистов образовательных организаций.

Важно отметить, что статья 15 Закона об образовании связывает сетевую форму исключительно с образовательными программами. Но в настоящее время сетевая форма активно используется в системе образования и в иных направлениях. Введено общее понятие сетевого университета³. Кроме того, сетевая форма применяется и в отношении отдельных форм организации научно-исследовательской деятельности в вузе⁴. Тем не менее введенное на

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 19.12.2023) // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

² Чичерина Н. В., Бугаенко О. Д. Модели основных образовательных программ высшего образования, реализуемых в сетевой форме // Высшее образование в России. 2016. № 10. С. 25.
См. также: Ефимова Е. М., Ефимов Д. О. Методологические основы проектирования гибких образовательных программ в сетевом формате // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2021. Т. 12. № 3. С. 87–96.

³ Понятие «сетевой университет» не имеет общепринятого определения и используется для обозначения довольно различных по формату объединений и институций. См.: Мост в Африку: создан Российско-Африканский сетевой университет // URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/38986/> (дата обращения: 28.11.2023) ; Сетевой университет Содружества Независимых Государств // URL: <https://ecis.info/cooperation/3063/78389/> (дата обращения: 28.11.2023) ; Сетевой университет БРИКС // URL: <https://unibrics.ru/ob-universitete/> (дата обращения: 29.11.2023) ; Юрьев В. М., Налетова И. В. Сетевой университет как модель современных взаимодействий региональных университетов // Вестник Тамбовского государственного университета. 2014. Вып. 3. С. 7–15 ; Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Университеты, которые могут изменить макрорегион // Россия реформирующаяся. 2022. № 21. С. 373–392 ; Краснова Г. А., Тесленко В. А. Анализ основных моделей сетевого взаимодействия образовательных организаций // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21. № 4. С. 30–40.

⁴ Сетевые научные лаборатории обладают существенной спецификой, что не нашло должного закрепления на нормативном уровне и в настоящее время рассматривается в контексте изучения лучших практик сетевого взаимодействия в университетах. См.: Артюшина А. В. Сетевые взаимодействия в условиях конкуренции за ресурсы на примере молекулярно-биологических лабораторий в России и США : дис. ...

уровне закона ограничение сферы использования термина «сетевая форма» только областью образовательных программ приводит к формализации отношений и создает существенные ограничения в применении на практике вариативных моделей сетевых форм взаимодействия в системе высшего образования.

Анализ развития нормативных требований и практики применения сетевой формы реализации образовательных программ в образовательных организациях высшего образования

Первые рекомендации от регулятора в части внедрения практики сетевой формы образовательной деятельности были приняты в 2015 г.⁵ (далее — Методические рекомендации 2015 г.).

Было дано определение понятия «сетевая форма реализации образовательной программы» — *организация обучения с использованием ресурсов нескольких организаций, осуществления образовательной деятельности, в том числе иностранных, а также, при необходимости, с использованием ресурсов иных организаций.*

Важно отметить, что статья 13 Закона об образовании не содержит такого определения. Статья 13 Закона конкретизирует:

- возможность освоения при сетевой форме различных элементов образовательной программы с использованием ресурсов нескольких организаций;
- требование о заключении договора для внедрения сетевой образовательной программы;
- необходимость принятия федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации

государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере высшего образования, порядка организации и осуществления образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ и формы договора о сетевой форме реализации образовательных программ;

— распространение на сетевую форму реализации образовательной программы общего правила о приоритете безвозмездного характера использования имущества государственных и муниципальных организаций, осуществляющих образовательную деятельность, финансовое обеспечение деятельности которых осуществляется за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъекта Российской Федерации и (или) местных бюджетов.

Попытка формирования легального определения сетевой формы реализации образовательной программы имела важное значение, так как была призвана установить смысловые и логические границы понимания сущности сетевых образовательных программ. В вузах Российской Федерации к этому времени уже были апробированы разнообразные модели внедрения сетевых форм реализации образовательных программ. При этом отсутствовало необходимое нормативное, организационное, методическое сопровождение организации сетевого взаимодействия⁶.

Методические рекомендации 2015 г. содержали еще один важный элемент в формировании единого понимания механизма реализации сетевых образовательных программ: они позволяли определить цели и задачи применения сетевой формы и ее преимуществ в сравнении с традиционным подходом к образовательному процессу.

Методические рекомендации 2015 г. связывали сетевую форму реализации образова-

---

канд. социол. наук. М., 2014 ; Васильева М. В., Фролов В. В. Современные технологии моделирования сетевых научных лабораторий в российских университетах и исследовательских институтах : аналитико-методологический доклад. Красноярск, 2022.

⁵ Методические рекомендации по организации образовательной деятельности с использованием сетевых форм реализации образовательных программ: приложение к письму Минобрнауки России от 28.08.2015 № АК-2563/05 // Вестник образования. 2015. № 20.

⁶ Тепляшина Е. А., Петрова М. М., Салмина А. Б., Развина О. С. Опыт сетевой формы реализации образовательных программ в аспирантуре // Образование и наука. 2017. Т. 19. № 4. С. 126. № 3 (35).

тельных программ со следующими элементами качественного улучшения системы высшего образования:

- аккумулярование лучшего опыта ведущих зарубежных и российских образовательных организаций;

- освоение компетенций обучающимися за пределами своей организации, в том числе развитие способностей к адаптации к иной образовательной среде, традициям и педагогическим новациям профессиональной среды;

- возможность реализации обучающимся осознанного выбора образовательной траектории на основе получения информации об имеющихся у партнеров сетевого взаимодействия образовательных и иных ресурсах;

- внедрение передовых образовательных программ, нацеленных на стыковку различных направлений науки и техники (выход за предметную область одного образовательного стандарта).

В 2015 г. у Минобрнауки России отсутствовали полномочия по нормативному правовому регулированию разработки и реализации образовательных программ в сетевой форме и установлению особенностей таких программ. Методические рекомендации 2015 г. указывали на необходимость отдельного регулирования на уровне образовательной организации в части определения порядка совместной разработки и утверждения образовательной программы и заключения договора. В договоре необходимо было отразить три группы требований к сетевой форме реализации образовательной программы:

- 1) организация образовательного процесса;
- 2) материально-техническая база;
- 3) способ реализации сетевого взаимодействия.

Таким образом, Методические рекомендации 2015 г. определяли общие условия организации сетевой формы реализации образовательных программ, описывали разные модели сетевого взаимодействия и примерную форму

договора. Рекомендательный характер данного документа предоставлял широкий выбор для образовательных организаций в части установления конкретных способов сетевого взаимодействия. Этой свободой воспользовались ведущие отечественные университеты. Однако отсутствие нормативного регулирования давало и обратный эффект: значительная часть вузов не была готова к использованию сетевой формы из-за отсутствия достаточных организационно-управленческих и методических компетенций, отсутствия перспектив легализации сетевых программ при их государственной аккредитации.

В настоящее время Методические рекомендации 2015 г. не подлежат применению.

Первым документом, установившим нормативные требования Минобрнауки России к организации сетевой формы реализации образовательных программ, стал совместный приказ Минобрнауки России № 882 и Министерства просвещения РФ от 05.08.2020 № 391 «Об организации и осуществлении образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ»⁷ (далее — Приказ № 882/391).

Приказ № 882/391 также не дал собственного определения понятия сетевой формы реализации образовательных программ. Были установлены ключевые признаки сетевой формы:

- возможность освоения отдельных элементов образовательной программы различного вида, уровня и (или) направленности;
- использование ресурсов нескольких организаций;
- освоение компетенций, отнесенных к одной или нескольким профессиям.

Нововведением стало закрепление правового положения сторон договора о сетевой форме реализации образовательных программ:

- 1) базовая организация — организация, в которую принят обучающийся и которая несет ответственность за реализацию сетевых образовательных программ;

⁷ Приказ Минобрнауки России № 882, Минпросвещения России № 391 от 05.08.2020 «Об организации и осуществлении образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ» (ред. от 22.02.2023) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 11.09.2020.

2) организация-участник — организация, принимающая участие в реализации сетевых образовательных программ, обладающая ресурсами для осуществления образовательной деятельности по сетевым образовательным программам.

Указанное нововведение в части уточнения правового положения сторон договора о сетевой форме реализации образовательных программ появилось в 2023 г.⁸ Определено понятие *организации-участника* как организации, принимающей участие в реализации сетевой образовательной программы, осуществляющей образовательную деятельность (образовательная организация-участник), и *организации, обладающей ресурсами*, как научной организации, медицинской организации, организации культуры, физкультурно-спортивной или иной организации, обладающей ресурсами для осуществления образовательной деятельности по сетевой образовательной программе.

Устанавливаемые модели сетевого взаимодействия, несмотря на некоторые уточнения, ориентированы на сетевые образовательные программы между образовательными организациями. По мнению ведущих экспертов, «ситуация сетевого взаимодействия вузов с научными организациями остается настолько же нормативно не детализированной, насколько и с любой иной компанией»⁹. Причина такого утверждения кроется не столько в Приказе № 882/391 или форме предложенного вузам договора. Проблема связана с пониманием обязательности требований Приказа № 882/391. Если принять эти положения в качестве рекомендуемых, то остается необходимое поле для вариативного подхода к формулированию условий договора сетевого взаимодействия. При толковании норм Приказа № 882/391 как обязательных для уни-

верситетов (такой вариант достаточно широко распространен) возможности отражения в тексте соглашения с научной организацией, а главное, с индустриальным партнером существенно ограничиваются. Вузы испытывают значительные проблемы в подготовке договоров, которые учитывали бы индивидуальные настройки планируемого сетевого взаимодействия с индустрией.

Изменения в Приказе № 882/391 в 2022 г. были связаны и с уточнением финансовой модели реализации сетевой формы образовательных программ, в том числе путем внесения уточнений в форму договора. В частности, в п. 15 установлено, что финансовое обеспечение реализации сетевой образовательной программы осуществляется путем возмещения затрат на реализацию части сетевой образовательной программы в соответствии с перечнем затрат организации-участника на реализацию части образовательной программы, приведенным в приложении № 1 к примерной форме договора о сетевой форме реализации образовательных программ, утвержденной данным приказом, или иными способами в соответствии с законодательством Российской Федерации. С одной стороны, требования в части определения перечня затрат не являются строго императивными. Организации вправе установить и иные затраты. Но фактически вузы ориентируются именно на данную норму. На практике это привело к повышению затрат участников сетевого взаимодействия. До 2022 г. часть затрат могла покрываться нефинансовыми расчетами между партнерами по сетевому взаимодействию. При возмездном характере отношений между партнерами использовалась конструкция договора возмездного оказания услуг. С 2022 г. исключено возмездное оказание услуг как основная

⁸ Приказ Минобрнауки России № 197, Минпросвещения России № 129 от 22.02.2023 «О внесении изменения в пункт 4 Порядка организации и осуществления образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ, утвержденного приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Министерства просвещения Российской Федерации от 05.08.2020 № 882/391 “Об организации и осуществлении образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ”» // URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 31.03.2023.

⁹ Шевелева Н. А., Васильев И. А. Сетевая форма реализации университетами образовательных программ: появилась определенность? // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 4. С. 126.

форма реализации, хотя это довольно расплывчатая формулировка.

Финансовая модель организации сетевого взаимодействия при реализации образовательных программ стала в последние годы одним из существенных вопросов практического применения сетевых программ в вузах. Стоит отметить, что часть университетов, реализующих сетевые проекты, смогли выработать надлежащую практику совместной деятельности на уровне соглашений. Однако значительная часть вузов, приступивших к разработке и реализации сетевых образовательных программ фактически с момента декларации условий программы академического стратегического лидерства «Приоритет-2030», столкнулись с существенными затруднениями ввиду отсутствия четких рекомендаций. Этим обстоятельством объяснялся запрос к регулятору. Ответом стали Методические рекомендации по применению механизмов финансового обеспечения реализации образовательных программ в сетевой форме, утв. Рабочей группой Минобрнауки России по разработке и реализации проекта по внедрению академической мобильности и апробации механизмов финансового обеспечения (протокол от 25.05.2023 № 18-пр/36)¹⁰.

Данные Методические рекомендации ориентированы на два вида сетевой формы реализации образовательных программ:

- 1) совместная реализация образовательных программ;
- 2) реализация образовательной программы с участием организаций, обладающих ресурсами.

Соответственно, в зависимости от вида устанавливаются и различные механизмы финансирования. При этом общие требования Приказа № 882/391 сохраняются.

При анализе особенностей регулирования порядка реализации сетевых образовательных

программ нельзя обойти вниманием письмо Минобрнауки России от 16.11.2022 № МН-5/35513 «О направлении разъяснений»¹¹. В нем собраны рекомендации по вопросам, которые обсуждались в ходе методических вебинаров в октябре 2022 г. Однако они выдержаны в общей логике ранее изученных документов.

Предложенные финансовые механизмы взаиморасчетов между участниками реализации сетевой формы образовательной программы не учитывают разнообразие уже существующих вариантов сетевых программ и проектов, подключения нескольких организаций одновременно, что связано в том числе с проблемами выстраивания финансовой модели в логике «иных способов, предусмотренных законодательством».

Подводя итог, можно отметить, что регулирование порядка реализации сетевой формы образовательных программ приобретает все большую детализацию. Уменьшается автономия вузов по проектированию форматов сетевого взаимодействия, не предусмотренных моделями сетевых образовательных программ. Так, установленная Приказом № 882/391 форма договора о сетевой форме реализации образовательной программы является примерной, однако регулятор считает, что все условия примерной формы должны быть включены в договор (письмо Минобрнауки России от 16.11.2022 № МН-5/35513 «О направлении разъяснений»). Складывается довольно противоречивая ситуация. С одной стороны, был очевидный запрос на детализацию регулирования со стороны вузовского сообщества. С другой стороны, сужается возможность участников сетевого взаимодействия выстроить нетипичные взаимоотношения и формат реализации планируемого образовательного результата. Одной из причин сложившейся ситуации является отсутствие четкого определения правовой

¹⁰ URL: <https://fgosvo.ru>.

¹¹ СПС «КонсультантПлюс».

природы отношений между участниками сетевого взаимодействия.

Проблемы определения правовой природы договора о сетевой форме реализации образовательной программы

Отсутствие в законе четкого определения правовой природы договора, используемого при реализации сетевого взаимодействия, привело к различным трактовкам и, соответственно, к формированию нескольких вариантов механизма регулирования сетевой реализации образовательных программ.

Следует согласиться с позицией экспертов о том, что современное регулирование договора о сетевой форме реализации образовательной программы позволяет сделать вывод о его административно-правовой природе¹². Для некоторой унификации деятельности субъектов в сфере образования административно-правовая природа договора действительно позволяет ввести гарантии качества организации образовательной деятельности. При этом возможности для инициативного развития новых образовательных форматов снижаются.

Специалисты высказываются о наличии существенной специфики правоотношений сторон договора, где субъектами выступают только образовательные организации, и договора с иным субъектным составом¹³. В первом случае правоотношения характеризуются «юридическим равенством сторон, специальной правосубъектностью и императивными пределами имущественной обособленности»; договор является смешанным ввиду определения существенных условий такового законодательством об образовании (административно-правовой характер).

Что же касается возникновения имущественных отношений между сторонами, то в соответствии с ч. 4 ст. 15 Закона «Об образовании в Российской Федерации», использование имущества осуществляется на безвозмездной основе¹⁴. Сетевые договоры с участием промышленных предприятий или научных организаций рассматриваются как более сложные по структуре, где взаимоотношения сторон по передаче имущества, совместному использованию полученных результатов деятельности не регламентированы предложенной регулятором формой, равно как отсутствуют иные положения, связанные с ответственностью сторон за ненадлежащее исполнение обязательств, с порядком возмещения убытков, условиями изменения и расторжения договора¹⁵. При этом сторонние организации, участвуя в реализации сетевой образовательной программы, заинтересованы не только в подготовке кадров, но и в более содержательном научно-образовательном участии, требующем юридического закрепления.

Описываемое сетевое взаимодействие основывается на принципах, которые в значительной степени характеризуют иной тип регулирования общественных отношений — гражданско-правовой (противоположный административно-правовому типу договора). Эксперты указывают на сущность сетевого формата, который «не является модернизированным вариантом традиционных форм обучения, а предполагает тотальную образовательную метаморфозу с совершенно новой инфраструктурой, специфическим содержанием, особым учебно-методическим обеспечением и подготовленными специально для работы в сети кадрами»¹⁶. Что же касается сложившейся системы регулирования, то здесь отмечается, что «жесткая регламентация противоречит имеющейся практике и рекомендациям

¹² Шевелева Н. А., Васильев И. А. Указ. соч. С. 124–135.

¹³ Кононова Е. Н. Соглашение (договор) о реализации сетевых образовательных программ как правовая форма закрепления договоренностей участников процесса подготовки кадров // Право и государство: теория и практика. 2022. № 5. С. 35.

¹⁴ Кононова Е. Н. Указ. соч. С. 35.

¹⁵ Кононова Е. Н. Указ. соч. С. 36.

¹⁶ Макаренко С. Н. Сетевая форма реализации образовательных программ // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 2. С. 8.

зарубежных образовательных организаций — успешно реализующие сетевые программы различных уровней интеграции, где не всегда предусмотрена полная интеграция и синхронизация учебных планов»¹⁷. Соответственно, можно предположить, что новые форматы сетевых партнерств в сфере образования, особенно в части интеграции с наукой и производством, будут развиваться в иной правовой модели. Анализ лучших практик свидетельствует о применении конструкции договора простого товарищества. Отчасти это связано и с попыткой закрепления типовой формы для консорциума в отношении научно-образовательных партнерств. Но и в части сетевых образовательных программ, если «обязательными атрибутами сетевой формы являются: объективный характер связей сетевых акторов, единство целей и ценностей, принципиально равноправное партнерство и отсутствие единого центра среди участников сети»¹⁸, требуется юридическая конструкция, соответствующая данным требованиям.

Совместная деятельность участников сетевого взаимодействия в полной мере соответствует сложной юридической квалификации аналогичного признака в договоре простого товарищества¹⁹. Глава 55 Гражданского кодекса РФ устанавливает требования к договору простого товарищества (договора о совместной деятельности). По договору о совместной деятельности двое или несколько лиц (товарищей) обязуются соединить свои вклады и совместно действовать без образования юридического лица для извлечения прибыли или достижения иной не противоречащей закону цели. В сфере образования простое товарищество не должно иметь цели деятельности, связанные с осуществлени-

ем предпринимательской деятельности. Соответственно, круг возможных субъектов может быть ограничен только целями партнерства. Согласно ст. 1042 ГК РФ вкладом товарища признается всё то, что он вносит в общее дело, в том числе деньги, иное имущество, профессиональные и иные знания, навыки и умения, а также деловая репутация и деловые связи. При этом вопросы ответственности также урегулированы исходя из вклада товарища в общее дело, а не возлагаются только на базовую организацию.

Специалисты в сфере образования отмечают, что «совместная деятельность объективно имеет многоцелевой характер, что обусловлено ее внутри- и межсистемными связями, <...> свидетельствует о взаимопроникновении и взаимообогащении индивидуальной и совместной деятельности и о взаимодействии индивидуально- и социально-нормативных условий совместного образовательного процесса»²⁰. Сетевое взаимодействие предполагает самую широкую линейку типов взаимосвязей, которые не ограничиваются исключительно восполнением недостающих ресурсов. Более того, опыт реализации сетевых образовательных программ доказывает, что и в дихотомии — ведущий вуз и региональный университет — совместная деятельность может быть построена на паритетных началах, исключающих приоритизацию положения ведущего вуза.

Правовую природу договора о совместной деятельности отдельные исследователи неслучайно рассматривают с позиции близости к актам корпоративной природы, выделяя в качестве отличительной особенности таких соглашений возможность внесения вклада в товарищество любых, в том числе и неимуще-

См. также: Дюжакова М. В., Резанович И. В. Совместная деятельность вуза и базовой организации по проектированию индивидуальных образовательных маршрутов студентов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Проблемы высшего образования». 2023. № 3. С. 101–105.

¹⁷ Чичерина Н. В., Бугаенко О. Д. Модели основных образовательных программ высшего образования, реализуемых в сетевой форме // Высшее образование в России. 2016. № 10. С. 26.

¹⁸ Макаренко С. Н. Указ. соч. С. 8.

¹⁹ Мареев Ю. Л. Непростое простое товарищество // Законность и правопорядок. 2022. № 1. С. 32.

²⁰ Махновец С. Н., Махновец Л. А. Совместная деятельность как системообразующий фактор инклюзивного образования // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Педагогика и психология». 2022. № 1. С. 167.

ственных, благ, не поддающихся какой-либо оценке²¹. Подобные характеристики могут быть применимы и в отношении отдельных типов сетевого взаимодействия вузов.

Эффекты реализации сетевого взаимодействия относятся к удовлетворению интересов широкого круга лиц, не являющихся участниками соглашения.

Можно выделить такие эффекты, разделив их по следующим целевым группам:

а) для обучающихся:

- удовлетворение индивидуальных запросов в образовании;
- обеспечение вариативности образования;
- получение дополнительной квалификации;
- повышение мотивации и степени удовлетворенности качеством образования;

б) для организаций — участников сетевого взаимодействия:

- кооперация инфраструктурных, материально-технических, кадровых и интеллектуальных ресурсов;
- повышение конкурентоспособности;
- укрепление стратегического партнерства с другими регионами;
- возможность реализации инновационной образовательной программы, сочетающей в себе образовательные и исследовательские возможности отдельных образовательных организаций;

— интенсивное взаимодействие учреждений образования, науки и производства.

Данное деление проведено нами достаточно условно. Круг стейкхолдеров реализации сетевых форм образовательной деятельности не ограничивается только сторонами договора и обречающимися. В него включены родители, работодатели, региональная власть и пр. Например, сетевые образовательные программы рассматриваются и через призму эффективного взаимодействия субъектов межотраслевой интеграции, где необходимо иметь высокое качество бизнес-среды²².

Детальный анализ приведенных эффектов позволяет сделать вывод о большей дифференциации моделей сетевого взаимодействия, чем это определяется установленными правилами. Кроме того, неслучайно отдельные исследователи отмечают сложную структуру сетевой образовательной среды, которая основывается на концептах, выходящих за рамки образовательной программы. Такими концептами являются управление, коммуникации, обмен явными и скрытыми знаниями, выстраивание новых междисциплинарных и межкультурных связей²³. Подобные элементы также могут быть выделены для корпоративной среды университета как социальной корпорации, но не могут являться условиями реализации отдельной договорной модели.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Артюшина А. В. Сетевые взаимодействия в условиях конкуренции за ресурсы на примере молекулярно-биологических лабораторий в России и США : дис. ... канд. социол. наук. — М., 2014. — 227 с.
2. Васильева М. В., Фролов В. В. Современные технологии моделирования сетевых научных лабораторий в российских университетах и исследовательских институтах : аналитико-методологический доклад. — Красноярск, 2022. — 84 с.
3. Дюжакова М. В., Резанович И. В. Совместная деятельность вуза и базовой организации по проектированию индивидуальных образовательных маршрутов студентов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Проблемы высшего образования». — 2023. — № 3. — С. 101–105.

²¹ Мареев Ю. Л. Указ. соч. С. 30–31.

²² Крикунов К. Н. Теоретико-методологические предпосылки проектирования сетевых образовательных программ // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». 2013. Т. 5. № 4. С. 19.

²³ Никитин М. В., Фильчаков Ю. А. Разработка сетевой образовательной программы СПО: модели и механизмы // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. С. 28.

4. Ефимова Е. М., Ефимов Д. О. Методологические основы проектирования гибких образовательных программ в сетевом формате // Вестник Майкопского государственного технологического университета. — 2021. — Т. 12. — № 3. — С. 87–96. — URL: <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2021-13-3-87-96>.
5. Кононова Е. Н. Соглашение (договор) о реализации сетевых образовательных программ как правовая форма закрепления договоренностей участников процесса подготовки кадров // Право и государство: теория и практика. — 2022. — № 5. — С. 33–36. — DOI: 10.47643/1815-1337_2022_5_33.
6. Краснова Г. А., Тесленко В. А. Анализ основных моделей сетевого взаимодействия образовательных организаций // Университетское управление: практика и анализ. — 2017. — Т. 21. — № 4. — С. 30–40. — DOI: 10.15826/umpra.2017.04.047.
7. Крикунов К. Н. Теоретико-методологические предпосылки проектирования сетевых образовательных программ // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». — 2013. — Т. 5. — № 4. — С. 17–22.
8. Макаренко С. Н. Сетевая форма реализации образовательных программ // Тенденции развития науки и образования. — 2019. — № 2. — С. 8–11.
9. Мареев Ю. Л. Непростое простое товарищество // Законность и правопорядок. — 2022. — № 1. — С. 29–40.
10. Махновец С. Н., Махновец Л. А. Совместная деятельность как системообразующий фактор инклюзивного образования // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Педагогика и психология». — 2022. — № 1. — С. 166–172. — DOI: 10.26456/vtspyped/2022.1.166.
11. Никитин М. В., Фильчаков Ю. А. Разработка сетевой образовательной программы СПО: модели и механизмы // Профессиональное образование в России и за рубежом. — 2019. — № 3. — С. 26–32.
12. Тепляшина Е. А., Петрова М. М., Салмина А. Б., Развина О. С. Опыт сетевой формы реализации образовательных программ в аспирантуре // Образование и наука. — 2017. — Т. 19. — № 4. — С. 118–129. — DOI: 10.17853/1994-5639-2017-4-118-129.
13. Чичерина Н. В., Бугаенко О. Д. Модели основных образовательных программ высшего образования, реализуемых в сетевой форме // Высшее образование в России. — 2016. — № 10. — С. 24–36.
14. Шевелева Н. А., Васильев И. А. Сетевая форма реализации университетами образовательных программ: появилась определенность? // Юридический вестник Самарского университета. — 2021. — Т. 7. — № 4. — С. 124–135.
15. Юрьев В. М., Налетова И. В. Сетевой университет как модель современных взаимодействий региональных университетов // Вестник Тамбовского государственного университета. — 2014. — Вып. 3. — С. 7–15.

Материал поступил в редакцию 5 февраля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Artyushina A. V. Setevyye vzaimodeystviya v usloviyakh konkurentsii za resursy na primere molekulyarno-biologicheskikh laboratoriy v Rossii i SShA: dis. ... kand. sotsiol. nauk. — M., 2014. — 227 s.
2. Vasileva M. V., Frolov V. V. Sovremennyye tekhnologii modelirovaniya setevykh nauchnykh laboratoriy v rossiyskikh universitetakh i issledovatel'skikh institutakh: analitiko-metodologicheskii doklad. — Krasnoyarsk, 2022. — 84 s.
3. Dyuzhakova M. V., Rezanovich I. V. Sovmestnaya deyatel'nost' vuza i bazovoy organizatsii po proektirovaniyu individualnykh obrazovatel'nykh marshrutov studentov // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Problemy vysshego obrazovaniya». — 2023. — № 3. — S. 101–105.

4. Efimova E. M., Efimov D. O. Metodologicheskie osnovy proektirovaniya gibkikh obrazovatelnykh programm v setevom formate // Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. — 2021. — T. 12. — № 3. — S. 87–96. — URL: <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2021-13-3-87-96>.
5. Kononova E. N. Soglasenie (dogovor) o realizatsii setevykh obrazovatelnykh programm kak pravovaya forma zakrepleniya dogovorennostey uchastnikov protsessa podgotovki kadrov // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. — 2022. — № 5. — S. 33–36. — DOI: 10.47643/1815-1337_2022_5_33.
6. Krasnova G. A., Teslenko V. A. Analiz osnovnykh modeley setevogo vzaimodeystviya obrazovatelnykh organizatsiy // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. — 2017. — T. 21. — № 4. — S. 30–40. — DOI: 10.15826/umpa.2017.04.047.
7. Krikunov K. N. Teoretiko-metodologicheskie predposylki proektirovaniya setevykh obrazovatelnykh programm // Vestnik YuUrGU. Seriya «Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki». — 2013. — T. 5. — № 4. — S. 17–22.
8. Makarenko S. N. Setevaya forma realizatsii obrazovatelnykh programm // Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya. — 2019. — № 2. — S. 8–11.
9. Mareev Yu. L. Neprostoie prostoe tovarishchestvo // Zakonnost i pravoporyadok. — 2022. — № 1. — S. 29–40.
10. Makhnovets S. N., Makhnovets L. A. Sovmestnaya deyatel'nost' kak sistemoobrazuyushchiy faktor inklyuzivnogo obrazovaniya // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pedagogika i psikhologiya». — 2022. — № 1. — S. 166–172. — DOI: 10.26456/vtspyped/2022.1.166.
11. Nikitin M. V., Filchakov Yu. A. Razrabotka setevoy obrazovatel'noy programmy SPO: modeli i mekhanizmy // Professionalnoe obrazovanie v Rossii i za rubezhom. — 2019. — № 3. — S. 26–32.
12. Teplyashina E. A., Petrova M. M., Salmina A. B., Razvina O. S. Opyt setevoy formy realizatsii obrazovatelnykh programm v aspiranture // Obrazovanie i nauka. — 2017. — T. 19. — № 4. — S. 118–129. — DOI: 10.17853/1994-5639-2017-4-118-129.
13. Chicherina N. V., Bugaenko O. D. Modeli osnovnykh obrazovatelnykh programm vysshego obrazovaniya, realizuemykh v setevoy forme // Vysshee obrazovanie v Rossii. — 2016. — № 10. — S. 24–36.
14. Sheveleva N. A., Vasilev I. A. Setevaya forma realizatsii universitetami obrazovatelnykh programm: poyavilas' opredelennost'? // Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta. — 2021. — T. 7. — № 4. — S. 124–135.
15. Yurev V. M., Naletova I. V. Setevoy universitet kak model sovremennykh vzaimodeystviy regionalnykh universitetov // Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2014. — Vyp. 3. — S. 7–15.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.084-095

В. А. Лаптев*

Право на информацию членов товарищества собственников жилья: гарантия законодателя и сущность корпоративной организации

Аннотация. Управление общим имуществом многоквартирного дома товариществом собственников недвижимости потребовало закрепления в ЖК РФ прав на информацию не только членов товарищества, но и не являющихся членами собственников помещений. Объем информационных прав членов гражданско-правового сообщества и порядок их осуществления являются дискуссионными с точки зрения цели наделения данными правомочиями и их практической реализации. В частности, не являющиеся членами товарищества собственники помещений обладают равными, наряду с действующими членами, правами на получение любой информации о деятельности товарищества. В статье приводится анализ положений жилищного законодательства об информационных правах соответствующих лиц. Определяются цели законодательного регулирования, а также особенности реализации прав на информацию в условиях цифровизации отдельных сфер жизнедеятельности общества и экономических вызовов современности. Исследуются положения законодательства о персональных данных, об отдельных видах корпоративных организаций, о регистрации недвижимости и иные акты, свидетельствующие о наличии ограничений и пределов реализации права на информацию в российских корпоративных организациях. Выявляются возможные злоупотребления информационными правами, раскрывается судебная практика по рассматриваемой проблематике. Предлагаются пути развития жилищного законодательства, в том числе посредством закрепления случаев, ограничивающих реализацию прав на получение информации.

Ключевые слова: корпорация; товарищество собственников жилья; члены товарищества; право на информацию; раскрытие информации; гражданско-правовое сообщество; злоупотребление правом; персональные данные; конфиденциальная информация; ограничения корпоративных прав.

Для цитирования: Лаптев В. А. Право на информацию членов товарищества собственников жилья: гарантия законодателя и сущность корпоративной организации // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 5. — С. 84–95. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.084-095.

© Лаптев В. А., 2024

* Лаптев Василий Андреевич, доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права РАН, судья Арбитражного суда города Москвы
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
laptev.va@gmail.com

The Right to Information of Members of the Homeowners' Association: The Guarantee of the Law-Maker and the Essence of the Corporate Organization

Vasily A. Laptev, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Leading Researcher, Civil and Business Law Sector of the Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences; Judge, Moscow City Arbitration Court, Moscow, Russian Federation
laptev.va@gmail.com

Abstract. Administration of common property of an apartment building by a homeowners' association required consolidation of the rights to information not only for members of the partnership, but also for non-members of the association of homeowners in the Housing Code of the Russian Federation. The scope of information rights of members of the civil law community and the procedure for their implementation are debatable from the point of view of the purpose of granting such powers and their practical implementation. In particular, owners of premises who are not members of the partnership have equal rights, along with current members, to receive any information about the activities of the partnership. The paper analyzes the provisions of housing legislation regarding the information rights of relevant individuals. The paper determines objectives of legislative regulation and explains the specifics of implementing information rights in the context of digitalization of certain spheres of society and the economic challenges of our time. The author examines the provisions of legislation on personal data, on certain types of corporate organizations, on registration of real estate and other acts indicating the existence of restrictions and limits on the exercise of the right to information in Russian corporate organizations. Possible abuses of information rights are identified, and judicial practice on the issue under consideration is disclosed. The paper provides for the ways of housing legislation development also by means of consolidation of cases restricting the exercise of rights to receive information.

Keywords: corporation; homeowners' association; members of the partnership; right to information; disclosure of information; civil society; abuse of law; personal data; confidential information; restrictions on corporate rights.

Cite as: Laptev VA. The Right to Information of Members of the Homeowners' Association: The Guarantee of the Law-Maker and the Essence of the Corporate Organization. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(5):84-95. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.084-095

Введение

В 2011 г. Жилищный кодекс РФ был дополнен статьей 143.1 о правах членов товарищества собственников жилья¹ (далее — товарищество, ТСН²) и не являющихся членами товарищества

собственников помещений в многоквартирном доме. Содержание рассматриваемой нормы посвящено праву на информацию о деятельности товарищества, а также требованиям о качестве оказываемых услуг (работ)³. Из пояснительной записки к законопроекту

---

¹ Федеральный закон от 04.06.2011 № 123-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 23. Ст. 3263.

² Нормы ЖК РФ о товариществах собственников жилья продолжают применяться к товариществам собственников недвижимости и после 1 сентября 2014 г. и являются специальными по отношению к общим положениям ГК РФ о ТСН (п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8).

³ См.: Шешко Г. Ф. К вопросу обоснованности и целесообразности изменений, внесенных в Жилищный кодекс РФ Федеральными законами от 4 июня 2011 г. № 123-ФЗ и от 18 июля 2011 г. № 242-ФЗ // Жилищное право. 2011. № 10. С. 5–15.

⁴ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/435903-5> (дата обращения: 28.01.2024).

№ 435903-5⁴ (впоследствии — Федеральный закон от 04.06.2011 № 123-ФЗ) следует, что рассматриваемая норма права вносилась для совершенствования регулирования вопросов управления многоквартирными домами. Надо также учитывать, что при разработке ст. 143.1 ЖК РФ требовалось решить вопрос о гарантиях прав будущих собственников в новостройках на создание ТСН с учетом того, что всей информации о доме монопольно владел застройщик. Собственно, законодателю необходимо было исключить злоупотребления со стороны застройщиков на предмет навязывания жильцам аффилированных управляющих организаций и препятствования свободной реализации жильцами права создания ТСН с целью управления общим имуществом.

В судебной практике отражено, что законодательство о правах потребителей не распространяется на корпоративные отношения между товариществом и его членами. Единственное исключение составляет возможность применения Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» по вопросу качества оказываемых товариществом работ и услуг гражданам (п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»⁵).

Любопытно, что данная норма была принята лишь спустя семь лет после принятия ЖК РФ, в то время как вопросы управления многоквартирными домами были всегда. Введение в жилищное законодательство подробной правовой регламентации порядка управления жилыми домами подчеркивает, что бремя содержания своего имущества лежит на собственнике

(ст. 210 ГК РФ), на что периодически обращается внимание в судебной практике⁶.

Следует отметить, что ТСН осуществляет свою деятельность в чувствительной для граждан сфере управления многоквартирными домами, где они проживают. Вместе с тем не следует снимать со счетов тот факт, что данное юридическое лицо является корпоративной организацией и подчиняется логике законодательства об этих видах юридических лиц.

Говоря об управлении многоквартирными домами, которое может осуществлять ТСН, необходимо учитывать сложную конструкцию корпоративных связей и юридических образований на их основе. Так, в многоквартирном жилом доме в силу закона образуется гражданско-правовое сообщество⁷ всех собственников помещений. Гражданско-правовое сообщество является корпорацией в широком понимании данного термина⁸. Часть лиц из числа данного гражданско-правового сообщества либо все его члены могут образовывать юридическое лицо — ТСН (п. 3 ст. 50 ГК РФ).

В судебной практике также выделяются две формы корпорации: гражданско-правовое сообщество без прав юридического лица и гражданско-правовое сообщество, созданное в качестве юридического лица, — ТСН (абз. 1 п. 118 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25). Если в первом случае гражданско-правовое сообщество объединяет в себе две сущности — «корпорация» и «высший орган корпорации», то во втором оно образует высший орган корпоративной организации.

Видится, что одной из причин смешения прав членов корпорации (товарищества) и не являющихся членами лиц (остальных собственников по-

⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.

⁶ См., например: п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 22 «О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащего им на праве собственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8.

⁷ Лаптев В. А. Гражданско-правовое сообщество в системе управления корпорацией: задачи законодателя и реалии судебной практики // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2022. № 4. С. 46–57.

⁸ Подробнее см.: Лаптев В. А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем. М. : Проспект, 2019. С. 14–30, 72–108.

мещений) послужила часть 6 ст. 46 ЖК РФ, позволяющая любому собственнику помещений обжаловать решения общего собрания собственников помещений в доме. Вместе с тем в данном случае речь идет о решении гражданско-правового сообщества собственников помещений дома, а не о решении товарищества (органа корпоративной организации). Указанное различие является принципиальным для правоприменительной практики.

Содержание права на информацию

Статья 143.1 ЖК РФ, содержащаяся в гл. 14 о правовом положении членов ТСН, расширила субъектный состав лиц, права которых регламентируются данной главой. Помимо членов ТСН, данной нормой регулируется порядок реализации информационных прав лицами, не являющимися членами товарищества, — собственниками помещений многоквартирного дома. Такой подход прежде всего обусловлен тем, что некоторые собственники еще не успели вступить в товарищество (например, в новостройках), а кто-то и вовсе не желает. Кроме того, в ч. 2 ст. 143.1 ЖК РФ непосредственно раскрывается причина закрепления данной нормы — обеспечение права требования оказания товариществом качественных услуг и работ при управлении многоквартирным домом. Получается, что главу 14 ЖК РФ требуется переименовать с учетом содержащихся в ней положений.

Законодатель не разделил объем прав на информацию между членами и не членами ТСН, наделив обе группы лиц равными правами. Так, в ст. 143.1 ЖК РФ перечисляется следующая информация:

- о деятельности товарищества;
- сведения о правоспособности и внутренние документы товарищества;
- реестр членов товарищества;
- бухгалтерская отчетность, сметы, заключения аудитора, ревизора и иные документы о финансовом состоянии товарищества;

— правоустанавливающие документы на имущество товарищества;

— корпоративные и иные решения органов товарищества (общего собрания членов, заседаний правления и ревизионной комиссии);

— документы по корпоративным процедурам голосования и подведению их итогов;

— техническая документация по дому;

— иные предоставляемые в силу ЖК РФ, устава и решения общего собрания членов товарищества документы.

Таким образом, можно сказать, что перечень предоставляемых в рамках ст. 143.1 ЖК РФ документов открыт, но всё же с существенными оговорками. Во-первых, иные предоставляемые документы определяются не любыми федеральными законами, а только ЖК РФ. Во-вторых, только товарищество (в лице своих членов) в уставе либо решении общего собрания может определить объем «иных документов», который предоставляется не членам товарищества по их требованию (дискреционные полномочия товарищества).

Полагаем, что существенным недостатком данной нормы выступает отсутствие указаний на форму предоставляемой информации (доступа к информации): ознакомление в помещении исполнительного органа товарищества (ином определенном уставом либо решением общего собрания месте) либо заверенные копии документов. Кроме того, отсутствует указание на возможность предоставления документов в электронном виде, включая электронные документы.

Кроме того, ряд сведений товарищество может размещать в сети «Интернет» в свободном доступе либо раскрывать иным образом (например, на доске объявлений в подъезде жилого дома либо на территории коттеджного поселка, в социальных мессенджерах Telegram, WhatsApp⁹ и др.). Указанные документы можно направлять заявителю в электронном виде, в том числе в форме электронного документа

⁹ Продукт компании Meta. Российский суд 21 марта 2022 г. признал Meta экстремистской организацией и запретил ее деятельность на территории РФ.

либо скан-копий запрашиваемых документов (сведений)¹⁰.

Данная проблема повлекла за собой формирование дискуссионной судебной практики. С одной стороны, члены товариществ и не являющиеся членами собственники помещений стали безгранично пользоваться информационными правами, закрепленными в ст. 143.1 ЖК РФ¹¹. При этом законодательство не содержит сведений о том, за чей счет предоставлять документы (информацию), несмотря на то, что, очевидно, их формирование и последующее предоставление влекут за собой материальные затраты товарищества. Так, согласно существующей редакции рассматриваемой нормы волю на получение информации одного либо нескольких членов товарищества, а также лиц, вовсе не являющихся членами товарищества, обеспечивают в материальном плане (оплачивают) другие участники гражданско-правового сообщества. Нормативно не установлены ни величина платы в размере себестоимости копирования документов, ни порядок ее оплаты (предварительной оплаты). Например, в акционерных обществах данная плата не может превышать затраты на изготовление копий документов, а также уставом может быть установлено правило о предварительной оплате стоимости предоставляемых копий документов (п. 11 ст. 91 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее — Закон об АО)). Похожие подходы законодательно установлены в обществах с ограниченной ответственностью и хозяйственных партнерствах (ст. 50 и 50.1 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об ООО), ст. 21 Федерального закона от 03.12.2011 № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах»).

Для корпоративной практики существенным является правило о том, что срок предоставле-

ния информации о деятельности хозяйственных обществ начинается исчисляться только с даты подписания лицом, изъявившим желание запросить документы, договора о нераспространении информации (соглашения о конфиденциальности) по форме, принятой в обществе (п. 5 ст. 50 Закона об ООО, п. 12 ст. 91 Закона об АО). Таким образом, обществом самостоятельно определяются форма данного договора (соглашения), условия об ответственности лица, в чье распоряжение попадает конфиденциальная информация¹². При этом речь идет не только о коммерческой тайне (свойственной для коммерческих организаций), но и о персональных данных физических лиц, оборот которых разрешен в установленном законом порядке (ст. 6 и 9 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»¹³). Отказ от подписания данного документа влечет отказ от предоставления информации. Указанный опыт должен применяться и в ТСН.

Существующее положение дел не свидетельствует о балансе интересов всех участников общественных отношений в сфере управления многоквартирными домами и приравненными к ним коттеджными поселками в России. Полагаем не имеющим значение тот факт, что ТСН — некоммерческая корпоративная организация, а хозяйственные общества коммерческие. В данном случае мы говорим об информационных правах всех лиц, которые желают ознакомиться с информацией о деятельности товарищества, вне зависимости от целей предоставления.

Пределы реализации информационных прав

Парадокс в жилищном законодательстве заключается в том, что наделение не членов товарищества (собственников помещений) равным правом на получение информации в рамках

¹⁰ Соловяненко Н. И. Электронный документооборот. Зачем нужно правовое регулирование? // BIS Journal-Информационная безопасность банков. 2016. № 2 (21). С. 82–84.

¹¹ СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

¹² Указ Президента РФ от 06.03.1997 № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» // СЗ РФ. 1997. № 10. Ст. 1127.

¹³ СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

ст. 143.1 ЖК РФ, по сути, разрушает конструкцию корпоративного юридического лица. Нет никакого смысла входить в состав товарищества, участвовать в его корпоративной жизни, поскольку во всех случаях не члены товарищества обладают таким же доступом ко всей информации о деятельности ТСН. Во всех коммерческих корпоративных организациях предоставление информации о деятельности регламентируется только применительно к реализации права на информацию членами данных корпоративных организаций (например, ст. 91 Закона об АО, ст. 50 Закона об ООО, ст. 21 Федерального закона «О хозяйственных партнерствах»).

Исключение составляют случаи, когда информацию запрашивают выбывшие члены корпоративной организации, да и то при условии указания деловой цели предоставления информации, в частности для расчета действительной стоимости доли при выходе из состава общества¹⁴. Расширяя круг участников, обладающих правом на получение информации о деятельности корпоративной организации, судебная практика исходит из наличия охраняемого законом материально-правового интереса в предоставлении информации (п. 4–7 Обобщения судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами¹⁵). Таким образом, реализация права на информацию непосредственно связана с охраняемым законом материально-правовым интересом (ст. 12 ГК РФ). Такое правило установлено в том числе для предотвращения злоупотреблений посредством фишинга¹⁶.

В этой связи непонятно, по каким причинам не члены товарищества могут запрашивать

реестр членов товарищества, бюллетени голосования и доверенности (п. 2 и 7 ч. 3 ст. 143.1 ЖК РФ). Ведь в силу ч. 6 ст. 46 ЖК РФ у собственников есть право на обжалование решений общего собрания собственников помещений дома (гражданско-правового сообщества) и в данной норме не упоминается о праве на обжалование решений товарищества¹⁷. Известно, что членство в товариществе возникает у собственника помещения в многоквартирном доме; соответственно, обладая информацией о реестре членов товарищества, владелец имеет сведения о собственности (совместно указанные сведения образуют персональные данные).

Данные положения нуждаются в доработке, поскольку, с одной стороны, законодатель ограничивает доступ к открытым сведениям Росреестра, закрепив правило о том, что при получении сторонними лицами выписки из Единого государственного реестра недвижимости в отношении недвижимого имущества граждан такие сведения предоставляются в обезличенной форме применительно к правообладателю (ч. 13–15 ст. 62 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»¹⁸), но, с другой стороны, в жилищном законодательстве рассматриваемые нормы позволяют без труда получить указанную информацию третьими лицами только не через Росреестр, но и через товарищество.

Для лучшего понимания значимости проблематики приведем ряд примеров из деятельности корпоративных коммерческих организаций, в отношении которых на законодательном уровне установлены ограничения на получение

¹⁴ См.: п. 6 информационного письма Президиума ВАС РФ от 18.01.2011 № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 3.

¹⁵ Утверждены Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023 (URL: <https://vsrf.ru/> (дата обращения: 28.01.2024)).

¹⁶ От англ. fishing — «рыбная ловля, выуживание». Термин используется в корпоративной практике для обозначения действий по выуживанию новой информации.

¹⁷ В судебной практике также разделяются обжалования решений общего собрания и товарищества (см.: вопрос 5 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ за II квартал 2013 г., утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.11.2013 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 1).

¹⁸ СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344.

информации. Так, примером служат положения ст. 50.1 Закона об ООО, ст. 92.2 Закона об АО и ст. 30.1 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», введенные в 2017 г.¹⁹ в части раскрытия информации о деятельности отдельных физических и юридических лиц. В указанных статьях была сделана отсылка к актам Правительства РФ, которыми могут быть установлены случаи, освобождающие от обязанности раскрывать информацию либо существенно ограничивающие объект ее раскрытия²⁰. Поводами для установления данных ограничений, в частности, могут выступать цели обеспечения безопасности страны²¹ и иные объективно требующие этого случаи.

Корпоративное законодательство, особенно в отношении хозяйственных обществ, содержит пределы реализации информационных прав членов корпоративной организации. Ряд установленных законом ограничений в предоставлении информации о деятельности корпорации являются объективной необходимостью, предотвращающей злоупотребления.

Развитие цифровых технологий позволяет корпоративным организациям размещать правоустанавливающие документы и документы о производственно-хозяйственной деятельности в сети «Интернет», что исключает необходимость в их повторном предоставлении, в ином случае

будет иметь место дублирование. Все заинтересованные лица и государственные органы могут ознакомиться с содержанием публично размещенных документов товарищества.

В случаях, когда информация уже была предоставлена надлежащим образом организацией ее участнику, повторное требование о предоставлении информации в пределах трехлетнего срока не является разумным. Трехлетний срок привязан к общему сроку исковой давности, в течение которого реализуется право на судебную защиту (ст. 196, 199 и 200 ГК РФ). В этой связи отсутствует целесообразность запрашивать документы прошлых периодов (более трех лет), поскольку по прошествии срока исковой давности суд отказывает в защите нарушенного права²². Кроме того, нормативно закрепляются сроки хранения документов в сфере ЖКХ²³.

Полагаем, что каждый член товарищества и каждый не являющийся членом товарищества собственник помещений дома должны указывать цель (деловую цель) получения запрашиваемой информации. Такое правило будет препятствием для недобросовестной реализации информационных прав.

Не представляется обоснованным наделение правом запрашивать документы по прошлым периодам для тех членов или не членов товарищества, которые не владели на тот момент

¹⁹ Федеральный закон от 31.12.2017 № 481-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 1 (ч. I). Ст. 65.

²⁰ См., например: постановление Правительства РФ от 15.01.2018 № 10 «Об определении случаев освобождения общества с ограниченной ответственностью от обязанности раскрывать и (или) предоставлять информацию, касающуюся крупных сделок и (или) сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // СЗ РФ. 2018. № 4. Ст. 628 ; постановление Правительства РФ от 05.04.2022 № 586 «О некоторых особенностях раскрытия и (или) предоставления информации в соответствии с отдельными законодательными актами Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 15. Ст. 2504.

²¹ См. пояснительную записку к законопроекту № 318825-7 (URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/318825-7> (дата обращения: 28.01.2024)).

²² См.: п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 12.

²³ Например, см.: постановление Правительства РФ от 26.01.2023 № 108 «О стандартах раскрытия информации в сфере водоснабжения и водоотведения» // СЗ РФ. 2023. № 6. Ст. 949 ; постановление Правительства РФ от 26.01.2023 № 110 «О стандартах раскрытия информации теплоснабжающими организациями, теплосетевыми организациями и органами регулирования тарифов в сфере теплоснабжения» // СЗ РФ. 2023. № 6. Ст. 951 ; приказ Минстроя России от 28.01.2019 № 44/пр «Об утверждении Требований к

собственностью. Даже если и имели место нарушения в деятельности товарищества, но указанные нарушения не касались в тот момент материально-правовых интересов лиц, которые приобрели собственность позже, целесообразность ознакомления с данными документами отсутствует.

Видится сложным вопрос об установлении порогового значения для членов ТСН и не являющихся членами собственников помещений дома (например, по площади квартиры либо земельного участка в коттеджном поселке) для реализации права на получение информации. Корпоративным законодательством не случайно разделены объемы прав на информацию мажоритарных и миноритарных участников хозяйственных обществ. В частности, Федеральным законом от 14.03.2022 № 55-ФЗ²⁴ установлен пятипроцентный порог участия для доступа к информации о деятельности общества.

Кроме того, неясна причина того, что в ст. 143.1 ЖК РФ не только членам, но и не членам товарищества предоставлено право запрашивать бюллетени для голосования. Возникает резонный вопрос: зачем третьим лицам (не членам товарищества) данные документы и что они будут делать с ними после получения? Заново пересчитывать и подводить итоги голосования? Очевидно, что нет. Поскольку однозначно установлен способ защиты нарушенного права, если такое нарушение и имело место, — иск о признании недействительным решения общего собрания. Данное право принадлежит члену товарищества, который не участвовал в засе-

дании (заочном голосовании) либо голосовал против принятия соответствующего решения. Если говорить о собственниках помещений, не являющихся членами товарищества, вовсе не понятно, для чего им бюллетени голосования, поскольку по общему правилу лишь члены корпоративной организации могут обжаловать ее решения (п. 3 ст. 181.4 ГК РФ)²⁵.

Полагаем необходимым установить ограничения в предоставлении информации как для членов товарищества, так и для иных собственников помещений в следующих случаях:

1) электронная версия запрашиваемого документа на момент предъявления требования размещена на сайте товарищества в сети «Интернет» в свободном доступе либо раскрыта иным образом (например, на доске объявлений в подъезде жилого дома либо на территории коттеджного поселка, в социальных мессенджерах и т.д.);

2) документ запрашивается повторно в течение трех лет при условии, что первое требование о его предоставлении было надлежащим образом исполнено товариществом;

3) документ относится к прошлым периодам деятельности товарищества (более трех лет до момента обращения с требованием);

4) в требовании члена (не члена) товарищества о предоставлении документов не указана цель (деловая цель), с которой запрашивается документ, либо указанная цель не является разумной, либо состав и содержание запрошенных документов явно не соответствуют указанной в запросе цели;

оформлению протоколов общих собраний собственников помещений в многоквартирных домах и Порядка направления подлинников решений и протоколов общих собраний собственников помещений в многоквартирных домах в уполномоченные органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие государственный жилищный надзор».

²⁴ Федеральный закон от 14.03.2022 № 55-ФЗ «О внесении изменений в статьи 6 и 7 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа» и статью 21 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»» // СЗ РФ. 2022. № 12. Ст. 1782.

²⁵ См. также: постановление Конституционного Суда РФ от 29.01.2018 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статей 181.4 и 181.5 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 1 статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Логинова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 3.

5) лицо, обратившееся с требованием о предоставлении доступа к документам, не обладает правом доступа к соответствующей категории документов;

6) документ относится к периодам, не относящимся к сроку владения членом (не членом) товарищества в собственности помещением многоквартирного дома.

Предлагаемые положения не являются чем-то новым и соответствуют добросовестной корпоративной практике взаимодействия членов и иных лиц с корпорацией. В частности, примером может служить рекомендованный Банком России Кодекс корпоративного управления для публичных акционерных обществ²⁶. Можно сказать, что состав членов ТСН и реализация прав на информацию не членов товарищества (собственников помещений) в какой-то степени напоминают публичные коммерческие корпоративные организации, в которых состав участников обезличен, собственно, почему они и обозначаются, прежде всего, «объединением капиталов», а не «объединением лиц», как в непубличных корпорациях.

Персональные данные и злоупотребления правом

В последние годы в правоведении небеспочвенно задумались о порядке оборота персональных данных в условиях развития цифровых технологий. Множество сведений, составляющих конфиденциальную информацию, стало храниться в облачных сервисах на базе дата-центров, администрируемых на территории иностранных государств лицами, деятельность которых подчинена иностранным правовым порядкам (например, Microsoft, Apple и др.). Собранные сведения big data в отсутствие ярко выраженной

воли правообладателя и норм законодательства могут произвольно использоваться их фактическими владельцами²⁷.

Логика законодателя, определяющего в ст. 143.1 ЖК РФ право на информацию лиц, являющихся собственниками помещений многоквартирного дома и приравненных к ним коттеджных поселков, была построена на предупреждении возможных злоупотреблений при управлении общим имуществом, включая оказание некачественных услуг (работ) жильцам дома (поселка). Вместе с тем, лаконично закрепив без каких-либо оговорок в жилищном законодательстве право на информацию всех членов гражданско-правового сообщества (сособственников), мы можем столкнуться со следующими злоупотреблениями, т.е. с обратной стороной реализации данных правомочий.

1. Получение третьими лицами информации о жильцах. Как бы ни хотел законодатель ограничить возможность сторонних лиц получать информацию о правообладателях (собственниках) — физических лицах путем закрытия сведений Единого государственного реестра недвижимости, статья 143.1 ЖК РФ без труда позволяет получить данную информацию. Достаточно приобрести на «один день» в собственность квартиру в многоквартирном доме либо жилой дом в коттеджном поселке, после чего запросить в ТСН соответствующую информацию (реестр членов товарищества, сметы доходов и расходов товарищества на год, протоколы общих собраний членов товарищества, бюллетени для голосования, доверенности на голосование или копии таких доверенностей и др.).

Жилищный кодекс РФ не содержит каких-либо ограничений в реализации прав на информацию, даже минимальной гарантии — фразы «за исключением установленных законом слу-

²⁶ Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» // Вестник Банка России. 2014. № 40.

²⁷ См., например: Защита данных : научно-практический комментарий к судебной практике / Э. В. Алимов, Д. Р. Алимова, Х. И. Гаджиев [и др.] ; отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев ; ИЗИСП при Правительстве РФ. М. : Контракт, 2020 ; Савельев А. И. Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота персональных данных // Вестник гражданского права. 2021. № 4. С. 104–129 ; Донников Ю. Е. Значение институтов согласия на использование изображения гражданина и согласия на обработку персональных данных для регулирования рынка гражданского оборота данных // Хозяйство и право. 2022. № 3. С. 53–61.

чаев». Так, в распоряжение сторонних лиц могут попасть сведения о лицах, находящихся под государственной защитой, о государственных служащих и членах их семей и иная информация, которая не должна свободно передаваться третьим лицам в силу ст. 2 Федерального закона от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»²⁸, ст. 2 Федерального закона от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»²⁹ и т.д.³⁰ Особенно это касается запросов от лиц, не являющихся членами товарищества.

Видится необходимым решение вопроса о порядке предоставления информации членам товарищества (в том числе «временным» членам), а также не являющимся членами товарищества собственникам помещений исключительно через призму положений Федерального закона «О персональных данных».

2. Смена управляющего общим имуществом. Образованные жильцами с целью минимизации затрат на управление общим имуществом ТСН становятся вполне оправданной альтернативой ранее действовавшим управляющим организациям, которые привлекались застройщиками к управлению новостройками либо вновь созданными коттеджными поселками³¹.

На практике встречаются случаи, когда застройщики для возврата контроля над бизнесом по управлению общим имуществом многоквартирного дома (коттеджного поселка) через аффилированное лицо — собственника поме-

щений дома, в том числе и не являющегося членом товарищества, получают информацию о расходах на содержание (сметы доходов и расходов товарищества на год, отчеты об исполнении таких смет) с целью сделать более «конкурентное» предложение, однако фактически являющееся неисполнимым, с тем чтобы впоследствии пересмотреть расходы на содержание в таком ключе, что они значительно превысят стоимость расходов по смете, утвержденной товариществом в текущем периоде.

3. Мошенничество с использованием сведений о жильцах. Участвовавшие в последние годы случаи мошенничества в банковской сфере³² являются следствием в том числе неправомерного доступа не только к персональным данным (сведениям о физическом лице, его паспортных данных, принадлежащем имуществе и т.д.), но и к актуальным образцам подписи указанного лица (например, из бюллетеней голосования либо доверенностей).

Обязанность дальнейшего сохранения конфиденциальности информации лицом, получившим сведения в порядке ст. 143.1 ЖК РФ, на практике является декларативной, не исключающей дальнейшего неправомерного использование полученных сведений.

Выводы

Практика деятельности товариществ свидетельствует о необходимости доработки положений ст. 143.1 ЖК РФ, в результате которой права на информацию членов и не являющихся членами

²⁸ СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.

²⁹ СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1455.

³⁰ См., например: Бикмиев Р. Г., Бурганов Р. С. Правовое регулирование безопасности участников уголовного судопроизводства // Администратор суда. 2023. № 4. С. 2–6; Эстамирова Л. П., Палагин Д. Н. Меры обеспечения собственной безопасности полиции: понятие, виды, сущность и содержание // Административное право и процесс. 2023. № 4. С. 34–39; Каримов Р. М. Использование специальных средств для обеспечения независимости судей // Российский судья. 2021. № 4. С. 41–45.

³¹ Лаптев В. А. Виды управления общим имуществом (правовые аспекты) // Юридический мир. 2024. № 1. С. 37–40.

³² См., например: Долганов С. И. Мошенничество в сфере ипотечного кредитования с участием банковских служащих // Адвокатская практика. 2020. № 6. С. 25–28; Савченко М. М. Уголовно-правовая характеристика мошенничества в сфере кредитования // Безопасность бизнеса. 2022. № 5. С. 50–53.

ТСН собственников помещений будут разграничены.

Члены товарищества вправе получать информацию, обеспечивающую защиту их прав и законных интересов с учетом установленных законодательством способов защиты. Не являющиеся членами товарищества собственники помещений дома вправе получать от товарищества информацию, связанную с качеством оказания работ и услуг по управлению и содержанию многоквартирного дома (коттеджного поселка).

При реализации права на информацию должны быть закреплены ограничения с учетом особого режима персональных данных и в иных установленных законодательством случаях (например, когда запрашиваемая информация размещена в сети «Интернет», при повторном в течение трех лет запросе ранее полученного документа, запросе документов прошлых периодов, в отсутствие деловой цели запроса, при отсутствии права доступа к соответствующей категории информации и т.д.).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бикмиев Р. Г., Бурганов Р. С. Правовое регулирование безопасности участников уголовного судопроизводства // Администратор суда. — 2023. — № 4. — С. 2–6.
2. Донников Ю. Е. Значение институтов согласия на использование изображения гражданина и согласия на обработку персональных данных для регулирования рынка гражданского оборота данных // Хозяйство и право. — 2022. — № 3. — С. 53–61.
3. Защита данных : научно-практический комментарий к судебной практике / Э. В. Алимов, Д. Р. Алимова, Х. И. Гаджиев [и др.] ; отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. — М. : Контракт, 2020. — 176 с.
4. Каримов Р. М. Использование специальных средств для обеспечения независимости судей // Российский судья. — 2021. — № 4. — С. 41–45.
5. Лаптев В. А. Гражданско-правовое сообщество в системе управления корпорацией: задачи законодателя и реалии судебной практики // Вестник Арбитражного суда Московского округа. — 2022. — № 4. — С. 46–57.
6. Лаптев В. А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем. — М. : Проспект, 2019. — 384 с.
7. Маркова И. В., Рузанова В. Д. Товарищество собственников жилья как собственник и объединение собственников // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2017. — № 2. — С. 28–32.
8. Маслова О. В. Особенности обжалования решения общего собрания членов товарищества собственников жилья // Судья. — 2015. — № 3. — С. 15–17.
9. Перепелкина Н. В. Право собственника жилого помещения на информацию // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2013. — № 3. — С. 104–107.
10. Савельев А. И. Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота персональных данных // Вестник гражданского права. — 2021. — № 4. — С. 104–129.
11. Соловых С. Ж. Гарантии частных и коллективных интересов при реализации собственниками, не являющимися членами товарищества в многоквартирном доме, прав на участие в управлении имуществом многоквартирного дома // Семейное и жилищное право. — 2022. — № 4. — С. 46–48.
12. Соловяненко Н. И. Электронный документооборот. Зачем нужно правовое регулирование? // BIS Journal-Информационная безопасность банков. — 2016. — № 2 (21). — С. 82–84.
13. Филипенко Н. В. Осуществление права на информацию в объединениях собственников недвижимости // Закон. — 2017. — № 10. — С. 122–134.

14. Шешко Г. Ф. К вопросу обоснованности и целесообразности изменений, внесенных в Жилищный кодекс РФ Федеральными законами от 04.06.2011 № 123-ФЗ и от 18.07.2011 № 242-ФЗ // Жилищное право. — 2011. — № 10. — С. 5–15.
15. Эстамирова Л. П., Палагин Д. Н. Меры обеспечения собственной безопасности полиции: понятие, виды, сущность и содержание // Административное право и процесс. — 2023. — № 4. — С. 34–39.

Материал поступил в редакцию 30 января 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bikmiev R. G., Burganov R. S. Pravovoe regulirovanie bezopasnosti uchastnikov ugolovnogogo sudoproizvodstva // Administrator suda. — 2023. — № 4. — С. 2–6.
2. Donnikov Yu. E. Znachenie institutov soglasiya na ispolzovanie izobrazheniya grazhdanina i soglasiya na obrabotku personalnykh dannykh dlya regulirovaniya rynka grazhdanskogo oborota dannykh // Khozyaystvo i pravo. — 2022. — № 3. — С. 53–61.
3. Zashchita dannykh: nauchno-prakticheskiy kommentariy k sudebnoy praktike / E. V. Alimov, D. R. Alimova, Kh. I. Gadzhiev [i dr.]; otv. red. V. V. Lazarev, Kh. I. Gadzhiev; Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitelstve RF. — M.: Kontrakt, 2020. — 176 s.
4. Karimov R. M. Ispolzovanie spetsialnykh sredstv dlya obespecheniya nezavisimosti sudey // Rossiyskiy sudya. — 2021. — № 4. — С. 41–45.
5. Laptev V. A. Grazhdansko-pravovoe soobshchestvo v sisteme upravleniya korporatsiy: zadachi zakonodatelya i realii sudebnoy praktiki // Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga. — 2022. — № 4. — С. 46–57.
6. Laptev V. A. Korporativnoe pravo: pravovaya organizatsiya korporativnykh sistem. — M.: Prospekt, 2019. — 384 s.
7. Markova I. V., Ruzanova V. D. Tovarishchestvo sobstvennikov zhilya kak sobstvennik i obedinenie sobstvennikov // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2017. — № 2. — С. 28–32.
8. Maslova O. V. Osobennosti obzhalovaniya resheniya obshchego sobraniya chlenov tovarishchestva sobstvennikov zhilya // Sudya. — 2015. — № 3. — С. 15–17.
9. Perepelkina N. V. Pravo sobstvennika zhilogo pomeshcheniya na informatsiyu // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2013. — № 3. — С. 104–107.
10. Savelev A. I. Grazhdansko-pravovye aspekty regulirovaniya oborota personalnykh dannykh // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2021. — № 4. — С. 104–129.
11. Solovykh S. Zh. Garantii chastnykh i kollektivnykh interesov pri realizatsii sobstvennikami, ne yavlyayushchimisya chlenami tovarishchestva v mnogokvartirnom dome, prav na uchastie v upravlenii imushchestvom mnogokvartirnogo doma // Semeynoe i zhilishchnoe pravo. — 2022. — № 4. — С. 46–48.
12. Solovyanenko N. I. Elektronnyy dokumentooborot. Zachem nuzhno pravovoe regulirovanie? // BIS Journal- Informatsionnaya bezopasnost bankov. — 2016. — № 2 (21). — С. 82–84.
13. Filipenko N. V. Osushchestvlenie prava na informatsiyu v obedineniyakh sobstvennikov nedvizhimosti // Zakon. — 2017. — № 10. — С. 122–134.
14. Sheshko G. F. K voprosu obosnovannosti i tselesoobraznosti izmeneniy, vnesennykh v Zhilishchnyy kodeks RF Federalnymi zakonami ot 04.06.2011 № 123-FZ i ot 18.07.2011 № 242-FZ // Zhilishchnoe pravo. — 2011. — № 10. — С. 5–15.
15. Estamirova L. P., Palagin D. N. Mery obespecheniya sobstvennoy bezopasnosti politzii: ponyatie, vidy, sushchnost i sodержание // Administrativnoe pravo i protsess. — 2023. — № 4. — С. 34–39.

В. И. Ратникова*,
Н. В. Стрельникова**,
И. А. Стрельников***

Историко-правовые аспекты развития иммунопрофилактики инфекционных заболеваний в России

Аннотация. Систематизация нормативных правовых актов, лежащих в основе вакцинопрофилактики, проведена с параллельным рассмотрением исторических фактов и ситуаций как предпосылок для создания мощной защитной профилактической системы иммунизации населения в РСФСР, СССР и России с 1919 г. по настоящее время. В статье анализируются декрет Совета народных комиссаров от 10.04.1919 «Об обязательном оспопрививании» и последующие исторические этапы развития иммунопрофилактики новых и возвращающихся инфекций на территории России. Создана система плановой и экстренной вакцинации детей и взрослых, закрепленная в декретах Совета народных комиссаров, декретах и постановлениях Совета народных комиссаров РСФСР, приказах Министерства здравоохранения СССР, Минздравсоцразвития России, Министерства здравоохранения РФ, распоряжениях Правительства РФ, федеральных законах. Искусственные иммунобиологические препараты, вакцины и анатоксины применяют для предотвращения, сдерживания и нивелирования социальных последствий эпидемий и пандемий в целях устойчивого развития государства и общества в целом. Государственная важность вакцинного дела освещается в Стратегии развития иммунопрофилактики инфекционных болезней на период до 2035 г. Вакцинация не только предотвращает заболеваемость и преждевременную смерть иммунизированных граждан, но и способствует широкомасштабным достижениям в области здравоохранения, образования, технологического и экономического развития.

© Ратникова В. И., Стрельникова Н. В., Стрельников И. А., 2024

* *Ратникова Василиса Игоревна*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского, предпринимательского и транспортного права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (ДВГУПС)
ул. Серышева, д. 47, г. Хабаровск, Россия, 680021
vitaflamma@gmail.com

** *Стрельникова Наталья Викторовна*, кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры микробиологии, вирусологии и иммунологии Дальневосточного государственного медицинского университета (ДВГМУ Минздрава России)
ул. Муравьева-Амурского, д. 35, г. Хабаровск, Россия, 680000
jpdom@mail.ru

*** *Стрельников Игорь Анатольевич*, старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Хабаровского государственного университета экономики и права
ул. Тихоокеанская, д. 134, г. Хабаровск, Россия, 680042
jpreigion@gmail.com

Ключевые слова: иммунизация; обязательное оспопрививание; календарь профилактических прививок; плановая и экстренная вакцинация; карта профилактических прививок; национальный календарь профилактических прививок; вакцинация по эпидемическим показаниям; правовые основы иммунопрофилактики инфекционных заболеваний; РСФСР; СССР.

Для цитирования: Ратникова В. И., Стрельникова Н. В., Стрельников И. А. Историко-правовые аспекты развития иммунопрофилактики инфекционных заболеваний в России // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 5. — С. 96–103. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.096-103.

Historical and Legal Aspects of the Development of Immunoprophylaxis of Infectious Diseases in Russia

Vasilisa I. Ratnikova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor,
Department of Civil, Business and Transport Law, Far Eastern State Transport University (FESTU),
Khabarovsk, Russian Federation
vitaflamma@gmail.com

Natalya V. Strelnikova, Cand. Sci. (Medicine), Associate Professor, Associate Professor,
Department of Microbiology, Virology and Immunology, Far Eastern State Medical University,
Khabarovsk, Russian Federation
jpdom@mail.ru

Igor A. Strelnikov, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages and Intercultural
Communication, Khabarovsk State University of Economics and Law, Khabarovsk, Russian Federation
jpreign@gmail.com

Abstract. The authors structure the regulatory legal acts underlying vaccination at the same time considering historical facts and background as prerequisites for the creation of a powerful protective preventive system of immunization of the population in the RSFSR, the USSR and Russia from 1919 to the present time. The paper analyzes the decree of the Council of People's Commissars of 1919 «On compulsory smallpox vaccination» and subsequent historical stages in the development of immunoprophylaxis of new and returning infections in Russia. A system of planned and emergency vaccination of children and adults has been created, enshrined in the decrees of the Council of People's Commissars, decrees and resolutions of the Council of People's Commissars of the RSFSR, orders of the USSR Ministry of Health, orders of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation, orders of the Ministry of Health of the Russian Federation, orders of the Government of the Russian Federation, federal laws. Artificial immunobiological preparations, vaccines and toxoids are used to prevent, contain and level out the social consequences of epidemics and pandemics for the purpose of sustainable development of the state and society as a whole. The Strategy for the development of immunoprophylaxis of infectious diseases for the period until 2035 highlights the national importance of the vaccine business. Vaccination not only prevents disease and premature death in immunized citizens, but also contributes to widespread advances in health, education, technological and economic development.

Keywords: immunization; compulsory smallpox vaccination; preventive vaccination schedule; routine and emergency vaccination; preventive vaccination record; preventive vaccination national schedule; vaccination for epidemic cause; legal basis for immunoprophylaxis of infectious diseases; RSFSR; USSR.

Cite as: Ratnikova VI, Strelnikova NV, Strelnikov IA. Historical and Legal Aspects of the Development of Immunoprophylaxis of Infectious Diseases in Russia. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(5):96-103. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.096-103.

В целях устойчивого развития государства и общества, а также предотвращения, сдерживания и нивелирования социальных последствий эпидемий и пандемий новых и возвращающихся инфекций значительный вклад в профилактику инфекционных заболеваний вносит вакцинное дело. Систематизация правовых основ вакцинопрофилактики проведена с параллельным рассмотрением исторических фактов и исторической ситуации как предпосылок для создания мощной защитной профилактической системы иммунизации населения России.

Уже в ранний период становления Советской власти, в условиях развития советской государственности, 10 апреля 1919 г. было принято решение о повсеместной обязательной иммунизации против натуральной оспы. Первый декрет Совета народных комиссаров¹ (СНК), касающийся специфической профилактики натуральной оспы, подписан председателем СНК В. Ульяновым (Лениным), народным комиссаром здравоохранения Н. Семашко. Стоит отметить, что старт обязательной вакцинации всех слоев населения против натуральной оспы был дан в тяжелых исторических условиях: голод, экономическая разруха, гражданская война, эпидемии холеры, оспы, туберкулеза. Указанный декрет вышел наряду с первыми декретами СНК и выделялся профилактической направленностью мер борьбы с тяжелыми, быстро передающимися инфекциями и санитарно-эпидемиологической значимостью. В декрете «Об обязательном оспопрививании» Совет народных комиссаров постановляет массовый охват оспенной вакцинацией против возбудителя особо опасной вирусной инфекции. Профилактические прививки от нату-

ральной оспы ставили всем детям в возрасте до года; лицам, поступающим в учебные заведения, призванным в армию или флот, поступившим в места заключения и тюрьмы, а также приюты и интернаты; рабочим и служащим.

Для создания специфической невосприимчивости к патогенным инфекционным агентам: вирусам, бактериям и их токсинам, возбудителям инфекционных болезней, — на заре Советской власти была создана система мероприятий, включающая первичную и вторичную иммунизацию (вакцинацию), т.е. применение искусственных иммунобиологических препаратов, вакцин и анатоксинов.

Система иммунопрофилактики охватывала пять направлений:

- 1) вакцинация детей (например, против натуральной оспы и туберкулеза);
- 2) вакцинация и ревакцинация взрослых (например, против натуральной оспы, дифтерии и столбняка);
- 3) вакцинация определенных групп населения (например, медицинский персонал, железнодорожные служащие);
- 4) вакцинация при наличии эпидемических показаний (например, против сибирской язвы);
- 5) вакцинация при выезде за границу (например, против желтой лихорадки).

В первые годы Советской власти уровень смертности, в том числе из-за эпидемий, достигал угрожающих размеров². Первоочередной задачей стала борьба с натуральной оспой и холерой³. В дальнейшем большое внимание стали уделять борьбе с дифтерией, скарлатиной, столбняком, брюшным тифом⁴, туберкулезом⁵ и другими бактериальными инфекционными заболеваниями.

¹ Декрет СНК от 10.04.1919 «Об обязательном оспопрививании» (документ утратил силу) // URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_451.htm (дата обращения: 21.07.2023).

² Панфилова В. И. Историко-правовой опыт обращения лекарственных средств в РСФСР : дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2019. С. 113.

³ Декрет СНК РСФСР от 27.04.1922 «О мерах борьбы с холерой» (документ утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление СНК РСФСР от 14.01.1934 № 54 «О создании запаса сывороток и вакцин на месте» (документ утратил силу) // URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3955.htm (дата обращения: 21.07.2023).

⁵ Постановление СНК РСФСР от 10.12.1934 «О мероприятиях по борьбе с туберкулезом» (документ утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

Стоит отметить, что все прививки ставились в обязательном порядке, однако ответственность за невыполнение требований об иммунизации можно найти только в нескольких актах. Например, в декрете СНК «Об обязательном оспопрививании» лица, уклоняющиеся от обязательного прививания и (или) не привившие детей, подлежат ответственности перед народным судом. Кроме того, в 1926 г. была введена норма об ответственности за «нарушение правил по охране народного здоровья, специально изданных в целях борьбы с эпидемиями» (ст. 181 УК РСФСР)⁶.

В пункте 12 постановления СНК РСФСР от 19.11.1939 № 655 «Об обязательном оспопрививании» устанавливалось, что виновные в уклонении от обязательных прививок против натуральной оспы привлекаются к ответственности по ст. 181 УК РСФСР. В пункте 5 постановления СНК РСФСР 29.04.1940 «О предохранительных прививках против дифтерии» также дается бланкетная норма на ст. 181 УК РСФСР. В остальных актах подобного рода устанавливались обязанности в отношении Наркомздрава РСФСР и впоследствии Министерства здравоохранения РСФСР по обеспечению и реализации мероприятий по иммунизации.

В Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. вместо ст. 181 была введена статья 222 (нарушение санитарно-эпидемиологических правил, если оно повлекло массовое распространение инфекционных заболеваний, за исключением ВИЧ-инфекции, или массовое отравление людей либо создало угрозу наступления тех же последствий)⁷. Тем самым была нивелирована возможность привлечения к ответственности лиц, уклоняющихся от прививок. В 1962 г. вышеуказанные пункты постановлений об ответственности за непрохождение вакцинации утратили силу⁸.

Главной вехой в развитии иммунопрофилактики инфекционных заболеваний в стране стали действия по систематизации иммунизации, а также развитие системы и методов иммунопрофилактики.

1. В 1954 г. появляются учетные документы: «История развития ребенка»⁹ (уч. ф. № 112, утверждена Минздравом СССР 16.07.1954), «Индивидуальная карта ребенка» (уч. ф. № 26, утверждена Минздравом СССР 16.07.1954) и «Журнал учета профилактических прививок» (уч. ф. № 64, утверждена Минздравом СССР 16.07.1954; для лиц от 16 лет и старше), куда включались как сведения о вакцинации и ревакцинации, так и иные, необходимые для определения здоровья данные, такие как генеалогическое древо с указанием близких и дальних, здоровых и больных родственников пробанда. Этот важный этап иммунопрофилактики населения закреплял полученные многолетние данные вакцинации индивида в утвержденных учетных формах: сроки иммунизации, дату вакцинации и ревакцинации, кратность ревакцинации, серию и номер вакцины, ее полное наименование, дозу, — и это можно было использовать спустя десятки лет. Все данные, касающиеся обследования ребенка и его вакцинации и ревакцинации, заносились одновременно в историю развития и карту. Архивные данные о всех видах вакцинации и возможных осложнениях у ребенка хранятся пять лет.

2. В 1958 г. предлагается Карта профилактических прививок (уч. ф. № 63, утверждена Министерством здравоохранения СССР 30.09.1958) как учетно-оперативный документ для регистрации профилактических прививок. Данная учетная форма № 63/у по проведению различных видов специфической профилактики имеет хождение в настоящее время.

---

⁶ Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (документ утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Постановление Совмина РСФСР от 03.10.1962 № 1327 «Об изменении и признании утратившими силу решений Правительства РСФСР в связи с введением в действие Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РСФСР и Закона о судостроительстве РСФСР» // СПС РСФСР. 1962. № 19. Ст. 98.

⁹ Инструктивные указания по учету и отчетности о профилактических прививках (утв. Минздравом СССР 01.09.1967) (документ утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

3. В 1960 г. вводится Медицинская книжка ребенка (уч. ф. № 25-р, утверждена Министерством здравоохранения СССР 20.07.1960), находящаяся на руках у родителей.

4. В 1966 г. утверждены сроки проведения профилактических прививок детям и подросткам¹⁰. Одиннадцать видов прививок для детей от пятого дня жизни до 17 лет. Применялись отечественные иммунобиологические препараты против туберкулеза, полиомиелита, дифтерии, коклюша, столбняка, натуральной оспы, брюшного тифа, туляремии, бруцеллёза, лептоспироза, клещевого энцефалита.

В медицинских и иных учреждениях, где осуществлялась иммунизация, таких как ясли, велся учет всех проводимых профилактических прививок. К 1967 г.¹¹ их насчитывалось 16: против натуральной оспы, дифтерии, коклюша, полиомиелита, кори, брюшного тифа, туберкулеза, туляремии, бруцеллёза, сибирской язвы, гриппа, столбняка; в том числе прививки столбнячным анатоксином, проводимые при травмах, ожогах и обморожениях, против бешенства, эпидемического паротита, клещевого (весенне-летнего) энцефалита, лептоспироза.

В 1969 и 1971 гг. появляются первые основы здравоохранения¹², в которых закреплялись нормы о предупреждении и ликвидации инфекционных вакциноуправляемых заболеваний, в частности при помощи профилактических прививок. Стоит отметить, что вакцинация являлась не единственным методом по предупреждению эпидемий, но важной составляющей противоэпидемических мероприятий.

Новые сроки с разделением на две группы — плановые и по эпидемическим показаниям — были установлены в 1973 г.¹³ и экономически рассчитывались на 19 препаратов: против туберкулеза, полиомиелита, дифтерии, коклюша, столбняка, натуральной оспы, кори, брюшного тифа, туляремии, бруцеллёза, лептоспироза, клещевого энцефалита, сибирской язвы, холеры, чумы и желтой лихорадки.

5. В 1980 г. утверждается Календарь профилактических прививок¹⁴. Им закреплялась плановая вакцинация в качестве плановой специфической профилактики в отношении туберкулеза, полиомиелита, дифтерии, коклюша, столбняка, паротита, кори, брюшного тифа, туляремии, бруцеллёза, сибирской язвы, лептоспироза, холеры, чумы, лихорадки Ку, клещевого энцефалита и гриппа. Семнадцать вакцин от пятого дня жизни до 30 лет. Кроме гриппа, иммунизация против которого должна была проводиться в межэпидемический период ежегодно. Плановая вакцинация в отношении ряда заболеваний, таких как клещевой энцефалит и лихорадка Ку, проводилась населению и (или) отдельным профессиональным группам, проживающим в эндемичных или энзоотичных территориях. Из календаря в 1980 г. исключена вакцинация против натуральной оспы.

На территории Российской Федерации вышеуказанный Календарь профилактических прививок был отменен в декабре 1997 г.¹⁵ Вместо него был утвержден Национальный календарь профилактических прививок. В него были вклю-

¹⁰ Приказ Министерства здравоохранения СССР от 28.12.1966 № 990 «О сроках проведения профилактических прививок детям и подросткам» (документ утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Инструктивные указания по учету и отчетности о профилактических прививках (утв. Минздравом СССР 01.09.1967) (документ утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Закон СССР от 19.12.1969 № 4589-VII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении» (документ утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс»; Закон РСФСР от 29.07.1971 «О здравоохранении» (документ утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Приказ Минздрава СССР от 25.04.1973 № 322 «О сроках проведения профилактических прививок» (документ утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Приказ Минздрава СССР от 14.01.1980 № 50 «О календаре профилактических прививок и основных положениях об их организации и проведении» (документ утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 18.12.1997 № 375 «О календаре профилактических прививок» (документ утратил силу) // URL: <https://e-ecolog.ru/docs/sbUwst-5znbovec9JnJkX> (дата обращения: 24.07.2023).

чены вакцины от туберкулеза (БЦЖ / БЦЖ-М); от коклюша, дифтерии и столбняка (АКДС); моновалентный препарат «Анатоксин дифтерийный» (АД-М); «Анатоксин дифтерийный и столбнячный» (АДС-М); вакцины против детских вирусных инфекций, таких как полиомиелит, корь, эпидемический паротит, краснуха. Наряду с ним, приняты Календарь профилактических прививок против вирусного гепатита В и Календарь профилактических прививок против инфекционных заболеваний, проведение которых необходимо в эндемичных или энзоотичных территориях и по эпидемическим показаниям (чума, туляремия, бруцеллёз, сибирская язва, лептоспироз, лихорадка Ку, клещевой энцефалит, брюшной тиф, грипп, желтая лихорадка). Первую дозу вакцины от гепатита В из трех для законченной вакцинации V_1 стали ставить в течение первых 24 часов жизни ребенка.

Впервые в истории страны в акте предусматривается, что могут быть использованы вакцины как отечественного, так и зарубежного производства. Закреплялся единый перечень медицинских противопоказаний и ложных противопоказаний к проведению профилактических прививок.

6. В 1998 г. был принят первый федеральный закон, закрепляющий правовые основы государственной политики в области иммунопрофилактики инфекционных болезней¹⁶. Им были утверждены легальный понятийный аппарат в данной области, а также право граждан на социальную защиту при возникновении поствакцинальных осложнений.

В целях реализации данного закона в 2001 г. были утверждены Национальный календарь

профилактических прививок, в который были включены вакцины, профилактирующие гепатит В, туберкулез, дифтерию, коклюш, столбняк, полиомиелит, эпидемический паротит, корь, краснуху, и Календарь профилактических прививок по эпидемическим показаниям. В перечень профилактических вакцин по эпидемическим показаниям включали препараты от туляремии, чумы, бруцеллёза, сибирской язвы, бешенства, лептоспироза, клещевого энцефалита, лихорадки Ку, желтой лихорадки, брюшного тифа, менингококковой инфекции, гепатита А, гепатита В, гриппа, эпидемического паротита, кори, дифтерии и холеры. Возраст ребенка для постановки вакцины от гепатита В уменьшили до первых 12 часов жизни новорожденного.

Впоследствии календари изменялись трижды: в 2011¹⁷, 2014¹⁸ и 2021 гг.¹⁹ Это происходило в связи с появлениями новых технологий и сведений об иммунопрофилактике, появлением вакцин улучшенного качества, а также возникновением необходимости иммунизации населения от ряда заболеваний. Так, в 2011 г. в календари прививок стали входить вакцины против гемofilьной инфекции b, гриппа и шигеллеза (бактериальной дизентерии). В дальнейшем в календарь добавили прививки против ротавирусной инфекции, ветряной оспы, новой коронавирусной инфекции SARS-CoV-2. Это вызывает регулирование ситуаций, связанных не только с появлением новых, неизученных вирусных заболеваний, таких как COVID-19, но и с возвращением старых инфекций, уже решенных в РСФСР проблем. Спустя несколько десятилетий вновь появилась необходимость иммунизации против ветряной оспы. За последние три года —

¹⁶ Федеральный закон от 17.09.1998 № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Приказ Минздравсоцразвития России от 31.01.2011 № 51н «Об утверждении национального календаря профилактических прививок и календаря профилактических прививок по эпидемическим показаниям» (документ утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Приказ Минздрава России от 21.03.2014 № 125н «Об утверждении национального календаря профилактических прививок и календаря профилактических прививок по эпидемическим показаниям» (документ утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Приказ Минздрава России от 06.12.2021 № 1122н «Об утверждении национального календаря профилактических прививок, календаря профилактических прививок по эпидемическим показаниям и порядка проведения профилактических прививок» // СПС «КонсультантПлюс».

с 2020 по 2022 г. — число зарегистрированных случаев ветряной оспы выросло с 490 058 до 648 751²⁰.

7. В 2020 г. была утверждена Стратегия развития иммунопрофилактики инфекционных болезней на период до 2035 года²¹. Это новый этап совершенствования сферы иммунизации, учитывающий не только уровень заболеваемости, но и обеспеченность специфическими иммунобиологическими препаратами (вакцинами, анатоксинами), создающими активный искусственный иммунитет; их эффективность и качество; социальную поддержку граждан в случае поствакцинальных осложнений; содействие научным сообществам при разработке вакцин и в области иммунопрофилактики инфекционных болезней и др.

Иммунизация в исторической ретроспективе играла и по-прежнему играет важную роль в борьбе с инфекционными заболеваниями и защите жизни и здоровья человека и общества. Она позволяет повысить способность детей сопротивляться инфекциям. Однако стоит учитывать такие аспекты, как противопоказания и возможные поствакцинальные осложнения, в том числе связанные с необходимостью выявления и лечения иммунодефицитных и иных состояний, при которых вакцинация может ухудшить состояние конкретного ребенка.

Прививки должны проводиться с учетом персонифицированного подхода, в общем комплексе с другими санитарно-эпидемическими мероприятиями неспецифической профилактики, направленными на предупреждение и лечение инфекционных заболеваний. Исследования К. Е. Моисеевой и А. В. Алексеевой показали, что более 66 % причин отказов от вакцинации

составляет боязнь поствакцинальных осложнений²².

Несмотря на массив нормативных правовых актов, многоаспектно охватывающих разные уровни мероприятий по иммунизации, правовая составляющая сферы иммунизации должна коррелировать с индивидуальными особенностями пациентов, особенно несовершеннолетних²³.

Стоит предусмотреть не только разъяснительную форму об иммунопрофилактике инфекционных болезней, но и возможность заблаговременного проведения исследования иммунограммы, чтобы исключить иммунодефицит и его последствия в виде поствакцинального осложнения на этапе подготовки к плановой вакцинации. Кроме того, целесообразно рассмотреть необходимость для исследования причин наличия в семье врожденного или приобретенного иммунодефицита, что в настоящее время не является противопоказанием к проведению профилактической прививки, но предполагает большую ответственность врача и осторожность для иммунопрофилактики ребенка.

Риск появления отрицательных для организма человека реакций на прививку уменьшится, если ввести обязательный иммунологический паспорт ребенка по прототипу существовавшей в Советском государстве учетной формы 063/у, с включением новых возможностей, представленных на современном этапе развития страны, в частности, охватывать генеалогическое древо семьи в части здоровья и заболеваний иммунной системы, шире использовать положительные стороны информатизации и цифровизации. Это также внесет существенный вклад в реализацию Стратегии развития в части исследований

²⁰ Число зарегистрированных случаев инфекционных заболеваний // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) : официальный сайт. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/38208> (дата обращения: 25.07.2023).

²¹ Распоряжение Правительства РФ от 18.09.2020 № 2390-р «Об утверждении Стратегии развития иммунопрофилактики инфекционных болезней на период до 2035 года» // СПС «КонсультантПлюс».

²² Моисеева К. Е., Алексеева А. В. Основные причины отказов от вакцинации // Социальные аспекты здоровья населения. 2019. № 5 (65).

²³ Панфилова В. И., Стрельникова Н. В. К вопросу о правовых основах учета иммунологического исследования статуса несовершеннолетнего // Актуальные проблемы права. 2020. № 7. С. 110.

довакцинального и поствакцинального иммунитета, что положительно скажется на состоянии здоровья населения страны и нивелирует возможные отказы от иммунизации.

Таким образом, вакцинация будет не только предотвращать заболеваемость и преждевременную смерть иммунизированных граждан, но

и способствовать широкомасштабным достижениям в области здравоохранения, образования, технологического и экономического развития. Расширение доступа к услугам по профилактике ряда социально значимых заболеваний имеет решающее значение для устойчивого развития государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Моисеева К. Е., Алексеева А. В. Основные причины отказов от вакцинации // Социальные аспекты здоровья населения. — 2019. — № 5 (65).
2. Панфилова В. И. Историко-правовой опыт обращения лекарственных средств в РСФСР : дис. ... канд. юрид. наук. — Белгород, 2019. — 255 с.
3. Панфилова В. И., Стрельникова Н. В. К вопросу о правовых основах учета иммунологического исследования статуса несовершеннолетнего // Актуальные проблемы права. — 2020. — № 7. — С. 108–111.

Материал поступил в редакцию 26 августа 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Moiseeva K. E., Alekseeva A. V. Osnovnye prichiny otkazov ot vaktsinatsii // Sotsialnye aspekty zdorovya naseleniya. — 2019. — № 5 (65).
2. Panfilova V. I. Istoriko-pravovoy opyt obrashcheniya lekarstvennykh sredstv v RSFSR: dis. ... kand. yurid. nauk. — Belgorod, 2019. — 255 s.
3. Panfilova V. I., Strelnikova N. V. K voprosu o pravovykh osnovakh ucheta immunologicheskogo issledovaniya statusa nesovershennoletnego // Aktualnye problemy prava. — 2020. — № 7. — S. 108–111.

Об обязательности разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена вопросу, обладают ли разъяснения Пленума Верховного Суда РФ обязательной силой. По мнению автора, условиями их обязательности являются актуальность, непротиворечивость и теоретическая безупречность. В статье приводятся примеры разъяснений, утративших актуальность в связи с изменениями в уголовном законе, а также разъяснений, не согласующихся с буквой закона (например, о квалификации по совокупности преступлений насильственных действий и угрозы насилием в отношении других лиц при изнасиловании). Противоречивость правовых позиций Верховного Суда РФ усматривается в оценке применения негодного, бутафорского или игрушечного оружия, с одной стороны, при бандитизме и разбое, а с другой — при хулиганстве, а также в оценке беспомощного состояния жертвы убийства и изнасилования. Позиция Верховного Суда РФ по вопросу о субъекте нарушения правил охраны труда, по мнению автора, не соответствует позиции законодателя по этому же вопросу. Не соответствующим закону и доктрине уголовного права представляется разъяснение о квалификации как оконченного преступления дачи-получения взятки в значительном, крупном или особо крупном размере по направленности умысла, если передача предмета преступления планировалась в несколько приемов, но преступление было прервано до того, как размер взятки достиг предполагаемой суммы. Нарушение требований актуальности, непротиворечивости и теоретической безупречности несовместимо с обязательностью разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: разъяснения; Пленум; Верховный Суд РФ; актуальность; непротиворечивость; теоретическая безупречность; признак вооруженности; беспомощное состояние потерпевшего; размер взятки; квалификация преступления.

Для цитирования: Рарог А. И. Об обязательности разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 5. — С. 104–112. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.104-112.

© Рарог А. И., 2024

* Рарог Алексей Иванович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный юрист города Москвы, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
alek.rarog@yandex.ru

Binding Nature of Clarifications from the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation

Aleksey I. Rarog, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation,
Honorary Lawyer of the City of Moscow, Professor, Department of Criminal Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
alek.rarog@yandex.ru

Abstract. The paper is devoted to the question of whether the clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation have binding force. According to the author, the obligatory conditions for their binding nature are relevance, consistency and theoretical impeccability. The paper provides examples of clarifications that have lost relevance due to changes in the criminal law, as well as clarifications that do not comply with the letter of the law (for example, on the classification of violent crimes and threats of violence against other persons during rape). The inconsistency of the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation is seen in the assessment of the use of defective, fake or toy weapons, on the one hand, in banditry and robbery, and on the other hand, in hooliganism, as well as in the assessment of the helpless state of the victim of murder and rape. The position of the Supreme Court of the Russian Federation on the subject of violation of labor protection rules, in the author's opinion, does not correspond to the position of the legislator on the same issue. The clarification as to the qualification of giving and receiving a bribe in a significant, large or especially large amount as a completed crime according to the intent, if there were several stages planned for the transfer of such, but the crime was interrupted before it was finalized, seems inconsistent with the law and the doctrine of criminal law. Violation of the requirements of relevance, consistency and theoretical impeccability is incompatible with the binding clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: clarifications; Plenum; Supreme Court of the Russian Federation; relevance; consistency; theoretical impeccability; armament; helpless state of the victim; bribe size; qualification of the crime.

Cite as: Rarog AI. Binding Nature of Clarifications from the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(5):104-112. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.104-112.

Являются ли обязательными разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам? Этот вопрос рассматривался многими российскими учеными¹. Да и автор этих строк не раз писал на эту тему, приводя юридические и логические аргументы против признания обязательности разъяснений Пленума Верховного Суда РФ².

Ответ на вопрос об обязательной силе разъяснений Пленума Верховного Суда РФ должен

быть определенным и безоговорочным: не смогут одни предписания иметь обязательную силу, а другие — нет.

Нормативная (обязательная) сила властных предписаний определяется их актуальностью, непротиворечивостью и теоретической безупречностью.

Актуальность нормативных предписаний означает, что они на день применения воспринимаются безоговорочно и буквально: право-

---

¹ См., например: Кропачев Н. М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб., 1999 ; Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002 ; Бибики О. Н. Источники уголовного права Российской Федерации. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2006 ; Обращивев К. В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.

² См.: Рарог А. И. Правовое значение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Государство и право. 2001. № 2 ; Он же. Роль Верховного Суда РФ в формировании судебной практики по уголовным делам // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы IV Международной научно-практической

применитель обязан выполнить их, исходя из того, что в них воплощена воля законодателя, сформированная на сегодня. Этому требованию отвечают далеко не все разъяснения Пленума Верховного Суда РФ. Ведь в структуре Суда нет подразделения, обязанного осуществлять повседневный контроль за точным и полным соответствием всех ранее данных разъяснений уголовному закону в его действующей редакции. Из-за этого некоторые разъяснения полностью утрачивают практическую полезность и приобретают рудиментарный характер ввиду несоответствия актуальной редакции уголовно-правовых норм.

Устарелость некоторых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ носит, если так можно выразиться, безобидный характер, поскольку заключаются в толковании терминов, которых уже нет в действующем законе. Например, в абз. 2 и 3 п. 3 постановления от 18.11.2004 № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве»³ дается толкование таких понятий, как «осуществление предпринимательской деятельности с нарушением правил регистрации» и «представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, документов, содержащих заведомо ложные сведения», а в абз. 2 п. 4 — понятия «осуществление предпринимательской деятельности с нарушением лицензионных требований и условий». Этими терминами обозначались признаки объективной стороны преступления в первоначальной редакции ст. 171 УК РФ, но Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ они были исключены из этой нормы. Федеральный закон от 26.07.2019 № 207-ФЗ дополнил объективную сторону преступления признаком осуществления предпринимательской деятельности

без необходимой аккредитации, содержание которого Верховным Судом РФ до сих пор не разъяснено.

Другим примером безвредной устарелости правовой позиции Верховного Суда РФ служит следующее разъяснение: «В случае, если террористический акт повлек умышленное причинение смерти человеку (либо двум и более лицам), содеянное охватывается пунктом “б” части 3 статьи 205 УК РФ и дополнительной квалификации по статье 105 УК РФ не требует» (п. 9 постановления Пленума от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»). Несоответствие процитированного разъяснения действующему закону заключается в том, что пункт «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ в редакции Федерального закона от 28.04.2023 № 157-ФЗ придает квалифицирующее значение причинению при теракте смерти человеку *независимо от формы вины*.

Подобные разъяснения можно считать безобидными, поскольку правоприменитель просто их игнорирует.

Но в других случаях разъяснения касаются правил квалификации преступлений, поэтому отступление от них не вписывается в теорию обязательности таких разъяснений. Так, Пленум Верховного Суда РФ предписывает убийство, сопряженное с захватом заложника, квалифицировать по совокупности п. «в» ч. 2 ст. 105 и ст. 206 УК РФ (абз. 2 п. 7 постановления от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»). Но пункт «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ в редакции Федерального закона от 27.07.2009 № 215-ФЗ не содержит упоминания об убийстве, сопряженном с захватом заложника, поэтому выполнение предписания Верховного Суда РФ вступило бы в явное противоречие с законом. На это нам приходилось

конференции, 25–26 января 2007 г. М. : Велби, 2007 ; *Он же*. Роль судебной практики в развитии науки уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы VI Международной научно-практической конференции, 29–30 января 2009 г. М. : МГЮА, 2009.

³ Здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

обращать внимание еще в 2018 г.⁴, но и спустя шесть лет отмеченный рудимент сохраняется.

Требование непротиворечивости означает, что разъяснения не могут противоречить ни закону, ни правовым позициям самого Пленума Верховного Суда РФ. Однако это требование соблюдается не всегда. Так, в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» сказано: «По смыслу статьи 17 УК РФ, если при изнасиловании или совершении насильственных действий сексуального характера в целях преодоления сопротивления потерпевшего лица применялось насилие или выражалась угроза применения насилия в отношении других лиц (к примеру, близкого родственника потерпевшей), такие действия требуют дополнительной квалификации по иным статьям Особенной части УК РФ».

Прежде всего следует отметить некорректность ссылки на ст. 17 УК РФ. В ней речь идет о совершении двух и более преступлений, а изнасилование — это преступление, в котором половое сношение и насилие образуют необходимое единство. В статьях 131 и 132 УК РФ законодатель связывает использование беспомощного состояния только с потерпевшим, а что касается насилия или угрозы насилием, то закон предусматривает их применение *как к потерпевшим, так и к другим лицам*. По смыслу закона беспомощное состояние потерпевшего используется только лицом, совершающим действия сексуального характера, а насильственные действия или угроза насилием как способ преодоления сопротивления со стороны жертвы или других лиц могут быть совершены не только собственноразлично, но и соисполнителями преступления.

Насилие или угроза насилием — составные части объективной стороны преступлений, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ. Это наиболее очевидно в случаях, когда соисполнительство исчерпывается только насильственными действиями или угрозой применения насилия (как к потерпевшим, так и к другим лицам) без совершения действий сексуального характера. Действия таких соисполнителей, разумеется, должны квалифицироваться как изнасилование или насильственные действия сексуального характера, а вопрос о дополнительной квалификации на практике даже не возникает.

Совершенно ясно, что выполнить вышеуказанное предписание Пленума Верховного Суда РФ без нарушения закона невозможно.

Обязательность предписаний Верховного Суда РФ непременно должна опираться на однозначность и незыблемость правовых позиций высшего судебного органа страны. Между тем в ряде вопросов правовые позиции Верховного Суда РФ этому требованию не удовлетворяют.

В пункте 4 постановления Пленума ВС РФ от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» говорится: «Применение в ходе совершения хулиганства незаряженного, неисправного, непригодного оружия (например, учебного) либо декоративного, сувенирного оружия, оружия-игрушки и т.п. дает основание для квалификации содеянного по пункту “а” части 1 статьи 213 УК РФ»⁵.

Изложенная позиция Верховного Суда РФ не соответствует его же пониманию признака вооруженности при бандитизме⁶ и разбое⁷, при совершении которых использование непригодного к целевому применению оружия или его макетов Верховным Судом РФ не признается

---

⁴ См.: Рарог А. И., Нуркаева Т. Н. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» нуждается в обновлении // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 4 (66). С. 48–52.

⁵ Применительно к действующей редакции закона речь идет о ч. 2 ст. 213 УК РФ.

⁶ П. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм».

⁷ Абз. 4 п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое».

признаком вооруженности. Противоречивость в этом вопросе позиции Верховного Суда РФ не раз отмечалась учеными, полагающими, что вооруженность всегда должна пониматься как использование конструктивных поражающих свойств оружия⁸. Именно так трактовал вооруженность Верховный Суд РСФСР, который не признал признака вооруженности в хулиганских действиях Рощина, нанесшего удар своей жене рукояткой ножа, так как применение холодного оружия заключается в использовании его колюще-режущих свойств⁹.

Действительно, использование оружия повышает степень общественной опасности преступления, поскольку ставит под угрозу жизнь и здоровье потерпевшего, выступающие дополнительным объектом, а если деяние объективно не ставит в опасность жизнь и здоровье, то и нет оснований констатировать наличие признака вооруженности. Поэтому правильным представляется утверждение, что «нет основания говорить о применении оружия, когда виновный угрожает негодным или незаряженным оружием, демонстрирует оружие без намерения его применить, а равно когда угрожает предметами, имитирующими оружие, если они не использовались как средство насилия»¹⁰.

Не отличается последовательностью и позиция Верховного Суда РФ в отношении признака беспомощности потерпевшего лица.

В пункте 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 беспомощность трактуется как неспособность лица в силу физического или психического состояния (например, тяжелая болезнь, престарелый возраст, психические расстройства, лишаящие способности правильно воспринимать происходящее) *защитить себя*, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство.

При изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера беспомощность понимается Верховным Судом РФ как *неспособность лица понимать* характер и значение совершаемых с ним действий *либо оказать сопротивление* виновному в силу физического или психического состояния (слабоумие или другое психическое расстройство, физические недостатки, иное болезненное либо бессознательное состояние), возраста (малолетнее или престарелое лицо) или иных обстоятельств (п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16). Особое внимание Пленум Верховного Суда РФ уделяет состоянию опьянения, разъясняя, что беспомощным состоянием может быть признана лишь такая степень опьянения, вызванного употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих (психоактивных) веществ, которая лишала это лицо возможности понимать характер и значение совершаемых с ним действий *либо оказать сопротивление* виновному лицу (п. 6 того же постановления).

Таким образом, состоянию беспомощности Верховным Судом РФ уделяется внимание применительно к убийству и посягательствам на половую свободу и половую неприкосновенность. Между тем беспомощность потерпевшего выходит далеко за рамки этих преступлений: она является отягчающим обстоятельством при совершении любых преступлений (п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ) и квалифицирующим признаком в составах многих насильственных преступлений. Поэтому важно выработать единое понятие беспомощного состояния, пригодное для квалификации всех преступлений, состав которых включает этот признак.

Пленум Верховного Суда РФ не дает оценки состоянию сна в связи с признаком беспомощности потерпевшего ни при убийстве, ни при

⁸ См., например: Сидоренко Э. Л. Вооруженное хулиганство: парадоксы криминализации // Общество и право. 2015. № 1 (51). С. 69–72 ; Богданова М. Ю. Уголовная ответственность за хулиганство по российскому уголовному законодательству. Томск, 2019. С. 37.

⁹ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1978. № 6. С. 10.

¹⁰ Уголовное право России : учебник для вузов : в 2 т. Т. 1 : Общая часть / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. М. : Норма, 2006. С. 394.

изнасиловании. Представляется, что состояние сна как разновидность бессознательности, при которой потерпевший не способен воспринимать окружающую действительность и принимать меры к самосохранению, означает именно беспомощность в фактическом и юридическом смысле. Этому мнению придерживаются многие ученые, иллюстрируя свою позицию примерами из судебной практики¹¹. И в самом деле, степень общественной опасности преступления нисколько не зависит от того, «накачал» ли виновный свою жертву алкоголем, наркотическими средствами или снотворным, приведя ее таким коварным способом в бессознательное состояние и создав тем самым возможность беспрепятственного совершения задуманного деяния (убийства, изнасилования или иного преступления). Определяющим следует признать именно тот факт, что усилиями виновного вызвано специфическое физическое или психическое состояние лица, при котором оно не может осознать грозящей ему опасности или принять меры к самосохранению.

Для того чтобы разъяснения Пленума Верховного Суда РФ имели обязательную силу, они должны быть теоретически безупречными и не должны вызывать научных возражений. К сожалению, не каждое разъяснение отвечает этому требованию.

В некоторых случаях противоречивой представляется сама правовая позиция Верховного Суда РФ. Например, высший судебный орган непоследователен в трактовке объективной стороны состава похищения человека.

В абзаце 1 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека,

незаконном лишении свободы и торговле людьми» объективная сторона похищения человека определяется как «его незаконные захват, перемещение и последующее удержание в целях совершения другого преступления либо по иным мотивам, которые для квалификации содеянного значения не имеют». Отсюда объективная сторона похищения человека понимается Судом как *триединство действий*: захвата, перемещения и удержания. Но в следующем абзаце того же пункта признание похищения человека окончанным преступлением связывается с моментом захвата и начала перемещения потерпевшего, т.е. удержание выводится за рамки объективной стороны, которая от трех сократилась до двух действий¹². Таким образом, трактовка объективной стороны не согласуется с определением момента окончания данного преступления.

В пункте 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2018 № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов» содержится следующее положение: «По смыслу части 1 статьи 143 УК РФ субъектами данного преступления могут быть руководители организаций, их заместители, главные специалисты, руководители структурных подразделений организаций, специалисты службы охраны труда и иные лица, на которых в установленном законом порядке (в том числе в силу их служебного положения или по специальному распоряжению) возложены обязанности по обеспечению соблюдения требований охраны труда».

---

¹¹ См., например: Андреева Л. А. Квалификация изнасилований : учеб. пособие. СПб., 1999 ; Андреева Л. А., Цэнгэл С. Д. Квалификация изнасилований : учеб. пособие. 3-е изд. СПб., 2005. С. 13–14 ; Волошин И. А., Сувилех А. М. Изнасилование с использованием беспомощного состояния потерпевшей // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4 (70). С. 127 ; Сыпачев А. Ю. Беспомощное состояние потерпевшего как признак изнасилования (по материалам судебно-следственной практики Тюменской области) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 15. С. 1931–1935.

¹² См.: Кленова Т. В. О фактической конкуренции уголовного закона и судебной практики // Уголовное законодательство: стратегия развития в XXI веке : материалы XIX Международной научно-практической конференции, 20–21 января 2022 г. М. : МГЮА ; Проспект, 2022. С. 82.

В данном разъяснении Пленум Верховного Суда РФ, по сути, воспроизводит позицию Пленума Верховного Суда СССР, изложенную в постановлении от 30.05.1967 № 4 «О практике рассмотрения судебных дел, связанных с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности, и повышении роли судов в предупреждении этих правонарушений», и позицию Пленума Верховного Суда РСФСР, сформулированную в постановлении от 23.04.1991 № 1 «О судебной практике по делам о нарушениях правил охраны труда и безопасности при ведении горных, строительных или иных работ».

Эта позиция логически вытекала из буквы ст. 140 УК РСФСР 1960 г., согласно которой субъектами преступления были должностные лица, на которых в силу служебного положения или по специальному распоряжению возлагалась обязанность обеспечивать или контролировать соблюдение правил техники безопасности, промышленной санитарии или иных правил охраны труда. К таким лицам практика относил инженера по технике безопасности, инспектора по охране труда, технического руководителя и т.п. Но в ст. 143 УК РФ круг субъектов преступления обозначен иначе: норма адресована лицам, которые обязаны не *обеспечивать* соблюдение, а *соблюдать* требования охраны труда. Важно, что законодатель разграничивает эти понятия: в ч. 1 ст. 263.1 УК РФ установлена ответственность за *несоблюдение* транспортной безопасности, а в ч. 2 этой же статьи — за неисполнение требований по *обеспечению* транспортной безопасности.

Полагая, что субъектами преступления по ст. 143 УК РФ могут быть только лица, на которых «возложена обязанность обеспечивать соблюдение правил охраны труда на определенном участке работ», Верховный Суд РФ, по мнению специалистов, «фактически корректирует содержание ст. 143 УК РФ»¹³, выходя за рамки своих полномочий. Если, по мнению высшего судебного органа страны, круг субъектов преступления необходимо обозначить более узко, он вправе в порядке законодательной инициа-

тивы поставить об этом вопрос перед Государственной Думой Федерального Собрания РФ. Но подправлять закон он не может.

Сопоставление статей 143 и 263.1 УК РФ вынуждает сделать вывод, что к лицам, на которых возложена обязанность по соблюдению соответствующих правил, относятся, во-первых, лица, обязанные непосредственно *соблюдать* правила безопасности труда, и, во-вторых, лица, обязанные *обеспечивать соблюдение* этих правил.

В пункте 11.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 4 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (введен 14.12.2019) сказано: «Если взяткодатель намеревался передать, а должностное лицо — получить взятку в значительном или крупном либо в особо крупном размере, однако фактически принятое должностным лицом незаконное вознаграждение не составило указанного размера, содеянное надлежит квалифицировать как оконченные дачу либо получение взятки соответственно в значительном, крупном или особо крупном размере. Например, когда взятку в крупном размере предполагалось передать в несколько приемов, а взяткополучатель был задержан после передачи ему первой части взятки, не образующей такой размер, содеянное должно квалифицироваться по пункту “в” части 5 статьи 290 УК РФ». Данное разъяснение противоречит как закону, так и уголовно-правовой доктрине.

Статьей 8 УК РФ установлено, что основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления. Это положение касается не только основного состава преступления, но и его квалифицированных и особо квалифицированных видов. Отсутствие хотя бы одного из признаков, указанных в уголовно-правовой норме, исключает применение данной нормы. Если виновному не удалось довести деяние до конца или достигнуть нужного ему результата, то содеянное, в соответствии с ч. 3 ст. 30 УК РФ,

¹³ Рыбалка А. А. Уголовно-правовая охрана трудовых прав личности: международные стандарты и проблемы реализации в российском законодательстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. С. 19.

представляет собой покушение на начатое преступление. Уголовно-правовая доктрина последовательно исходила из того, что продолжаемые преступления, прерванные до того, как наступят намеченные виновным последствия, играющие роль обязательного, квалифицирующего или особо квалифицирующего признака, необходимо оценивать как покушение на преступление с соответствующим признаком. Так, продолжаемое хищение с целью завладения чужим имуществом в крупном размере, прерванное до того, как размер стал крупным, следует квалифицировать как покушение на хищение в крупном размере. А систематическое подмешивание

несмертельной дозы ядовитого вещества в пищу жертвы с целью причинить смерть суммарным накоплением яда в организме надлежит квалифицировать как покушение на убийство, хотя отравление реально причинило тяжкий или средней тяжести вред здоровью. Однако по логике Верховного Суда РФ, выраженной применительно к взяточничеству и коммерческому подкупу, и в этих гипотетических примерах деяния по направленности умысла должны квалифицироваться как оконченные преступления (хищение или убийство). К счастью, до такого отступления от закона и уголовно-правовой доктрины дело пока не дошло.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андреева Л. А. Квалификация изнасилований : учеб. пособие. — СПб., 1999. — 41 с.
2. Андреева Л. А., Цэнгэл С. Д. Квалификация изнасилований : учеб. пособие. — 3-е изд. — СПб., 2005. — 67 с.
3. Бибик О. Н. Источники уголовного права Российской Федерации. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2006. — 240 с.
4. Богданова М. Ю. Уголовная ответственность за хулиганство по российскому уголовному законодательству. — Томск, 2019. — 89 с.
5. Волошин И. А., Сувилех А. М. Изнасилование с использованием беспомощного состояния потерпевшей // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. — 2018. — Т. 4 (70). — С. 124–129.
6. Кленова Т. В. О фактической конкуренции уголовного закона и судебной практики // Уголовное законодательство: стратегия развития в XXI веке : материалы XIX Международной научно-практической конференции, 20–21 января 2022 г. — М. : МГЮА ; Проспект, 2022. — С. 79–85.
7. Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. — 346 с.
8. Кропачев Н. М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. — СПб., 1999. — 260 с.
9. Ображиев К. В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2014. — 587 с.
10. Рарог А. И. Правовое значение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Государство и право. — 2001. — № 2. — С. 51–57.
11. Рарог А. И. Роль Верховного Суда РФ в формировании судебной практики по уголовным делам // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы IV Международной научно-практической конференции, 25–26 января 2007 г. — М. : Велби, 2007. — С. 4–10.
12. Рарог А. И. Роль судебной практики в развитии науки уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы VI Международной научно-практической конференции, 29–30 января 2009 г. — М. : МГЮА, 2009. — С. 3–9.
13. Рарог А. И., Нуркаева Т. Н. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» нуждается в обновлении // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — № 4 (66). — С. 48–52.
14. Рыбалка А. А. Уголовно-правовая охрана трудовых прав личности: международные стандарты и проблемы реализации в российском законодательстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2016. — 30 с.

15. Сидоренко Э. Л. Вооруженное хулиганство: парадоксы криминализации // Общество и право. — 2015. — № 1 (51). — С. 69–72.
16. Сыпачев А. Ю. Беспомощное состояние потерпевшего как признак изнасилования (по материалам судебно-следственной практики Тюменской области) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2016. — Т. 15. — С. 1931–1935.
17. Уголовное право России : учебник для вузов : в 2 т. Т. 1 : Общая часть / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. — М. : Норма, 2006. — 591 с.

Материал поступил в редакцию 1 октября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Andreeva L. A. Kvalifikatsiya iznasilovaniy: ucheb. posobie. — SPb., 1999. — 41 s.
2. Andreeva L. A., Tsengel S. D. Kvalifikatsiya iznasilovaniy: ucheb. posobie. — 3-e izd. — SPb., 2005. — 67 s.
3. Bibik O. N. Istochniki ugovnogo prava Rossiyskoy Federatsii. — SPb.: Yuridicheskiy tsentr-Press, 2006. — 240 s.
4. Bogdanova M. Yu. Ugolovnaya otvetstvennost za khuliganstvo po rossiyskomu ugolovnomu zakonodatelstvu. — Tomsk, 2019. — 89 s.
5. Voloshin I. A., Suvilekh A. M. Iznasilovanie s ispolzovaniem bespomoshchnogo sostoyaniya poterpevshey // Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. — 2018. — Т. 4 (70). — С. 124–129.
6. Klenova T. V. O fakticheskoy konkurentsii ugolovnogo zakona i sudebnoy praktiki // Ugolovnoe zakonodatelstvo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 20–21 yanvarya 2022 g. — M.: MGYuA; Prospekt, 2022. — С. 79–85.
7. Konyakhin V. P. Teoreticheskie osnovy postroeniya Obshchey chasti rossiyskogo ugolovnogo prava. — SPb.: Yuridicheskiy tsentr-Press, 2002. — 346 s.
8. Kropachev N. M. Ugolovno-pravovoe regulirovanie. Mekhanizm i sistema. — SPb., 1999. — 260 s.
9. Obrazhiev K. V. Sistema formalnykh (yuridicheskikh) istochnikov rossiyskogo ugolovnogo prava: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2014. — 587 s.
10. Rarog A. I. Pravovoe znachenie razyasneniy Plenuma Verkhovnogo Suda RF // Gosudarstvo i pravo. — 2001. — № 2. — С. 51–57.
11. Rarog A. I. Rol Verkhovnogo Suda RF v formirovanii sudebnoy praktiki po ugolovnym delam // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 25–26 yanvarya 2007 g. — M.: Velbi, 2007. — С. 4–10.
12. Rarog A. I. Rol sudebnoy praktiki v razvitii nauki ugolovnogo prava // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 29–30 yanvarya 2009 g. — M.: MGYuA, 2009. — С. 3–9.
13. Rarog A. I., Nurkaeva T. N. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 27.01.1999 № 1 «O sudebnoy praktike po delam ob ubiystve (st. 105 UK RF)» nuzhdaetsya v obnovenii // Vestnik Akademii Generalnoy prokuratury Rossiyskoy Federatsii. — № 4 (66). — С. 48–52.
14. Rybalka A. A. Ugolovno-pravovaya okhrana trudovykh prav lichnosti: mezhdunarodnye standarty i problemy realizatsii v rossiyskom zakonodatelstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Krasnodar, 2016. — 30 s.
15. Sidorenko E. L. Vooruzhennoe khuliganstvo: paradoksy kriminalizatsii // Obshchestvo i pravo. — 2015. — № 1 (51). — С. 69–72.
16. Syachev A. Yu. Bespomoshchnoe sostoyanie poterpevshego kak priznak iznasilovaniya (po materialam sudebno-sledstvennoy praktiki Tyumenskoy oblasti) // Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Konsept». — 2016. — Т. 15. — С. 1931–1935.
17. Ugolovnoe pravo Rossii: uchebnik dlya vuzov: v 2 t. Т. 1: Obshchaya chast / pod red. A. N. Ignatova, Yu. A. Krasikova. — M.: Norma, 2006. — 591 s.

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.113-128

В. В. Хилjuta*

Понимание сущности преступления в уголовном праве

Аннотация. В статье рассматриваются онтологические аспекты сущности преступления и его признаков в доктрине уголовного права и законодательстве. Преступление рассматривается сквозь призму единого системного понятия и в связке с теми признаками, которые составляют его содержание. Автор анализирует основные модели и теоретические концепции, которые могут быть задействованы в законодательной деятельности при построении родового понятия преступления и характеристике его признаков. Акцент сделан на том, что главным в формулировании сущности преступления должен являться вред, причиняемый социальным ценностям. Преступление не есть исключительно общественно опасное деяние. Деяние может быть общественно опасным, но не преступным, потому что не несет в себе заряд причинения вреда. С этой точки зрения преступлением должно признаваться наносящее вред охраняемым ценностям деяние, которое совершено физическим лицом виновно и признаки которого указаны в уголовном законе.

Ключевые слова: преступление; признаки преступления; состав преступления; вред; общественная опасность; деяние; причинение вреда; уголовный закон; социальные ценности; уголовное право.

Для цитирования: Хилjuta В. В. Понимание сущности преступления в уголовном праве // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 5. — С. 113–128. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.113-128.

Understanding the Fundamental Nature of Crime in Criminal Law

Vadim V. Khilyuta, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor,
Department of Criminal Law, Procedure and Criminology, Yanka Kupala State University of Grodno,
Grodno, Republic of Belarus
tajna@tut.by

Abstract. The paper examines the ontological aspects of understanding the fundamental nature of a crime and its characteristics in the doctrine of criminal law and in legislation. The crime is viewed through the prism of a single systemic concept and in connection with those features that fill its content. The author analyzes the main models and theoretical concepts that can be involved in legislative activity when constructing a generic concept of crime and characterizing its features. The emphasis is given to the fact that the main thing in formulating the essence of the crime should be the harm caused to social values. Crime is not an exclusively socially dangerous act. An act may be socially dangerous, but not criminal, because it does not carry a charge of causing harm. From this point of view, it is argued that an act that causes harm to protected values, committed by an individual is guilty and the elements of which are specified in the criminal law, should be recognized as a crime.

© Хилjuta В. В., 2024

* Хилjuta Вадим Владимирович, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы
Ожешко ул., д. 22, г. Гродно, Республика Беларусь, 230020
tajna@tut.by

Keywords: crime; signs of a crime; elements of a crime; harm; public danger; act; causing harm; criminal law; social values; criminal law.

Cite as: Khilyuta VV. Understanding the Fundamental Nature of Crime in Criminal Law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(5):113-128. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.113-128.

Подоплека вопроса. Понимание преступления в уголовном праве представляет собой известную сложность. И несмотря на законодательное определение преступления, этот вопрос никогда не утихнет. А все потому, что учение о преступлении — это всегда система определенных гипотез, которые отражают различные подходы к пониманию его сути и содержания. Эти подходы различны потому, что в их основе лежат разноплановые теоретические суждения, обосновывающие преступление как социальное и правовое явление. И ввиду того, что правовая догматика в этом вопросе неединообразна, отражает различные пласты явлений и т.д., консенсуса здесь никогда не будет. По этой причине вопрос о понимании того, что такое преступление, в настоящее время приобретает особые формы и значение.

Если попытаться в обобщенном виде представить различные системы относительно преступления, то, на наш взгляд, существуют два диаметрально противоположных подхода к пониманию учения о преступлении. *Первый подход* базируется на том, что преступление есть единое, монолитное явление, которое не может быть разделено на составляющие. Образно говоря, здесь преступление всегда рассматривается как выход за пределы дозво-

ленного. В этом контексте преступление можно рассматривать как посягательство на установленный правопорядок (на право, объективную правовую данность) либо как посягательство на межличностные отношения (обида, неправда)¹. Как видим, в этом случае основной упор делается на сам акт преступного поведения с точки зрения социального значения и сущности². *Второй подход* основывается на противоположных постулатах, которые указывают на то, что в познавательном плане в преступлении должны анализироваться все составляющие признаки (элементы). Иначе говоря, сущность преступления здесь видится в тех признаках, которые его составляют и характеризуют в определенной плоскости. Именно второй подход сегодня является преобладающим как в доктрине уголовного права, так и в правоприменительной практике. И в данном случае учение о преступлении имеет своей задачей разработку категорий, которые бы позволили создать целостную систему о преступлении.

В то же время следует иметь в виду, что понятие преступления чисто правовое и, с одной стороны, составляет часть науки уголовного права, а с другой — служит применению уголовного закона. Отсюда следует вопрос, который всё еще является актуальным для многих постсовет-

¹ Некоторые в этой связи считают, что сущность преступления — это его общественная опасность. Так, А. И. Плотников указывает: «Реальный акт общественно опасного поведения, являющийся предметом уголовно-правовой оценки, представляет собой неразрывное единство объективных и субъективных сторон в их слитности, органическую (металогическую) целостность, которая не может рассматриваться как отдельные элементы, арифметически (механически) соединенные в единое целое. В силу этого фиксация отдельных элементов предусмотренного законом деяния является недостаточной для вывода о наличии преступления без установления его сущности — общественной опасности» (Плотников А. И. Объективное и субъективное в преступлении : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 13). Это действительно так (в части неразрывного единства всех признаков преступления), однако такой анализ происходит, чтобы глубже постичь отдельные элементы преступления и его структуру в целом.

² С. А. Бочкарев отмечает, что всё это дает основание утверждать о том, что преступление по своей «материи» больше и весомее, чем простая комбинация внешних актов. Физические действия являются лишь необходимой принадлежностью всякого органического существа (Бочкарев С. А. О природе общественной опасности преступления // Бизнес в законе. 2009. № 5. С. 158).

ских стран, должно ли понятие преступления быть сугубо формальным или же оно должно отражать и материальную часть, с которой связывается признак общественной опасности³.

Впрочем, если мы говорим о том, что учение о преступлении есть некая система элементов (признаков), то возникает вопрос, что же является стержнем данной системы, на который «нанизываются» все составляющие. Укажем на четыре принципиальных аспекта в учении о преступлении. Однако, по нашему мнению, для выявления сути преступления всегда важны два обстоятельства: вред и ценность социального блага (интереса), которое подвергается посягательству.

Преступление — это исключительно деяние. Доминирующим сегодня является суждение, что преступление есть человеческое поведение или деяние (действие или бездействие). Речь идет о том, что преступление — это *деяние*, т.е. юридический факт уголовного правоотношения, которое всегда обладает рядом признаков. В этом плане преступление ассоциируется исключительно с поступком человека (преступление — конкретный акт человеческого поведения, который имеет начало и окончание и выражается вовне).

Таким образом, преступление — это всегда деяние человека как реальное физическое явление. И, как отмечается в правовой литературе, «в социальной природе преступления основной акцент делается на поведенческом акте человека, нарушающем сложившийся в обществе материальный порядок»⁴. Деяние считается преступлением, если оно обладает специальными признаками, которые образуют состав преступления⁵. В данном случае именно деяние (действие или бездействие) определяет структуру и сущность преступления, потому что иные элементы (или признаки) его характеризуют: общественная опасность, виновность, противоправность. Вопрос состоит только в том, сколько будет таких признаков и каким образом они будут соотноситься между собой. С этой точки зрения законодательное описание преступления может носить формальный или материальный характер⁶. Однако и противоправность, и общественная опасность характеризуют именно деяние лица⁷.

В этом ракурсе деяние как генеральный признак преступления в основном определяется через его материальную или формальную (нормативную) составляющую, когда раскрываются антисоциальный характер преступления, его

---

³ Как полагает З. Стоянович, «включение в понятие преступления материального элемента... открывает дорогу произвольному применению уголовного права, давая возможность возвышать материальный элемент над формальными» (Стоянович З. Определение общего понятия преступления в сербской науке уголовного права // Тенденции развития юридической науки на современном этапе : материалы IV Всерос. науч. конференции с междунар. участием / отв. ред. Е. С. Трезубов. М., 2020. С. 783–784). Поэтому, на его взгляд, если классическое понятие преступления основывается на строгом соблюдении принципа законности и других постулатах либерального правового государства, то общественная опасность и уголовная ответственность (в субъективном смысле) не только не проистекают из идеи правового государства, но и, напротив, имеют целью релятивизировать эту идею.

⁴ См.: Герасимов А. М. Теория уголовного правонарушения : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2022. С. 229.

⁵ См.: Третьяков И. Л. Учение о преступлении в российском уголовном праве // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 10. С. 121 ; Пудовочкин Ю. Е. Учение о преступлении: избранные лекции. М. : Юрлитинформ, 2010. С. 8.

⁶ Фактически в основе сегодняшнего законодательного определения преступления как деяния лежат идеи немецких философов и криминалистов XIX в., которые стремились совместить постулаты канонического права и идеи буржуазных революций того времени.

⁷ Тем не менее в правовой литературе распространено суждение о том, что сущностью преступления выступает общественная опасность посягательства, т.к. именно она выделяет преступление среди других его признаков (см.: Марцев А. И. Преступление: социально-правовой анализ. Омск : Омская академия МВД России, 2012. С. 17).

вредоносность и степень опасности (материальный подход), либо же упор делается на запрещенности деяния уголовным законом, т.е. противоправности (формальный подход)⁸. По сути, общественная опасность и противоправность характеризуют само деяние, и законодательное описание преступления как раз основано на том, что все признаки преступления ориентированы на деяние человека. При этом остается за скобками то обстоятельство, что такое деяние является преступлением лишь потому, что оно способно причинить или причиняет существенный (наиболее значимый) вред конкретной личности, обществу или государству.

При такой постановке вопроса признаки преступления, а точнее деяния, могут меняться (добавляться новые или исключаться уже имеющиеся), но в любом случае акцент делается на том, что преступление — это всегда деяние. Так, Т. В. Кленова предлагает в качестве преступления рассматривать «общественно опасное, виновное, запрещенное, порицаемое деяние, за которое возможны уголовное наказание и (или) иные меры уголовно-правового характера»⁹. Основной акцент ею делается на том, что любое преступление должно быть порицаемым, и в этом случае суть порицания состоит в признании от имени государства общественно опасного поведения человека преступлением, признание определенных вида и категории деяний преступными путем их криминализации и последующей официальной квалификации¹⁰. Таким образом, деяние — это базис в определении понятия «преступление», и суть преступления никогда не изменится от того, каким образом законодатель опишет его объективную сторону.

Преступление как оценочное понятие. Преступление может рассматриваться и в контексте западноевропейской (в большей степени англосаксонской) традиции, когда фактически материально-правовое содержание преступления отождествляется с процессуальным и его сущность наполняется правоприменительной практикой. Иначе говоря, имеет место оценочное понятие преступления. В данном случае преступление — «это признанное судом в соответствии с материальным или процессуальным правом нарушение, когда суд находит целесообразным возложить на нарушителя специфические меры ответственности, позволяющие лишь при условии признания лица преступником»¹¹. Такая постановка вопроса всегда оставляет незаконченный вид общего понятия преступления, т.к. в конечном итоге именно правоприменитель (судья) решает вопрос о том, преступно ли конкретное деяние человека или же нет. Если, например, возмещен причиненный вред (ущерб), нет смысла применять наказание к лицу, совершившему преступное деяние и т.д., то суд, учитывая все обстоятельства дела, может объявлять нарушение уголовного закона непроступным. То есть именно суд, руководствуясь личным, внутренним убеждением, наполняет понятие преступления и легитимизирует последующие решения, осуществляя уголовно-правовую квалификацию.

Тем не менее нельзя сказать о том, что в настоящее время правоприменитель полностью лишен такой возможности. В рамках существующей модели применения уголовного закона оценка совершенного деяния дается на предмет его общественной опасности, и если в конкрет-

⁸ Вместе с тем в юридической литературе поднят вопрос о том, что формально-материального определения преступления быть не может, их уголовно-политический смысл различается настолько, что «образование новой уголовно-правовой категории путем их синтеза, согласования невозможно». Поэтому, как утверждает Т. И. Нагаева, «с уголовно-политической точки зрения формальное и материальное определения понятия преступления являются категориями-антагонистами» (Нагаева Т. И. *Формы и виды преступного деяния* : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 18).

⁹ См.: Кленова Т. В. О практике квалификации преступлений в свете теории преступления // *Уголовное судопроизводство*. 2023. № 2. С. 23.

¹⁰ Кленова Т. В. Указ. соч. С. 23.

¹¹ См.: Пашин С. А. Понимание преступления // *Уголовное право*. 2000. № 3. С. 87.

ном случае с учетом всех обстоятельств дела и направленности действий лица суд или иной правоприменительный орган придет к выводу о том, что деяние не представляет большой общественной опасности, т.е. является мало-значительным, то происходит констатация отсутствия преступления в деянии конкретного лица. Вопрос только в том, каким образом наполняется категория «общественная опасность» в этой ситуации.

Преступление — это правоотношение. Преступление может пониматься и как правоотношение (или общественное отношение), противозаконное, преступное, но всё же отношение (неправильное отношение человека к другим людям). В этом ракурсе *преступление есть предусмотренное уголовным законом общественно опасное посягательство на общественные отношения, виновно совершенное вменяемым лицом, достигшим возраста уголовной ответственности*¹². То есть здесь сущность преступления заключается в нарушении существующих общественных отношений. Иначе говоря, «будучи социальным поведением человека, преступление являет собой фрагмент взаимодействия преступника с другими участниками общественных отношений, интересы которых поставлены под охрану уголовного закона». Поэтому, «воплощая в себе представления о должном, официальное определение преступного поведения содержит в себе итог взаимодействия законодателя с общественным мнением, выражающим оценки и карательные притязания населения»¹³.

Следовательно, преступление есть и нарушение правовой нормы, и реальный феномен. Иначе говоря, преступление рассматривается как противоправное отношение. Этот подход берет за основу постулат о том, что если идет речь об общественных отношениях, то именно люди рассматриваются как объект воздействия, а равно как участники данных общественных

отношений. Преступник и потерпевший выступают в качестве субъектов данных отношений, с одной стороны, а с другой стороны, таким субъектом является государство, которое формулирует правила поведения и устанавливает меру ответственности за их нарушение. Поэтому преступление — это определенное преступное отношение одного человека к другим людям и организациям, их интересам и т.д., т.е. определенное отношение к объекту посягательства¹⁴. Таким образом, преступление выступает в такой конструкции частным случаем правоотношения (преступление — особое общественное отношение).

Фактически суть данной теории сводится к тому, что преступление есть отношение человека к объекту посягательства. Определение преступления посредством описания его объективных и субъективных признаков выглядит неполным. Примечательно, что нельзя из понятия преступления выводить его субъекта, т.е. лицо, которое и совершает опасное деяние, посягает на общественные отношения и причиняет вред объектам уголовно-правовой охраны. В данном случае сущность преступления выражается в его посягательстве на господствующие общественные отношения.

Таким образом, преступление в данном ракурсе не ассоциируется исключительно с человеческим поведением, а является таковым только тогда, когда установлена связь между деянием (поведением человека) и конкретной уголовно-правовой нормой либо конкретными личностями (людьми).

Тем не менее, хотя мы и говорим о том, что преступление явление социальное, оно всё же имеет антисоциальную окраску, разрывая существующие связи, установленный правопорядок и общественные отношения. И вряд ли в этом отношении можно согласиться с утверждением Г. П. Новоселова о том, что «социальная сущность преступления состоит не в том, что оно

---

¹² См.: Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. М. : Юрид. лит., 1974. С. 89.

¹³ См.: Пермяков Ю. Е. Категория «общественная опасность» в советском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989. С. 14.

¹⁴ Карпушин М. П., Курляндский В. И. Указ. соч. С. 77.

посягает на общественные отношения, нарушает их, причиняет им вред и т.п., а в том, что преступление есть определенный вид отношений между людьми»¹⁵. То есть преступление — отношение человека к другим людям, где главным является не поведение, а именно отношение.

Вопрос здесь состоит в том, на чем именно мы делаем акцент или в какую сторону пытаемся сместить ключевые моменты общего понятия «преступление». Ведь одно и то же явление мы можем рассматривать с различных сторон, описывая его признаки и характерные черты. Но здесь важно не потерять нить, поскольку можно говорить о том, что преступление посягает на определенные отношения, ценности; преступление есть деяние само по себе, и это является его сущностью; преступление — это правоотношение, преступное отношение к объекту посягательства, и т.д. Однако все эти сентенции не отвечают на вопрос о том, почему то или иное поведение человека (посягательство, деяние, противоправный акт и т.п.) объявляется преступным.

Связано ли преступление с причинением вреда? На наш взгляд, преступление всегда связано с причинением *вреда*. И именно причиняемый человеческим поведением вред предопределяет сущность преступления, поскольку он всегда связан с теми ценностями, которые подвергаются посягательству. Нормативное определение понятия «преступление» и выводимые из него признаки не в полной мере отражают объективную реальность. И если мы ведем речь о преступлении, то основной акцент все-таки должен быть сделан не на деянии, как это имеет место сегодня («преступление — это деяние, которое характеризуется...»). Преступление всегда связано с тем, что нарушаются прежде всего установленные правила поведения и в результате этого *причиняется вред* (или есть вероятность причинения такого вреда) определенным отношениям (а равно благам, социальным ценностям, интересам, лицам и т.п.). Поэтому, если

в результате определенного нарушения установленных правил не причиняется вред (чему-либо или кому-либо), то мы не можем говорить о том, что в результате *акта человеческого поведения*, пусть даже этот акт и связан с нарушением установленных правил, совершается деяние, которое мы именуем преступлением¹⁶. В данном случае преступление — это негативное отношение виновного лица к установленному порядку поведения в обществе. Таким образом, *суть преступления состоит в том, что нарушается установленный порядок и в результате этого причиняется вред*¹⁷.

Дело в том, что уголовная ответственность с формальной точки зрения не может сводиться к тому, что мы будем наказывать только «голое» деяние, а не *деяние человека*. Преступление — это не просто деяние, а акт *человеческого поведения*. Если мы говорим о том, что преступление причиняет вред чему-то или кому-то (а если не причиняет, то это уже объективно не преступление), то вполне понятно, что объект преступления (а точнее, объект состава преступления) является производным от последствия — причинения вреда. Именно от того, что кому-то или чему-то причиняется вред, мы далее ведем речь о том, что страдают в конечном счете конкретные общественные отношения, блага, ценности и т.п.

В данном случае именно вследствие причинения вреда возникают последствия, и поэтому мы указываем на то, что такое поведение лица является преступным. Потому что причиняемый вред, его значимость и опасность предопределяют преступное деяние. Но не наоборот! Деяние не посягает на какие-то общественные отношения, и, более того, не могут общественные отношения (блага, ценности) являться объектом преступления, т.к. они не первичны, а вторичны.

Если преступление связано с причинением вреда, то именно вред характеризует те последствия, которые наступают или могут наступить в результате совершения определенного деяния.

¹⁵ Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М. : Норма, 2001. С. 88–89. Это суждение в последующем и позволило данному ученому прийти к выводу о том, что если рассматривать преступление как некоего рода отношение человека к другим людям, то это делает невозможным толкование объекта преступления в качестве общественного отношения.

Иначе говоря, если мы признаем, что объектом преступления являются общественные отношения, и это буквально означает, что происходит посягательство на общественные отношения, то такое посягательство так и остается посягательством, ибо является ли это посягательством преступным или нет, мы узнаем, только ответив на вопрос, причинен ли вред в результате совершения посягательства и тем самым нарушены ли определенные общественные отношения.

Значит, можно предположить, что если объект преступления произведен от последствия, т.е. того вреда, который возникает или может возникнуть в результате совершения деяния, то никакого объекта преступления не существует. Однако здесь вопрос следует ставить иначе. Вполне понятно, что изначально совершается деяние, которое причиняет вред. Но вопрос о том, что противоправное деяние всегда направлено на что-то (или кого-то), чисто теоретический, плод умозрительных конструкций. Противоправное деяние всегда причиняет вред. И объем этого вреда, его социальная опасность формируют понятие преступления. Здесь следует сделать только оговорку относительно того, что последствия, о которых мы говорим, не идентичны преступным последствиям как признаку объективной стороны состава преступления. В результате совершения противоправного деяния возникают те негативные изменения, которые прямым образом оказывают

влияние на функционирование общественных отношений. Однако этот вопрос является вторичным.

Характеристика деяния как главного признака преступления в действующей модели уголовного закона. Деяние как признак преступления получает свое внешнее выражение в самых разнообразных формах — от простого единичного акта поведения до самых разных видов, сложных событий и процессов. Некоторые из них содержат лишь минимум воли, проявляющейся в каком-нибудь телодвижении, тогда как другие предполагают сложное поведение субъекта, которое содержит в себе проявление различных сторон его личности и направлено на достижение определенной цели. Все эти формы человеческой активности охватываются общим понятием деяния, которое по определению не должно включать в себя больше ничего, что входило бы в содержание других элементов общего понятия преступления¹⁸.

Деяние называют «фундаментом» уголовной ответственности, ядром преступного посягательства, без которого преступление считается невозможным. Оно всегда первично и представляет собой акт поведения человека в системе социальных отношений; деяние также конкретно и совершается виновным в определенных условиях, месте, времени, обстановке и т.д., следовательно, деяние — проявление поведения человека во внешнем мире¹⁹. В данном

---

¹⁶ Д. В. Мирошниченко обращает внимание на то, что «опасность будет представлять только тот вред, что причинен субъектом, обладающим сознанием и волей. Значит, вред объективным быть не может. В противном случае мы признавали бы как вред все то, что может и способно причинить нам вред, а значит, всё это является преступлением» (Мирошниченко Д. В. Сущность преступления // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2019. № 3. С. 75). Однако определяющая составляющая как раз в том, что вред причиняется именно человеком, в результате его действий (или бездействия) наступают негативные последствия, которые и составляют суть преступления, т.к. такой вред является наиболее значительным или вредоносным.

¹⁷ См.: Хилjuta В. В. Уголовное право в эпоху перемен // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 4. С. 152–159.

¹⁸ См.: Стоянович З. Указ. соч.

¹⁹ См.: Велиев И. В. Об объективной стороне преступления. М.: Юркомпани, 2009. С. 70; Ключко Р. Н. Деяние как признак объективной стороны преступления // Вестник Гродненского государственного университета имени Я. Купалы. Серия «Правоведение». 2016. № 6. С. 95.

Тем не менее, как отмечает Т. И. Нагаева, «характеристика форм преступного деяния (“действия” и “бездействия”) в российском уголовном праве не претерпела никаких изменений со времен господ-

случае деяние выполняет различные функции, выступая в качестве основного элемента преступления, а также разграничивая и связывая его остальные элементы (признаки).

Деяние может рассматриваться как в узком (собственно сам процесс действия или бездействия), так и в широком смысле. В последнем случае под определение деяния подпадают все признаки объективной стороны: действие, бездействие, преступные последствия, причинная связь между деянием и последствием и иные факультативные признаки. Тем не менее узкое понимание деяния как признака преступления не характеризует сам внешний процесс совершения преступления. Деяние — это определенный поступок, поведение индивида, реализованный акт свободной воли.

С психологической точки зрения преступное деяние рассматривается как мотивированное, целенаправленное, сознательное, волевое проявление противоправной активности²⁰. Однако мы не должны забывать о том, что преступное деяние обладает всеми теми же признаками, которые свойственны любому человеческому поведению²¹. В данном случае преступное поведение отражает личностные компоненты индивида и специфический характер внешних воздействий, которые могут иметь место. Таким образом, преступление является результатом человеческого поступка²². Здесь имеет место такая же поведенческая реакция, совершаемая с

соблюдением незыблемых законов психофизиологии, как и любое другое действие человека. Как акт поведения преступление обладает всеми особенностями, присущими поведенческой реакции, за тем лишь исключением, что преступное поведение строго осуждается не только морально-нравственными предписаниями, но и государством²³.

С этих позиций (а точнее, преломляя знания психологии к уголовному праву) мы можем говорить о том, что любое деяние для того, чтобы его признали преступлением, должно быть: а) осознанным (лицо понимает обстоятельства совершаемого деяния); б) волевым (лицо руководит своим поступком); в) целенаправленным (лицо стремится к желаемому результату); г) мотивированным (в основе деяния лежит потребность человека).

Следовательно, преступление можно рассматривать как волеопределяемый, сознательный, мотивированный и целенаправленный поведенческий акт, представляющий собой деяние, слагающееся из действий или бездействия²⁴. И, как полагает Т. И. Нагаева, «с точки зрения состава преступления как условной юридической конструкции, определяющей необходимость уголовно-правовой реакции (наказания), объективный признак “деяние” служит исключительно для установления конкретного факта объективной действительности как внешнего проявления сознания и воли, т.е. факта вклю-

ства классической школы уголовного права. Дифференциация условий противоправности “действия” и “бездействия” в классической российской доктрине была обусловлена пониманием преступного деяния как посягательства на правовую норму». Поэтому, на ее взгляд, «употребление законодателем терминов “деяние”, “действие”, “бездействие” не соответствует традиционным представлениям о деянии только как о родовом понятии по отношению к “действию” и “бездействию”» (Нагаева Т. И. Указ. соч. С. 3).

²⁰ См.: Шипунова Т. В. Введение в синтетическую теорию преступности и девиантности. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2003.

²¹ См.: Львова Е. Ю. Социальная и юридическая сущность преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 12.

²² Следовательно, обязательным условием является именно действие физического лица, события, вызванные животными, силами природы и т.п., не подпадают под концепцию уголовно наказуемого деяния. Поведение лица, которое совершалось в бессознательном состоянии или было обусловлено рефлексам, также не относится к преступному деянию (сюда, однако, не подпадают различного рода аффекты и автоматизмы).

²³ Уголовное право. Общая часть : учебник для бакалавриата : в 2 т. М., 2020. Т. 1. С. 97.

²⁴ Уголовное право. Общая часть. Т. 1. С. 98.

чения внутренних детерминант (сознания и воли) в общий процесс взаимодействия с окружающим миром»²⁵. Однако такое определение преступления больше свойственно умышленным деяниям, т.к. мотивированность и целенаправленность, а в ряде случаев и осознанность, могут в полной мере отсутствовать в неосторожных преступлениях (в особенности при небрежности), где речь можно вести лишь об упречном поведении лица, а не о сознательно-волевом и мотивированном деянии. Наряду с этим, при такой постановке вопроса происходит смешение объективных и субъективных признаков преступления, т.к. сознание и воля больше тяготеют к субъективным элементам самого преступления²⁶.

Более того, преступление нельзя в чистом виде отделить от лица, его учиняющего, поскольку в любом случае именно человек совершает преступление. В этом отношении уголовное право не может концентрироваться сугубо на объективном элементе преступления — «голом» деянии — безотносительно самого деятеля. Ведь, как бы там ни было, мы осуждаем не деяние, а человека, его совершившего. Даже при условии, что преступление тесно связано с ответственностью, в конечном итоге все упирается в человека, субъекта преступления, т.к. уголовная ответственность возлагается на лицо. И в таком случае уголовная ответственность направлена на самого человека, а не на его деяние, наказывать и возлагать ответственность на деяние бессмысленно. Преступление или

деяние не может быть ответственным, к уголовной ответственности привлекается конкретное лицо (физическое или юридическое (в странах, которые допускают привлечение корпоративных образований к уголовной ответственности)). Поэтому в любом случае упреку подлежит человек, совершивший преступление. И отрывать деяние от деятеля и на этом основании выстраивать концепцию преступления как общественно опасного и противоправного деяния не совсем верно.

Преступление представляет собой разновидность человеческого поведения²⁷. Однако не любое поведение заслуживает упрека. Уголовная ответственность может наступать лишь за такое поведение, которое причиняет или способно причинить вред (различным отношениям, интересам, благам, ценностям). Следовательно, если поведение человека не в состоянии причинить реального вреда, то оно не может считаться преступным.

С другой стороны, указание в законодательной формуле на то, что преступление — это исключительно деяние (действие или бездействие) сужает рамки самого внешнего акта поведения человека, поскольку при такой обрисовке объективных признаков преступления за его границами остаются иные элементы: последствия, причинная связь и т.д. Поэтому для констатации преступления недостаточно установить лишь факт совершения деяния (действия или бездействия). В данном случае принципиальное значение имеют и иные обстоятельства самого

---

²⁵ Нагаева Т. И. Указ. соч. С. 10.

²⁶ Как отмечает А. И. Плотников, «деяние в уголовно-правовом смысле не совпадает полностью с деянием в психофизиологическом значении, что определяет недостаточность оценки его лишь как психофизиологического акта. В целом оно представляет собой специфическое социально-правовое образование, основанное на психофизиологических свойствах, но не исчерпывающееся ими, а дополняемое нормативными (например, “должен и мог” при бездействии), в том числе условно фактическими элементами (приготовление при неудавшемся соучастии, покушение при ошибке в объекте и т.п.)» (Плотников А. И. Указ. соч. С. 15–16).

²⁷ Например, А. А. Тер-Акопов исходил из того, что деяние представляет собой поведенческий акт воздействия субъекта на объект и характеризуется тремя признаками: физическим (физиологический акт передачи субъектом материи, энергии, информации), социальным (такой акт имеет социальный смысл и значимость) и волевым (самостоятельное решение человека об осуществлении действия или воздержания от него) (Тер-Акопов А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М. : Юстина, 2003. С. 46–47).

поведения человека (противоправного акта) вкупе с иными объективными и субъективными признаками преступления.

Не без оснований поэтому многие правоведы утверждают о том, что определяющим в понимании внешней стороны преступления является не деяние, а поведение человека²⁸. Так, В. В. Мальцев указывает, что в термине «общественно опасное поведение» наиболее четко представлены свойство общественной опасности с предметом — поведением, ее порождающим²⁹. То есть, согласно данной позиции, общественно опасное поведение обуславливает структуру и содержание уголовного права. И в этой плоскости деяние является элементом структуры общественно опасного поведения. Отсюда вытекает вывод о том, что поскольку общественно опасное поведение как единственный источник антисоциального свойства есть поведение человека, то элементом структуры такого поведения является и лицо, совершающее общественно опасное деяние³⁰. То есть речь идет о деятеле, а значит, в определении преступления должно найтись место лицу, совершающему опасное деяние (посягательство, поведение).

Справедливости ради надо отметить, что нельзя один и тот же термин (деяние) использовать для обозначения преступления в целом и для характеристики внешних форм преступного поведения. Деяние может совершить и малолетний, и невменяемый, но от этого деяние этих лиц так и остается деянием, хотя и не является преступлением. Действия (бездействие) могут быть различными, как правомерными, так и неправомерными. Однако если мы говорим о таких действиях, которые образуют преступление, то они должны иметь иную окраску, поскольку

посягают на охраняемые отношения и способны причинить вред. Нормативное определение преступления обуславливает его объективные признаки, и в любом случае признаки деяния устанавливаются на основе анализа конкретной уголовно-правовой нормы, что указывает на то, что преступление в первую очередь — это поведение лица.

Но и в данном случае деяние находится в плоскости материального определения преступления, ибо в такой пропозиции сущность деяния состоит в причинении вреда охраняемым уголовным законом ценностям (общественным отношениям). Безусловно, деяние первично, а вред вторичен. Кроме того, «сам по себе факт причинения лицом вреда интересам личности, общества и государства не может влечь уголовную ответственность, если не будет установлено, что этот вред причинен деянием, которое по закону является преступным»³¹. Однако преступно ли такое деяние или нет, определяется с учетом того вреда, который был причинен (или вероятность причинения которого была), его существенности и значимости. Поэтому здесь имеет место некая рефлексия, т.к. деяние всегда первично, а вред вторичен, но именно вред наделяет деяние признаками противоправности и общественной опасности. То есть имеет место некий обратный процесс.

В этом аспекте нередко указывается, что «традиционного понятия деяния уже недостаточно для обобщения таких сложных и разнообразных видов преступного поведения»³². Поэтому предлагается говорить о преступной деятельности, слагающейся из различного количества преступных актов. В данном случае преступная деятельность является системой опосредованных поведенческих актов, образованной

²⁸ Так, А. М. Герасимов сетует на то, что «совершенное деяние отражает только характер общественной опасности содеянного, но не высвечивает ее степень» (Герасимов А. М. Указ. соч. С. 251).

²⁹ Мальцев В. В. Курс российского уголовного права. Общая часть : в 4 т. М. : Юрлитинформ, 2017. Т. 3 : Преступление. Кн. 1 : Категория «преступление» в уголовном праве. С. 63.

³⁰ Мальцев В. В. Указ. соч. С. 110.

³¹ Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. М. : Юрлитинформ, 2016. Т. 6 : Объект преступления. Объективная сторона преступления / под ред. Н. А. Лопашенко. С. 370.

³² См.: Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая / под ред. В. С. Комиссарова, А. И. Коробеева, Хе Бинсуна. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2009. С. 332–333.

множественностью единых преступных деяний, взаимно дополняющих друг друга, т.е. речь идет о таком поведении, которое направлено на достижение определенной преступной цели.

Можно преступление связывать и с преступным поведением, посягательством и т.д.³³, поскольку уголовное право регулирует поведение только людей. И в этом нет ничего предосудительного, т.к. преступление проявляется в поведении и деятельности человека. И если деяние, действительно, является объективным признаком в понятии преступления, то оно должно иметь только единственное значение, которое бы не перекликалось с понятием деяния как признака объективной стороны состава преступления.

Следовательно, когда мы говорим о том, что в действующей модели понятия преступления и его признаков деяние должно быть общественно опасным, противоправным, виновным и наказуемым, то это не совсем верно, т.к. все вышеуказанные признаки характеризуют не деяние, а само понятие преступления, в то время как деяние является таким же признаком, как и все остальные, в определении преступления. Нельзя на деяние переносить все признаки преступления. Преступление является (или признается) таковым, потому что оно причиняет вред. Но вред не зависит сугубо от самого деяния, существуют и иные характеристики (способ, орудия, средства, вина, мотив, цель, объект посягательства и т.д.), которые формируют общественную опасность, но не деяния, а преступления в целом³⁴. В самом деянии заклю-

чен лишь потенциальный вред, который может быть причинен.

Определенно, деяние не может являться одним и тем же признаком структуры преступления и состава преступления. Причем, если в понимании преступления деяние является его фундаментом, то в рамках состава преступления, будучи одним из признаков объективной стороны, оно выполняет крайне узкую роль и имеет малую специфику, поскольку не способно отразить весь спектр преступного поведения лица. Это указывает только на то, что состав преступления является искусственной конструкцией, подменяющей общее понятие преступления и его признаки, ввиду чего смещаются акценты. Такое положение дел заставляет нас говорить о некоем дублировании в рамках общего учения о преступлении и об основании уголовной ответственности, поскольку единственным основанием уголовной ответственности является совершение преступления, а не состав преступления.

Вред есть генеральный (конструктивный) признак преступления. При анализе существующих законодательных признаков преступления нельзя не обратить внимание на то, что главным образом выделяются материальные и формальные его составляющие. Однако если мы говорим об особой значимости общественной опасности и противоправности в структуре преступления, то следует сказать о том, что любое преступление представляет собой такой поведенческий акт, который способен причинить (или причиняет) значимый вред, представляет опасность, а потому является неприемлемым.

---

³³ Посягательство предполагает активную деятельность человека, в то время как преступление может выражаться и в бездействии. Здесь можно согласиться с А. И. Марцевым в том, что деяние как объективный признак преступления должно включать в себя не только поведение или деятельность человека, но и сами преступные последствия (Марцев А. И. Указ. соч. С. 25). В этом отношении преступные последствия производны от деяния, и они не тождественны преступному вреду, который имеет место в результате совершения преступления, поскольку наносимый или потенциальный вред предопределяет само поведение лица и возводит его в «ранг преступления».

³⁴ Как отмечал А. А. Тер-Акопов, всякое «преступление общественно опасно потому, что содержит опасное деяние. Однако общественная опасность преступления не исчерпывается опасностью деяния, на нее влияют и иные обстоятельства, которые усиливают или ослабляют опасность преступления». Поэтому попытка «нагрузить» деяние признаками окончательного преступления ведет к отождествлению самого деяния с преступлением (Тер-Акопов А. А. Указ. соч. С. 13–14).

Если поведение человека не в состоянии причинить вред и не могло объективно привести к этому, то каким бы ни было деяние, оно не может признаваться преступным. Вред является не столько последствием преступного деяния, сколько его катализатором, потому что в зависимости от его размера и значимости вырисовывается общее понимание того, имеем ли мы дело с преступлением или иным правонарушением (проступком).

В любом поведении человека важен его результат, а именно то последствие, которое может наступить, а не сама деятельность как таковая, лишенная конечного элемента. Целенаправленная деятельность без конечного результата становится неэффективной и теряет свое значение. Суть любого целенаправленного поведенческого акта не состоит только в осуществлении деяния (действия или бездействия): деятельность должна приводить к результату, иначе она бессмысленна³⁵. Ведь деяние может и остаться таковым, оно может быть одинаковым как в преступлении, так и в правонарушении, но именно ввиду вреда одно и то же деяние будет отнесено либо к преступлениям, либо к правонарушениям, потому что в данном случае определяющим является урон тем ценностям, которые подвергаются воздействию или на которые происходит посягательство. Но одно и то же посягательство на одни и те же ценности, правовые блага, общественные отношения и т.д. может порождать неравнозначные последствия (результат). Однако только в зависимости от характера и значимости наносимого вреда можно выявить опасность совершаемого деяния и охарактеризовать его как преступление.

Вред выражается в совокупности отрицательных последствий правонарушения (преступления), представляющих собой нарушение установленного правопорядка, дезорганизацию общественных отношений и умаление, уничтожение какого-либо блага, ценностей, социального интереса, субъективного права, стеснение свободы поведения других субъектов и т.д. Характеристика вреда зависит от вида социальных ценностей и значимости нарушенных интересов, поэтому вред можно измерить либо нет, он может быть материальным или моральным, существенным и несущественным³⁶.

По своей природе вред является социально-правовым понятием, и в наиболее общей форме он определяется как последствие посягательства на общественные отношения и нарушения охраняемых законом прав и интересов граждан, общества, государства³⁷. Итак, вред прежде всего является социальным понятием и неотъемлемым признаком любого правонарушения, в том числе и преступления, где он всегда более значим и существен. Способность преступления причинять вред охраняемым отношениям и ценностям — необходимое объективное свойство любого противоправного поступка. И в данном случае вред должен быть указан в определении преступления не опосредованно (посредством указания на общественную опасность деяния), а непосредственно, т.к. именно причиняемый вред характеризует общественную опасность любого деяния, дифференцирует преступление и проступок, а равно правонарушение. В такой ситуации вред является катализатором и противоправности, поскольку в зависимости от объема и значимости вреда законодатель

³⁵ С. В. Землюков по этому поводу указывал, что «связь результата с объективными и субъективными элементами деятельности позволяет рассматривать его в качестве основного критерия социальной эффективности и ценности деятельности». По этой причине «результат является объективным систематизирующим элементом деятельности» (Землюков С. В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск : Алт. гос. ун-т, 1991. С. 17–18).

³⁶ См.: Иванов Н. Г. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации. М. : Проспект, 2021. С. 49.

³⁷ См.: Степанова В. В. Соотношение общественной опасности и вредности правонарушения // Вектор науки ТГУ. Серия «Юридические науки». 2014. № 2. С. 119.
Отсюда порой и выводится положение о том, что суть общественной опасности состоит в вероятности причинения вреда охраняемым ценностям.

решает вопрос об отнесении того или иного деяния (поведения лица) к разряду преступных.

Важно, что вред нами рассматривается не как признак объективной стороны состава преступления в качестве преступного последствия (результата), а как самостоятельный признак преступления. Это очень значимый момент, поскольку зачастую вред ассоциируется исключительно с преступным последствием (результатом) в рамках объективного элемента состава преступления. Однако, на наш взгляд, он имеет иную правовую природу.

Таким образом, вред является необходимым элементом преступной деятельности, поскольку любое деяние должно причинить вред (или создать угрозу его причинения). И в данном случае лицо, совершая преступное посягательство, разрушает социальные связи и урегулированные правом социальные отношения, нарушает установленный правопорядок. А это всегда влечет за собой неблагоприятные изменения в социальной действительности, объектах уголовно-правовой охраны³⁸. Как социально-правовое явление вред находит свое отражение в последствиях реализованной опасности, т.е. в тех неблагоприятных и опасных изменениях, которые наступают для личности, общества и государства. Поэтому если деянием не причиняется вред (не создается оснований для причинения вреда), то нет никаких оснований такое деяние считать преступным. Именно размер причиненного вреда

влияет на характер и степень общественной опасности преступления и выступает главным катализатором того, что конкретное деяние признается преступным.

Преступному вреду присущи как общие свойства результата (последствия) деяния человека, так и специальные уголовно-правовые признаки, характеризующие преступную природу результата (последствия)³⁹. В этом качестве вред выступает своеобразным обстоятельством криминализации (декриминализации) общественных отношений, условием дифференциации уголовной ответственности, разграничением между преступлением и правонарушением (малозначительным деянием). Иначе говоря, именно преступный вред характеризует то или иное деяние человека как общественно опасное (а не наоборот), является предпосылкой уголовной ответственности, выявляет объект посягательства (те ценности, которые подвергаются противоправному воздействию), помогает дифференцировать преступления, отграничить правонарушения от преступлений (в этом случае задействуется механизм определения деяния как малозначительного), структурировать наказание и т.д.⁴⁰

С этой точки зрения мы полагаем, что *преступлением должно признаваться (являться) наносящее вред охраняемым отношениям деяние, совершенное физическим лицом виновно и признаки которого указаны в уголовном законе.*

---

³⁸ См.: Шкабин Г. С. Вред в уголовном праве: виды и правовое регулирование // Lex russica. 2016. № 8. С. 68; Марцев А. И. Указ. соч. С. 14.

³⁹ И. А. Анисимова делает вывод о том, что преступный результат характерен исключительно для умышленных преступлений, т.к. лицо стремится к достижению поставленных целей, его деятельность мотивированна и целенаправленна, а преступные последствия характерны для неосторожных преступлений, поскольку здесь лицо пренебрегает определенными правилами безопасности или не соблюдает их, т.е. отсутствует детерминированность (Анисимова И. А. Уголовно-правовое значение преступного вреда : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2008. С. 11).

⁴⁰ Говоря о преступлении и причинении им вреда, отметим, что общественным отношениям не причиняется вред. Общественные отношения в любом случае остаются незабываемыми. Кто-то может убить человека, а кто-то — совершить самоубийство. В данной ситуации общественные отношения между людьми остаются незабываемыми, страдают же те блага, интересы, социальные ценности, по поводу которых, собственно говоря, и существуют общественные отношения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Анисимова И. А.* Уголовно-правовое значение преступного вреда : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Томск, 2008. — 26 с.
2. *Бочкарев С. А.* О природе общественной опасности преступления // Бизнес в законе. — 2009. — № 5. — С. 155–159.
3. *Велиев И. В.* Об объективной стороне преступления. — М. : Юркомпани, 2009. — 271 с.
4. *Герасимов А. М.* Теория уголовного правонарушения : дис. ... д-ра юрид. наук. — Саратов, 2022. — 428 с.
5. *Землюков С. В.* Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. — Новосибирск : Алт. гос. ун-т, 1991. — 241 с.
6. *Иванов Н. Г.* Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации. — М. : Проспект, 2021. — 80 с.
7. *Карпушин М. П., Курляндский В. И.* Уголовная ответственность и состав преступления. — М. : Юрид. лит., 1974. — 230 с.
8. *Кленова Т. В.* О практике квалификации преступлений в свете теории преступления // Уголовное судопроизводство. — 2023. — № 2. — С. 19–27.
9. *Ключко Р. Н.* Деяние как признак объективной стороны преступления // Вестник Гродненского государственного университета имени Я. Купалы. Серия «Правоведение». — 2016. — № 6. — С. 94–99.
10. *Львова Е. Ю.* Социальная и юридическая сущность преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2003. — 23 с.
11. *Мальцев В. В.* Курс российского уголовного права. Общая часть : в 4 т. Т. 3 : Преступление. Кн. 1 : Категория «преступление» в уголовном праве. — М. : Юрлитинформ, 2017. — 520 с.
12. *Марцев А. И.* Преступление: социально-правовой анализ. — Омск : Омская академия МВД России, 2012. — 75 с.
13. *Мирошниченко Д. В.* Сущность преступления // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. — 2019. — № 3. — С. 73–78.
14. *Нагаева Т. И.* Формы и виды преступного деяния : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2012. — 51 с.
15. *Новоселов Г. П.* Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. — М. : Норма, 2001. — 208 с.
16. *Пашин С. А.* Понимание преступления // Уголовное право. — 2000. — № 3. — С. 81–89.
17. *Пермяков Ю. Е.* Категория «общественная опасность» в советском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1989. — 23 с.
18. *Плотников А. И.* Объективное и субъективное в преступлении : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2013. — 45 с.
19. *Пудовочкин Ю. Е.* Учение о преступлении: избранные лекции. — М. : Юрлитинформ, 2010. — 276 с.
20. *Степанова В. В.* Соотношение общественной опасности и вредности правонарушения // Вектор науки ТГУ. Серия «Юридические науки». — 2014. — № 2. — С. 117–122.
21. *Стоянович З.* Определение общего понятия преступления в сербской науке уголовного права // Тенденции развития юридической науки на современном этапе : материалы IV Всерос. науч. конференции с междунар. участием / отв. ред. Е. С. Трезубов. — М., 2020. — С. 770–796.
22. *Тер-Акопов А. А.* Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. — М. : Юстина, 2003. — 478 с.
23. *Третьяков И. Л.* Учение о преступлении в российском уголовном праве // Юридическая наука: история и современность. — 2020. — № 10. — С. 120–135.
24. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. Т. 6 : Объект преступления. Объективная сторона преступления / под ред. Н. А. Лопашенко. — М. : Юрлитинформ, 2016. — 631 с.
25. Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая / под ред. В. С. Комиссарова, А. И. Коробеева, Хе Бинсуна. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2009. — 549 с.

26. Хилjuta В. В. Уголовное право в эпоху перемен // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2022. — № 4. — С. 152–159.
27. Шипунова Т. В. Введение в синтетическую теорию преступности и девиантности. — СПб. : Изд. Санкт-Петербург. ун-та, 2003. — 177 с.
28. Шкабин Г. С. Вред в уголовном праве: виды и правовое регулирование // Lex russica. — 2016. — № 8. — С. 62–80.

Материал поступил в редакцию 31 августа 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Anisimova I. A. Uголовно-pravovoe znachenie prestupnogo vreda: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Tomsk, 2008. — 26 s.
2. Bochkarev S. A. O prirode obshchestvennoy opasnosti prestupleniya // Biznes v zakone. — 2009. — № 5. — S. 155–159.
3. Veliev I. V. Ob obektivnoy storone prestupleniya. — M.: Yurkompani, 2009. — 271 s.
4. Gerasimov A. M. Teoriya uголовnogo pravonarusheniya: dis. ... d-ra yurid. nauk. — Saratov, 2022. — 428 s.
5. Zemlyukov S. V. Uголовно-pravovye problemy prestupnogo vreda. — Novosibirsk: Alt. gos. un-t, 1991. — 241 s.
6. Ivanov N. G. Obshchestvennaya opasnost deyaniya kak ontologicheskaya osnova kriminalizatsii. — M.: Prospekt, 2021. — 80 s.
7. Karpushin M. P., Kurlyandskiy V. I. Uголовnaya otvetstvennost i sostav prestupleniya. — M.: Yurid. lit., 1974. — 230 s.
8. Klenova T. V. O praktike kvalifikatsii prestupleniy v svete teorii prestupleniya // Uголовное sudoproizvodstvo. — 2023. — № 2. — S. 19–27.
9. Klyuchko R. N. Deyanie kak priznak obektivnoy storony prestupleniya // Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Ya. Kupaly. Seriya «Pravovedenie». — 2016. — № 6. — S. 94–99.
10. Lvova E. Yu. Sotsialnaya i yuridicheskaya sushchnost prestupleniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2003. — 23 s.
11. Maltsev V. V. Kurs rossiyskogo uголовnogo prava. Obshchaya chast: v 4 t. T. 3: Prestuplenie. Kn. 1: Kategoriya «prestuplenie» v uголовnom prave. — M.: Yurlitinform, 2017. — 520 s.
12. Martsev A. I. Prestuplenie: sotsialno-pravovoy analiz. — Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2012. — 75 s.
13. Miroshnichenko D. V. Sushchnost prestupleniya // Uchenye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata. — 2019. — № 3. — S. 73–78.
14. Nagaeva T. I. Formy i vidy prestupnogo deyaniya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2012. — 51 s.
15. Novoselov G. P. Uchenie ob obekte prestupleniya. Metodologicheskie aspekty. — M.: Norma, 2001. — 208 s.
16. Pashin S. A. Ponimanie prestupleniya // Uголовное pravo. — 2000. — № 3. — S. 81–89.
17. Permyakov Yu. E. Kategoriya «obshchestvennaya opasnost» v sovetskom uголовnom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 1989. — 23 s.
18. Plotnikov A. I. Obektivnoe i subektivnoe v prestuplenii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2013. — 45 s.
19. Pudovochkin Yu. E. Uchenie o prestuplenii: izbrannye lektsii. — M.: Yurlitinform, 2010. — 276 s.
20. Stepanova V. V. Sootnoshenie obshchestvennoy opasnosti i vrednosti pravonarusheniya // Vektor nauki TGU. Seriya «Yuridicheskie nauki». — 2014. — № 2. — S. 117–122.
21. Stoyanovich Z. Opredelenie obshchego ponyatiya prestupleniya v serbskoy nauke uголовnogo prava // Tendentsii razvitiya yuridicheskoy nauki na sovremenном etape: materialy IV Vseros. nauch. konferentsii s mezhdunar. uchastiem / otv. red. E. S. Trezubov. — M., 2020. — S. 770–796.

22. Ter-Akopov A. A. Prestuplenie i problemy nefizicheskoy prichinnosti v ugovnom prave. — M.: Yustina, 2003. — 478 s.
23. Tretyakov I. L. Uchenie o prestuplenii v rossiyskom ugovnom prave // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost. — 2020. — № 10. — S. 120–135.
24. Uголовное право. Obshchaya chast. Prestuplenie. Akademicheskij kurs: v 10 t. T. 6: Obekt prestupleniya. Obektivnaya storona prestupleniya / pod red. N. A. Lopashenko. — M.: Yurlitinform, 2016. — 631 s.
25. Uchenie o sostave prestupleniya v ugovnom prave Rossii i Kitaya / pod red. V. S. Komissarova, A. I. Korobeeva, Khe Binsuna. — SPb.: Yuridicheskij tsentr-Press, 2009. — 549 s.
26. Khilyuta V. V. Uголовное право v epokhu peremen // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2022. — № 4. — S. 152–159.
27. Shipunova T. V. Vvedenie v sinteticheskuyu teoriyu prestupnosti i deviantnosti. — SPb.: Izd. Sankt-Peterb. un-ta, 2003. — 177 s.
28. Shkabin G. S. Vred v ugovnom prave: vidy i pravovoe regulirovanie // Lex russica. — 2016. — № 8. — S. 62–80.

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.129-136

Е. В. Мозина*

Значение категоризации преступлений для институтов подследственности и подсудности

Аннотация. В статье развивается идея о том, что правовое значение категоризации преступлений не ограничивается исключительно отраслью уголовного права. Категоризация преступлений оказала принципиальное влияние на решение немалого числа вопросов в уголовном процессе. На примере институтов подследственности и подсудности доказывается влияние классификации преступлений по уровню общественной опасности на уголовно-процессуальное право. Акцентируется внимание на том факте, что категоризация преступлений выступает одним из материально-правовых свойств, позволяющих определить орган предварительного следствия (дознания) и компетентный суд. Работа не только констатирует значимость классификации преступлений по уровню общественной опасности для уголовного процесса, но и обращает внимание на небезупречность некоторых положений, использующих категоризацию преступлений и тесно связанный с ней термин «тяжесть преступления». Обосновывается возможность совершенствования законодательства путем легального укрепления позиции категоризации преступлений в соответствующих нормах.

Ключевые слова: категоризация преступлений; тяжесть преступления; уровень общественной опасности; персональная подследственность; территориальная подследственность; предметная подсудность; территориальная подсудность; право; актуальные проблемы; уголовное право.

Для цитирования: Мозина Е. В. Значение категоризации преступлений для институтов подследственности и подсудности // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 5. — С. 129–136. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.129-136.

The Importance of Crime Categorization for the Institutions of Competence and Jurisdiction

Elizaveta V. Mozina, Postgraduate Student, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
paly.elizaveta@yandex.ru

Abstract. The paper develops the idea that the legal significance of crime categorization is not limited exclusively to the branch of criminal law. The categorization of crimes has had a fundamental impact on the resolution of a considerable number of issues in the criminal procedure. Following the example of the institutions of competence and jurisdiction, the influence of crime classification by the level of public danger on criminal procedural law is proved. Attention is given to the fact that the categorization of crimes is one of the substantive properties that make it possible to determine the preliminary investigation (inquiry) body and the competent court. The paper not only states the importance of classifying crimes according to the level of public danger for the criminal procedure, but also draws attention to the flawed nature of some provisions that use the categorization of crimes and the

---

© Мозина Е. В., 2024

* Мозина Елизавета Валентиновна, соискатель кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
paly.elizaveta@yandex.ru

closely related term «gravity of the crime.» The possibility of improving legislation by legally strengthening the position of categorization of crimes in the relevant norms is substantiated.

Keywords: crime categorization; gravity of the crime; level of public danger; personal jurisdiction; territorial jurisdiction; subject competence; territorial competence; law; current problems; criminal law.

Cite as: Mozina EV. The Importance of Crime Categorization for the Institutions of Competence and Jurisdiction. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(5):129-136. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.129-136.

Правовое значение категоризации преступлений обычно увязывается с уголовным правом. Как правило, ни один учебник по Общей части уголовного права¹ не обходится без освещения данного вопроса. Нередко значение классификации преступлений по уровню общественной опасности раскрывается в монографических и диссертационных исследованиях², а также в научных статьях³. В упомянутых и других работах, затрагивающих значение этой классификации, подробно рассмотрены уголовно-правовые последствия принадлежности преступления к определенной категории. Сегодня категоризация преступлений влияет на решение следующих уголовно-правовых вопросов: определение вида рецидива преступлений и назначение наказания при его наличии (ст. 18, 68 УК РФ); наказуемость или ненаказуемость приготовления к преступлению (ч. 2 ст. 30 УК РФ); назначение определенных видов наказаний (ст. 48, ч. 2 ст. 53, ст. 53.1, 56, 57, 59 УК РФ); назначение осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения (ст. 58 УК РФ); установление обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание (п. «а»

ч. 1 ст. 61, п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ); назначение наказания по совокупности преступлений (ст. 69 УК РФ); назначение условного осуждения (п. «в» ч. 1 ст. 73 УК РФ) и его отмена (ч. 5 ст. 74 УК РФ); действие института освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ч. 1 ст. 75 УК РФ), с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), с истечением сроков давности уголовного преследования (ст. 78 УК РФ); применение условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ч. 3, 3.1, 5 ст. 79 УК РФ) и его отмена (п. «б», «в» ч. 7 ст. 79 УК РФ); замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ч. 2, 3 ст. 80 УК РФ); условия освобождения от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ); применение отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ); действие института давности обвинительного приговора суда (ст. 83 УК РФ); определение сроков погашения судимости (ч. 3 ст. 86 УК РФ); особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних (ст. 88, 90, 92–95 УК РФ). Согласно Федеральному закону от 24.06.2023 № 270-ФЗ

¹ См., например: *Звечаровский И. Э.* Российское уголовное право: закон, преступление, ответственность : учебник. М. : Проспект, 2022. С. 99–106 ; *Уголовное право России : учебник для вузов : в 2 т. / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова.* М. : Норма, 2008. Т. 1 : Общая часть. С. 44–45 ; *Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов : в 2 т. / под ред. А. В. Наумова, А. Г. Кибальника.* М. : Юрайт, 2023. Т. 1. С. 61–63.

² См., например: *Кадников Н. Г.* Классификация преступлений по уголовному праву России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000 ; *Кардаев П. С.* Классификация преступлений по степени их тяжести в советском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1977 ; *Кривоченко Л. Н.* Классификация преступлений. Харьков, 1983 ; *Кулева Л. О.* Категоризация преступлений как средство дифференциации ответственности в Общей и Особенной частях УК РФ : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2019 ; *Маршакова Н. Н.* Классификация в российском уголовном законодательстве: теоретико-прикладной анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006 ; *Ратьков А. Н.* Правовое значение классификации преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002.

³ См., например: *Дайшуртов М. М.* Значение и теоретические основы классификации преступлений в российском уголовном праве // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 10. С. 76–79.

«Об особенностях уголовной ответственности участников специальной военной операции» освобождение от уголовной ответственности названных лиц связывается с преступлениями небольшой и средней тяжести.

Как видим, категоризация преступлений позволяет дифференцировать уголовную ответственность, справедливо индивидуализировать наказание и в конечном итоге оптимизировать решение уголовно-правовых задач, поставленных федеральным законодателем.

Имеющийся в доктрине уровень разработанности уголовно-правового значения категоризации преступлений побуждает, на наш взгляд, перейти к следующему этапу осмысления. Его суть состоит в изучении влияния данного института за пределами уголовного законодательства. Определенная работа в этом направлении уже начата. Речь идет о научных трудах, в которых отражаются некоторые аспекты воздействия категорий преступлений на уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное право, криминологию и уголовную статистику⁴. Вместе с тем исследование правового значения категоризации преступлений не доведено до нужного уровня. Думается, что работа в этом направлении может привести к образованию новых знаний, имеющих весомое практическое значение в вопросе противодействия общественно опасным посягательствам.

Решение очерченной проблемы считаем правильным начать с освещения уголовно-процессуального значения категоризации преступлений. Логика здесь следующая. Уголовное право претворяется в жизнь исключительно в уголовно-процессуальной форме. Аксиоматично и встречное этому положение о том, что уголовный процесс специально создан для реализации уголовно-правового существа. Уголовно-процессуальное законодательство полагается на достижения материальной отрасли и в известных случаях пользуется выработанным ею инструментарием. Категоризация преступлений, выступающая материально-правовым феноменом, как раз является таким примером.

Классификация преступлений по уровню общественной опасности оказала принципиальное влияние на решение немалого числа вопросов в уголовном процессе. Ее можно встретить в основном источнике уголовно-процессуального права (гл. 4, 5, 13, 14, 21, 25, 33, 34, 35, 40, 50 УПК РФ). Среди некодифицированных нормативных правовых актов, которые при построении уголовно-процессуальных норм используют категоризацию преступлений, можно выделить федеральные конституционные законы от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (п. 5 ч. 1 ст. 3, ч. 3 ст. 72, ст. 107–110); от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (п. 3 ч. 7 ст. 2); от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (п. «ж» ст. 12); Федеральный закон от 12.02.2001 № 12-ФЗ «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» (ч. 3 ст. 3). Категоризация преступлений повлияла и на отдельные положения федеральных законов, которые не являются в чистом виде уголовно-процессуальными, однако создают необходимую почву для плодотворной реализации назначения уголовного судопроизводства. К ним можно отнести федеральные законы от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» (ч. 12 ст. 9, п. «г» ч. 1 ст. 14.3); от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ч. 3, 4, 9 ст. 8); от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (п. 1 ч. 2 ст. 33); от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (ч. 3 ст. 6) и др.

Для того чтобы наглядно убедиться в значимости категоризации преступлений для уголовно-процессуального права, предлагаем обратиться к институтам подследственности и подсудности, оказывающим серьезное влияние на заинтересованных частных лиц, все общество и государство. Ведь только компетентные и авторитетные в своей области органы способны

⁴ См., например: Кадников Н. Г. Классификация преступлений по уголовному праву России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000.

изобличать и наказывать лиц, действительно виновных в совершении преступлений, ограждать общество от вредоносных поступков, а также гарантировать защиту невиновных от неправомерного уголовного преследования.

Предварительное следствие представляет собой ключевую форму предварительного расследования, дознание же производится в исключительных случаях. Они зафиксированы в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ. Упомянутая норма обладает внушительным размером, поскольку законодатель перечисляет в ней более ста составов преступлений. Они соответствуют категориям преступлений небольшой и средней тяжести. Кроме того, прокурор имеет право давать в письменном виде указания о производстве дознания по уголовным делам об иных преступлениях небольшой и средней тяжести (п. 2 ч. 3 ст. 150 УПК РФ). Предпринятый подход к формулированию уголовно-процессуального положения вряд ли можно признать основательным. Возникает ощущение, что в ст. 150 УПК РФ отсутствует четкое основание для классификации предварительного расследования на формы. Нельзя проигнорировать и то, что количество федеральных законов, вносящих изменения в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ, близится к пятидесяти. Указанная ситуация свидетельствует о непосредственной зависимости уголовно-процессуального положения от редактирования уголовного законодательства. Категоризация преступлений фактически легла в основу определения компетенции органа дознания и следователей. Закономерно возникает вопрос о признании преступлений небольшой и средней тяжести де-юре в качестве критерия дифференциации предварительного расследования.

Уровневая градация преступлений влияет не только на форму предварительного расследования, но и на определение персональной и территориальной подследственности. Первый вид подследственности обусловлен, как правило, статусом лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. В то же время в УПК РФ имеется случай, когда персональная подследственность зависит не от статуса подозреваемого или обвиняемого, а от статуса потерпевшего. Данное положение

касается лиц, не достигших совершеннолетия, и конструируется с использованием двух категорий преступлений. Согласно пп. «г» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ предварительное следствие производится следователями Следственного комитета РФ по уголовным делам «о тяжких и особо тяжких преступлениях, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних». Обозначенный нормотворческий фрагмент сформулирован удачно и выступает ярким примером рационального взаимодействия охранительного и уголовно-процессуального законодательств.

Территориальная подследственность позволяет выбрать территориальное подразделение внутри ведомства, которое полномочно производить дознание или предварительное следствие. Обычно предварительное расследование производится по месту совершения преступления. Однако могут возникать ситуации, когда лицо совершает несколько криминальных посягательств в разных местах. Законодатель в ч. 3 ст. 152 УПК РФ акцентирует внимание правоприменителя на том, что в таком случае «уголовное дело расследуется по месту совершения большинства преступлений или наиболее тяжкого из них». В этой норме обращает на себя внимание такой термин, как «тяжесть преступления».

Данное понятие тесно связано с категоризацией преступлений, поскольку законодатель использует его в наименовании всех четырех категорий преступлений. При этом «тяжесть преступления» не обрела официальной дефиниции. В уголовно-правовой доктрине имеются исследования, в той или иной мере затрагивающие указанное явление. Сущностные признаки тяжести преступления исследуются под углом связи с характером и степенью общественной опасности. В науке существует мнение, что понятие «тяжесть преступления» по содержанию равно понятию «характер и степень общественной опасности». Так, по мнению Н. Г. Кадникова, тяжесть преступления представляет собой «интегрирующий показатель диалектического единства, взаимосвязи и взаимозависимости характера и степени его общественной опасности, индикатором которой, по воле законодателя, выступает, с одной стороны, санкция,

а с другой — отнесение им того или иного преступления к определенной категории»⁵. В том же духе высказываются А. Г. Кулев и Л. О. Кулева, отмечая, что термины «категория преступления» и «тяжесть преступления» выступают синонимами⁶. Представленные суждения относительно тяжести преступления не бесспорны. В уголовно-правовой науке Б. Т. Разгильдиевым изложена мысль, что «если тяжесть преступления тождественна характеру и степени его общественной опасности, тогда закон грешит тавтологией». К тому же ученый подчеркивает, что «категория “тяжесть” в контексте ст. 15 УК РФ законодателем используется в качестве более высокого уровня обобщения»⁷.

Учитывая содержание УК РФ, можно предположить, что законодатель использует категорию «тяжесть преступления» как эквивалент общественной опасности. Однако оправданность введения этого понятия в уголовно-правовое и уголовно-процессуальное пространства вызывает сомнения. Во-первых, закономерно возникает вопрос о практической полезности закрепления на официальном уровне синонима общественной опасности преступления. Во-вторых, такая нормотворческая позиция порождает некоторую неопределенность, поскольку законодатель не наполняет содержанием ни один из названных терминов. Думаем, что в норме, посвященной определению территориальной подследственности, когда преступления совершены в разных местах, фразу «наиболее тяжкое из них» уместно заменить на «преступление, соответствующее наибольшему уровню общественной опасности».

Категоризация преступлений повлияла на институт подсудности, который регулирует сходные с институтом подследственности вопросы, но только в рамках судебного производства по

уголовному делу. Конституция РФ в ч. 1 ст. 47 провозгласила, что «никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом». Аналогичное положение содержится в международно-правовых документах⁸. Осознавая ценность права на законный суд, отечественный законодатель возвел его в ранг уголовно-процессуального принципа (ч. 3 ст. 8 УПК РФ). Закрепление данной гарантии на столь высоких уровнях высвечивает колоссальное значение уголовно-процессуального механизма, позволяющего определять, какой именно суд правомочен рассматривать конкретное уголовное дело. Заслуживает внимания тот факт, что категоризация преступлений выступает одним из материально-правовых свойств, помогающих выбрать суд соответствующего звена судебной системы, который вправе рассматривать определенное уголовное дело (предметная подсудность), и индивидуализировать суд «по горизонтали» (территориальная подсудность).

Устанавливая правила предметной (родовой) подсудности, законодатель предусмотрел, что по общему правилу мировой судья рассматривает уголовные дела о преступлениях, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы (ч. 1 ст. 31 УПК РФ). Такое нормотворческое решение вряд ли можно назвать безупречным. Во-первых, закон в вопросе отнесения уголовных дел к компетенции мирового судьи де-факто опирается на преступления небольшой тяжести. Однако нет никаких оснований полагать, что формулировка «преступления, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы» более содержательна и понятна, нежели «преступления небольшой тяжести». Во-вторых, нельзя признать оправ-

⁵ Кадников Н. Г. Классификация преступлений по уголовному праву России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 11.

⁶ См.: Кулев А. Г., Кулева Л. О. Категоризация преступлений при конструировании уголовно-процессуальных норм // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2. С. 132.

⁷ Уголовное право России : курс лекций : в 6 т. / под ред. Б. Т. Разгильдиева. Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2008. Т. 2. С. 138.

⁸ См., например: п. 1 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

данным использование в корреспондирующих отраслях права нетождественных фраз, характеризующих один и тот же правовой феномен. Такая ситуация нарушает межотраслевую связь материального и процессуального права, а также противоречит принципу обусловленности последнего содержанием охранительной отрасли. В-третьих, подобное законодательное решение не отвечает экономии пространства в уголовно-процессуальном законодательстве. Выходом может стать легальное использование в качестве критерия отнесения уголовного дела к компетенции мирового судьи категории преступлений небольшой тяжести.

Порядок определения территориальной подсудности регламентируется также с использованием категоризации преступлений. Суть этого вида подсудности сводится к индивидуализации суда из множества судов одного вида. Закон предусматривает, что полномочным судом «по горизонтали» является тот, чья юрисдикция распространяется на место совершения преступления. В практике встречаются случаи, когда два преступления (и более) совершены в нескольких районах или субъектах РФ. При таких обстоятельствах рассмотрение уголовного дела происходит в суде, компетенция которого распространяется на место совершения большинства расследованных по делу преступлений или наиболее тяжкого из них (ч. 3 ст. 32 УПК РФ). Из приведенной нормы видно, что одним из критериев определения правомочного суда является тяжесть преступления.

Помимо ранее рассмотренной теоретической неясности вокруг понятия «тяжесть преступления», правоприменители сталкиваются со сложностями в определении территориальной подсудности при одинаковом количестве преступлений одной категории, совершенных в разных местах. Какое из преступлений в таком случае следует считать наиболее тяжким? В науке высказано мнение, что сперва необходимо

руководствоваться категорией преступления, а после опираться на строгость наказания, предусмотренного за совершение каждого из входящих в совокупность преступлений, относящихся к одной категории⁹. Однако такое предложение является некой вольностью в толковании ч. 3 ст. 32 УПК РФ и вряд ли способно снять возникающие правоприменительные вопросы. Во-первых, неясным остается выход из ситуации, когда в разных местах совершено одно и то же количество преступлений, которые равны по уровню общественной опасности и максимальному сроку наказания. Во-вторых, если следовать авторскому мнению, то может сложиться впечатление, что в пределах одной категории преступлений существуют дополнительные уровни общественной опасности преступлений в зависимости от размера санкций за них.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 3 постановления от 27.06.2023 № 22 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих подсудность уголовного дела» заострил внимание на том, что если «уголовное дело направлено прокурором в суд по месту совершения наиболее тяжкого из расследованных по делу преступлений, то для решения вопроса о том, подсудно ли дело данному суду, следует исходить из определенной в статье 15 Уголовного кодекса Российской Федерации... категории каждого из указанных в обвинении преступлений. Применение при этом установленных в главе 10 Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации правил назначения наказания не влияет на категорию самого преступления и на территориальную подсудность уголовного дела»¹⁰. В процитированной позиции авторитетный судебный орган подчеркивает, что при определении наиболее тяжкого преступления суд должен руководствоваться только установленной в УК РФ категоризацией преступлений. Подобные сооб-

⁹ Кондрашин П. В. Проблемы реализации права на «законный суд» при определении территориальной подсудности уголовных дел в мировой юстиции // Уголовная юстиция. 2019. № 14. С. 51–53.

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 22 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих подсудность уголовного дела» // Верховный Суд РФ : официальный сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/32600/?ysclid=ljsvi3tgou591704177> (дата обращения: 07.07.2023).

ражения соответствуют логике уголовно-процессуального закона, но не позволяют ответить на вопрос о территориальной подсудности при одинаковом количестве преступлений равной категории, совершенных в разных местах. Сказанное свидетельствует о том, что часть 3 ст. 32 УПК РФ нуждается в некотором совершенствовании. Одним из путей такого совершенствования могло бы стать использование опыта решения подобного вопроса в предшествующем уголовно-процессуальном законодательстве. В части 3 ст. 42 УПК РСФСР указывалось, что если дело по тем или иным основаниям подсудно одновременно нескольким судам, то оно должно быть рассмотрено тем судом, в районе деятельности которого было закончено предварительное следствие или дознание по делу.

С учетом изложенного важно подчеркнуть, что при регламентации в уголовно-процес-

суальном законе правил определения подследственности и подсудности недопустимы неясность и бессистемность. В противном случае это неизбежно повлечет нарушение требований Конституции РФ и международных документов, выступающих частью правовой системы России. Можно констатировать, что законодатель, устанавливая порядок определения подследственности и подсудности уголовных дел, прибегает к категоризации преступлений. Вместе с тем некоторые положения, в которых фактически присутствует дифференциация преступлений на категории и термин «тяжесть преступления», сложно признать безупречными. Одним из путей совершенствования законодательства в этой области могло бы выступить легальное укрепление позиции категоризации преступлений в соответствующих нормах.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Дайшутов М. М. Значение и теоретические основы классификации преступлений в российском уголовном праве // Вестник Московского университета МВД России. — 2013. — № 10. — С. 76–79.
2. Звечаровский И. Э. Российское уголовное право: закон, преступление, ответственность : учебник. — М. : Проспект, 2022. — 160 с.
3. Кадников Н. Г. Классификация преступлений по уголовному праву России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2000. — 53 с.
4. Кардаев П. С. Классификация преступлений по степени их тяжести в советском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. — Свердловск, 1977. — 198 с.
5. Кондрашин П. В. Проблемы реализации права на «законный суд» при определении территориальной подсудности уголовных дел в мировой юстиции // Уголовная юстиция. — 2019. — № 14. — С. 51–53.
6. Кривоченко Л. Н. Классификация преступлений. — Харьков, 1983. — 129 с.
7. Кулев А. Г., Кулева Л. О. Категоризация преступлений при конструировании уголовно-процессуальных норм // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 2. — С. 130–137.
8. Кулева Л. О. Категоризация преступлений как средство дифференциации ответственности в Общей и Особенной частях УК РФ : дис. ... канд. юрид. наук. — Ярославль, 2019. — 244 с.
9. Маршакова Н. Н. Классификация в российском уголовном законодательстве: теоретико-прикладной анализ : дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2006. — 240 с.
10. Ратьков А. Н. Правовое значение классификации преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов н/Д, 2002. — 194 с.
11. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов : в 2 т. / под ред. А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. — Т. 1. — М. : Юрайт, 2023. — 410 с.
12. Уголовное право России : курс лекций : в 6 т. / под ред. Б. Т. Разгильдиева. — Т. 2. — Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2008. — 648 с.
13. Уголовное право России : учебник для вузов : в 2 т. / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. — Т. 1 : Общая часть. — М. : Норма, 2008. — 592 с.

Материал поступил в редакцию 23 сентября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Dayshutov M. M. Znachenie i teoreticheskie osnovy klassifikatsii prestupleniy v rossiyskom ugovnom prave // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2013. — № 10. — S. 76–79.
2. Zvecharovskiy I. E. Rossiyskoe ugovnoe pravo: zakon, prestuplenie, otvetstvennost: uchebnik. — M.: Prospekt, 2022. — 160 s.
3. Kadnikov N. G. Klassifikatsiya prestupleniy po ugovnomu pravu Rossii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2000. — 53 s.
4. Kardaev P. S. Klassifikatsiya prestupleniy po stepeni ikh tyazhesti v sovetskom ugovnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. — Sverdlovsk, 1977. — 198 s.
5. Kondrashin P. V. Problemy realizatsii prava na «zakonnyy sud» pri opredelenii territorialnoy podsudnosti ugovnykh del v mirovoy yustitsii // Ugovnaya yustitsiya. — 2019. — № 14. — S. 51–53.
6. Krivochenko L. N. Klassifikatsiya prestupleniy. — Kharkov, 1983. — 129 s.
7. Kulev A. G., Kuleva L. O. Kategorizatsiya prestupleniy pri konstruirovani ugovno-protssesualnykh norm // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2019. — № 2. — S. 130–137.
8. Kuleva L. O. Kategorizatsiya prestupleniy kak sredstvo differentsiatsii otvetstvennosti v Obshchey i Osobennoy chastyakh UK RF: dis. ... kand. yurid. nauk. — Yaroslavl, 2019. — 244 s.
9. Marshakova N. N. Klassifikatsiya v rossiyskom ugovnom zakonodatelstve: teoretiko-prikladnoy analiz: dis. ... kand. yurid. nauk. — N. Novgorod, 2006. — 240 s.
10. Ratkov A. N. Pravovoe znachenie klassifikatsii prestupleniy: dis. ... kand. yurid. nauk. — Rostov n/D, 2002. — 194 s.
11. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast: uchebnik dlya vuzov: v 2 t. / pod red. A. V. Naumova, A. G. Kibalnika. — T. 1. — M.: Yurayt, 2023. — 410 s.
12. Ugolovnoe pravo Rossii: kurs lektsiy: v 6 t. / pod red. B. T. Razgildieva. — T. 2. — Saratov: Izd-vo GOU VPO «Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava», 2008. — 648 s.
13. Ugolovnoe pravo Rossii: uchebnik dlya vuzov: v 2 t. / pod red. A. N. Ignatova, Yu. A. Krasikova. — T. 1: Obshchaya chast. — M.: Norma, 2008. — 592 s.

Процессуальный порядок: понятие

Аннотация. В статье фиксируется традиционный подход к рассмотрению процессуальных порядков, основанных на дифференциации (фрагментировании) уголовного процесса. Автор рассматривает процессуальный порядок в качестве родового понятия. Для этого им анализируется нормативная и теоретическая база (относительно конкретизированной объектной области) исследования, выявляются существенные признаки, далее, для определения понятия через род и видовые отличия в качестве родового понятия используется «правовой порядок», а в качестве видовых отличий — такие признаки, как функциональная структура, постоянная динамическая связь между элементами структуры. В качестве конкретной объектной области используются порядки формулирования вопросного листа для присяжных заседателей и предъявления лица для опознания в судебном следствии. Автор приходит к выводу, что процессуальный порядок — это правовой порядок, образованный элементами функциональной структуры процессуальной деятельности вовлеченных в нее участников со стабильными динамическими связями между этими элементами, сохраняющимися на всем протяжении уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; уголовный процесс; процессуальный порядок; правовой порядок; порядок; законность; судопроизводство с присяжными заседателями; вопросный лист; судебное следствие; предъявление для опознания; опознание.

Для цитирования: Зашляпин Л. А. Процессуальный порядок: понятие // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 5. — С. 137–143. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.137-143.

Procedural Order: The Concept

Leonid A. Zashlyapin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure Law, North-Western Branch, Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russian Federation
leonid.zashlyapin@gmail.com

Abstract. The paper documents the traditional approach to the consideration of procedural orders based on differentiation (fragmentation) of the criminal procedure. The paper differs in that the author considers procedural order as a generic concept. To do this, the author analyzes the normative and theoretical basis (relative to the specified object area) of the study, identifies essential features. In order to define the concept through genus and specific differences, the concept of «legal order» is used as a generic concept, and such characteristics as functional structure are used as specific differences, constant dynamic connection between the elements of the structure. As a specific object area, the procedure for formulating a juror questionnaire and the procedure for presenting a person for identification in a judicial investigation are used. The author concludes that the procedural order is a legal

---

© Зашляпин Л. А., 2024

* Зашляпин Леонид Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, Александровский парк, д. 5, г. Санкт-Петербург, Россия, 197046
leonid.zashlyapin@gmail.com

order formed by the elements of the functional structure of the procedural activity of the participants involved in it with stable dynamic connections between these elements that persist throughout the criminal procedural activity.

Keywords: criminal proceedings; criminal procedure; procedural order; legal order; order; legality; jury trial; questionnaire; judicial investigation; identification parade; identification.

Cite as: Zashlyapin LA. Procedural Order: The Concept. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(5):137-143. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.137-143.

Если право воспринимать как инструмент, разрешающий социальные конфликты, то такое понимание может указывать на социальную цель — желание общества через право достичь какого-то комфортного уклада. В связи с этим вспоминается высказывание М. Е. Салтыкова-Щедрина о том, что «земля наша велика и обильна, но *порядку* в ней нет (здесь и далее в цитатах курсив наш. — Л. З.)»¹. Дефицит порядка — наша многовековая проблема. Это относится и к современному уголовному судопроизводству, страдающему от недостатка процессуальной гармонии (порядка).

Актуальность выбранной тематики в этом случае является достаточно очевидной. При этом, с одной стороны, понятие «процессуальный порядок» может считаться некоторой обыденностью отечественной юриспруденции. Так, например, авторский коллектив известных ученых в своей работе «Уголовно-процессуальное право Российской Федерации» (2023 г.) использовал термин «порядок» 111 раз, авторы другого учебника этот же термин упоминают столь же часто — 112 раз². Примечательно, что предметное знание уголовного процесса в этих случаях (с использованием интересующего нас термина) охватывает всю объектную область соответствующей науки. С другой стороны, библиографический поиск в электронных каталогах Российской государственной библиотеки³

(город Москва) и Российской национальной библиотеки⁴ (город Санкт-Петербург) не выявляет теоретических источников, посвященных процессуальному порядку как таковому. Причинами этого, возможно, является то, что ученые-процессуалисты тяготеют к изложению процессуальных порядков как конкретизированных нормативных правил, описывающих процедурные аспекты фрагментов процессуальной деятельности, дифференцированных по различным основаниям. Соответственно, распространенная тематика исследований в таком случае ограничивается различными процессуальными порядками, основанными на дифференциации (фрагментировании) уголовного процесса.

Примерно так, следуя основным трендам, подходят к пониманию процессуального порядка и уважаемые авторы статей в журнале «Актуальные проблемы российского права»⁵. Это не исключает обращение к формально-логической процедуре дефинирования родового понятия «процессуальный порядок», которое не связано с фрагментацией уголовного судопроизводства (порядками стадий, действий и т.д.). В связи с этим актуальность темы смещается в область теории уголовного судопроизводства. Формулирование понятия «процессуальный порядок» будет выявлять при таком подходе общее, присущее как родовому понятию, так и видовым понятиям, и задавать направление не для диф-

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений : в 10 т. М. : Правда, 1988. Т. 6. С. 442.

² См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : практикум / под ред. Л. А. Воскобитовой. М. : Норма : Инфра-М, 2023 ; Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. 8-е изд., перераб. М. : Норма : Инфра-М, 2023.

³ URL: <http://aleph.rsl.ru> (дата обращения: 25.08.2023).

⁴ URL: <https://nlr.ru> (дата обращения: 25.08.2023).

⁵ См.: Маркова Т. Ю. Проблемы процессуального порядка постановки вопросов присяжным заседателям // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 1 (4). С. 605–611 ; Васяев А. А. О порядке предъявления для опознания в ходе судебного следствия // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 4 (9). С. 325–329.

ференциации, а для синкретии, выявления сущности уголовного судопроизводства.

Достаточно часто формально-логическая методика является декларативной в уголовно-процессуальных исследованиях, но стремление выявить в процессуальных отраслях некое неуловимое содержание, нацеленное на «обеспечение *стабильности* общественных отношений» ободряет нас⁶. Вот эту квинтэссенциальность процессуального порядка мы попробуем определить в настоящей статье.

В первую очередь рассмотрим нормы УПК РФ 2001 г., в которых могут содержаться признаки, позволяющие определить понятие «процессуальный порядок». При этом мы будем придерживаться общепринятой семантики термина «порядок», подразумевающей логическую обусловленность, последовательность его элементов.

Первое положение закона указывает: «*порядок* уголовного судопроизводства» — то, что предусмотрено в УПК РФ (ч. 1 ст. 1 Кодекса). Из этого следует, что действующий закон содержит совокупность норм, которые необходимо рассматривать как уголовно-процессуальный порядок. Такой подход весьма традиционен: в предыдущем законодательстве содержались аналогичные правила. Эта традиционность является знаком рациональности, в силу которой уголовный процесс требует упорядочения деятельности множества участников.

Подход законодателя естественно ориентирован на правоприменителя. В нем отсутствуют субъектные ограничения. Процессуальный порядок связывается с деятельностью носителей функций правосудия, обвинения, иных участников, перечень которых открыт, а значит, включает и лиц, осуществляющих функцию защиты, и субъектов, содействующих правосудию (ч. 2 ст. 1 УПК РФ). Это предполагает наличие в процессуальном порядке связи между носителями различных уголовно-процессуальных функций. Попытки дискретного рассмотрения отдельных порядков (для

судов, органов дознания и т.д.) вряд ли могут приблизить к ясному дефинированию процессуального порядка как такового.

В качестве примеров рассмотрения законодателем процессуального порядка возьмем правила ст. 338–340 УПК РФ о постановке вопросов присяжным заседателям и ст. 289 и 193 УПК РФ о предъявлении для опознания в суде.

Субъектами, упоминаемыми в процедуре формулирования вопросного листа, являются: 1) для носителей функции правосудия — судья, председательствующий, присяжные заседатели, старшина присяжных, коллегия присяжных заседателей; 2) для носителей функции обвинения — сторона (предполагается, что сторона обвинения); 3) для носителей функции защиты — соответственно сторона защиты, подсудимый, каждый из подсудимых, защитник. Процессуальный порядок, таким образом, должен базироваться на процессуальных функциях и одновременно может существовать при наличии связи между деятельностью всех этих субъектов. Это парадоксально для состязательного типа процесса, описываемого преимущественно через «состязание» сторон с равноудаленным от них судом, т.е. дискретно.

Перечисленным акторам приписываются следующие действия. Для первой группы: формулирование вопросов, зачитывание вопросов, передача вопросов сторонам, учет вопросов подсудимого и защитника, окончательное формулирование вопросов, внесение окончательных вопросов в вопросный лист (судья); запрет выражения мнения по вопросам, разъяснение порядка подготовки ответов на вопросы из вопросного листа (председательствующий); удаление (уход) из зала судебного заседания на период формулирования вопросного листа, получение разъяснений (выслушивание) относительно вопросного листа (присяжные заседатели); получение передаваемого присяжным заседателям вопросного листа (старшина коллегии). Для второй группы: получение передаваемого присяжным заседателям вопросного

---

⁶ Проблемы развития процессуального права России : монография / А. В. Белякова, Л. А. Воскобитова, А. В. Габов [и др.]. М. : Норма, Инфра-М, 2018. С. 31, 33.

листа, высказывание замечаний относительно сформулированных судьей вопросов, предложение новых вопросов от стороны обвинения, заслушивание вопросов в окончательной форме (сторона обвинения). Для третьей группы: получение вопросного листа с вопросами, сформулированными судьей, высказывание замечаний относительно сформулированных судьей вопросов, предложение новых вопросов от стороны защиты; заслушивание вопросов в окончательной форме (сторона защиты). Предполагается, что субъекты и их действия при формулировании вопросов присяжным заседателям есть функциональная структура рассматриваемой деятельности.

Обращение к правилам предъявления для опознания в суде (в силу использования законодателем ссылочного способа) влечет преимущественный анализ нормативных положений о предъявлении для опознания в предварительном расследовании. Особой структуры данного действия для судебного следствия нет. Субъектами данной процедуры являются опознаваемый; опознающий (которыми в обоих случаях могут быть носители функции обвинения, защиты или содействия правосудию); другие лица, внешне сходные с опознаваемым (реализующие функцию содействия правосудию). Способ конструирования законодателем порядка предъявления для опознания в суде не дает четкого понимания того, кто вместо следователя является активным участником рассматриваемого действия, занимая аналогичную процессуальную позицию. Судья (председательствующий), в силу реализуемой функции правосудия, не может выполнять действия носителя функции уголовного преследования (обвинения), в качестве такового исключается.

Конкретизация деятельности субъектов в судебном опознании представляется следующим образом. Условный следователь — принимает решение о предъявлении лица для опознания; предварительно допрашивает опознающего; предлагает опознаваемому занять любое место среди лиц, предъявляемых для опознания; предлагает объяснить опознающему факторы опознания; воздерживается от наводящих вопросов. Опознающий — предваритель-

но дает показания о лице, которое предстоит опознавать; дает объяснения о признаках, по которым он опознал предъявляемое лицо. Опознаваемый — может занять любое место среди лиц, предъявляемых для опознания. Для лиц, внешне сходных с опознаваемым, предъявляемых вместе с опознаваемым, никаких действий законом не определено. Для возникновения процессуального порядка все указанные действия должны иметь четкую функциональную распределенность.

Основная проблема в этом случае связана с субъектным составом. Если ходатайство о предъявлении лица для опознания заявил государственный обвинитель, но при этом в качестве опознающего указал свидетеля от стороны защиты, то предварительный допрос опознающего должен вести он же. Равно ходатайство защитника о предъявлении какого-то лица для опознания потерпевшему предполагает предварительный допрос опознающего защитником. Оба варианта противоречат нормативной конструкции ст. 274 УПК РФ. Функциональная структура для предъявления лица для опознания в суде отсутствует.

В первом случае о порядке формулирования вопросного листа (даже при ослабленной структуре) говорить можно, во втором (при отсутствии структуры, связей между ее элементами) — возможен лишь процессуальный хаос.

Во вторую очередь обратимся к теоретическим позициям, позволяющим выявить признаки процессуального порядка. При этом отметим, что понятие «процессуальный порядок» должно и может находиться в логической связи с иными понятиями. Очевидна, например, связь этого понятия с ближайшим родовым понятием «правовой порядок» и стоящими над ним понятиями «общественный порядок» и «порядок». В силу этого можно аксиоматизировать суждение о том, что все, присущие порядку, свойственно одновременно и общественному порядку, правовому порядку и т.д. Нашей гипотезой об общих признаках, имманентных конструкции «порядок», является наличие структуры, элементы которой находятся в связи, определяющей последовательность (расположенность)

этих элементов. Это инвариантное содержание всякого порядка⁷.

Противоположностью процессуальному порядку является процессуальный беспорядок, энтропия которого связывается со слабой процессуальной структурой. Данное качество, приводящее к хаосу, коррелируется с неравновесностью или структурной неустойчивостью системы⁸. Структурная равновесность, сбалансированность, устойчивость, что относится и к процессуальной деятельности, базируются на связях элементов этой структуры⁹. Прочные связи формируют процессуальный порядок, а слабые связи разрушают его. Приведенные общетеоретические позиции являются общепризнанными, позволяют переносить их в формулируемое понятие «процессуальный порядок».

В юриспруденции имеющим значение для выявления интересующих нас признаков является понятие «общественный порядок». В статье Д. А. Маракулина, раскрывающей данное понятие, указывается на то, что сущность общественного порядка должна связываться с его структурой, элементами и связями между этими элементами¹⁰. При этом позиция данного автора сформирована для материальной отрасли права и представляет собой подход, соответствующий науке уголовного права. Возникающая проблема для ученых-процессуалистов проявляется в том, что Д. А. Маракулин понимает общественный порядок как итог правоприменительной деятельности¹¹. Предполагаем, что итоговость понимания порядка будет противоречить основным положениям уголовного судопроизводства. В этом, скорее всего, состоит видовое отличие материально-правового порядка от процессуального порядка.

Наши сомнения в том, что понимание процессуального порядка не может быть аналогичным материально-правовому, сущность которого состоит в том, что правопорядок рассматривается как результативное (итоговое) состояние, основывающиеся на динамическом содержании уголовного судопроизводства, в котором даже презумпция истинности приговора является опровержимой, допускающей после кассационной или надзорной стадий цикличность уголовно-процессуальной деятельности. Из общей теории права мы можем заимствовать элемент урегулированности законом (определенности правовых норм) действий и решений, но при этом динамически понимать порядок применения уголовно-процессуального закона. Порядок в процессуальном смысле не статичен, должен связываться с процедурой движения уголовного дела.

В публикации Т. Ю. Марковой о порядке постановки вопросов присяжным заседателям прежде всего отмечается, что формулирование вопросного листа представляет «значительную трудность для профессиональных участников процесса»¹². Соглашаясь с автором, дополним, что любая проблематичность в реализации процессуальных норм ставит под сомнение порядок совершения действий и принятия решений, а вместе с тем и законность этих процедур, допуская усмотрение в тех случаях, когда требуется нормативная определенность. Процессуальный порядок в своей основе должен иметь ясную процедуру. Неясность (относительно полномочий субъекта как элемента структуры деятельности, действий, которые могут быть как-то, в произвольном порядке совершены) влечет процессуальный хаос. Ло-

---

⁷ См.: Пригожин И. Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса : Новый диалог человека с природой. М. : Эдиториал УРСС, 2001.

⁸ См.: Пригожин И. Р., Стенгерс И. Указ. соч. С. 156, 165–166.

⁹ См.: Самигуллин И. З. Мир хаоса и порядка. СПб., 1995. С. 12.

¹⁰ См.: Маракулин Д. А. К вопросу о сущности общественного порядка // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 4 (13). С. 262–266.

¹¹ См.: Маракулин Д. А. Указ. соч. С. 263.

¹² Маркова Т. Ю. Указ. соч. С. 605.

гично Т. Ю. Маркова одновременно фиксирует и отсутствие некоторых фрагментов процессуального порядка (элементов структуры) постановки вопросов присяжным заседателям¹³. При этом данный автор описывает основных процессуальных акторов процедур постановки вопросов присяжным заседателям, совершаемых ими действий, принимаемых решений и даже, по нашему мнению, касается связей между элементами структуры в тех случаях, когда констатирует отсутствие в законе указания на необходимость принятия процессуального решения председательствующим относительно замечаний к составленным судьей вопросам и новых вопросов, предложенных сторонами, а также тогда, когда указывает на необходимость составления нового варианта вопросного листа в случае большого количества новых вопросов сторон, меняющих вопросный лист по существу, поскольку коррелирует это с предыдущими действиями участников¹⁴.

В статье А. А. Васяева, посвященной порядку предъявления для опознания в суде, последовательно фиксируется явный дефект законодательства (структуры) относительно действий в судебном заседании активных субъектов данного процессуального действия: приводится эмпирический результат изучения 500 уголовных дел, в ходе рассмотрения которых предъявления для опознания в суде не применялось, а использовалось заменяющее его узнавание, нарушающее права и гарантии участников уголовного судопроизводства¹⁵. Данный автор ярко

демонстрирует связь отсутствия процессуального порядка с элементами незаконности судопроизводства. Отсутствие необходимых структурных элементов в конструкции предъявления для опознания в суде очевидно, что следует и из вышеприведенного нормативного анализа данного процессуального действия.

Фактически мы можем зафиксировать, что и в теории уголовного процесса в качестве необходимых элементов, определяющих процессуальный порядок, указываются структура и надлежащие связи между элементами этой структуры.

В итоге мы можем констатировать, что процессуальный порядок — это правовой порядок, образованный элементами функциональной структуры процессуальной деятельности вовлеченных в нее участников со стабильными динамическими связями между этими элементами, сохраняющимися на всем протяжении уголовно-процессуальной деятельности.

Основу процессуальной структуры в качестве элементов образуют субъекты уголовно-процессуальной деятельности (их полномочия) и совершаемые ими действия, гармонично понимаемые в аспекте процессуальных функций. При этом между участниками и их действиями требуется постоянная связь. Отсутствие динамической связи между элементами структуры (ее ослабление), скорее всего, будет приводить к процессуальному хаосу, произвольному усмотрению активных субъектов уголовного судопроизводства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Васяев А. А.* О порядке предъявления для опознания в ходе судебного следствия // Актуальные проблемы российского права. — 2008. — № 4 (9). — С. 325–329.
2. *Маракулин Д. А.* К вопросу о сущности общественного порядка // Актуальные проблемы российского права. — 2009. — № 4 (13). — С. 262–266.
3. *Маркова Т. Ю.* Проблемы процессуального порядка постановки вопросов присяжным заседателям // Актуальные проблемы российского права. — 2007. — № 1 (4). — С. 605–611.

¹³ См.: *Маркова Т. Ю.* Указ. соч. С. 606.

¹⁴ См.: *Маркова Т. Ю.* Указ. соч. С. 610–611.

¹⁵ См.: *Васяев А. А.* Указ. соч. С. 325–329.

4. Пригожин И. Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса : Новый диалог человека с природой. — М. : Эдиториал УРСС, 2001. — 310 с.
5. Проблемы развития процессуального права России : монография / А. В. Белякова, Л. А. Воскобитова, А. В. Габов [и др.]. — М. : Норма, Инфра-М, 2018.
6. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 6. — М. : Правда, 1988.
7. Самигуллин И. З. Мир хаоса и порядка. — СПб., 1995. — 277 с.
8. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. — 8-е изд., перераб. — М. : Норма : Инфра-М, 2023. — 784 с.
9. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: практикум / под ред. Л. А. Воскобитовой. — М. : Норма : Инфра-М, 2023. — 352 с.

Материал поступил в редакцию 30 августа 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vasyaev A. A. O poryadke predyavleniya dlya opoznaniya v khode sudebnogo sledstviya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2008. — № 4 (9). — S. 325–329.
2. Marakulin D. A. K voprosu o sushchnosti obshchestvennogo poryadka // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2009. — № 4 (13). — S. 262–266.
3. Markova T. Yu. Problemy protsessualnogo poryadka postanovki voprosov prisyzhnym zasedatelyam // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2007. — № 1 (4). — S. 605–611.
4. Prigozhin I. R., Stengers I. Poryadok iz khaosa: Novyy dialog cheloveka s prirodoy. — M.: Editorial URSS, 2001. — 310 s.
5. Problemy razvitiya protsessualnogo prava Rossii: monografiya / A. V. Belyakova, L. A. Voskobitova, A. V. Gabov [i dr.]. — M.: Norma, Infra-M, 2018.
6. Saltykov-Shchedrin M. E. Sbranie sochineniy: v 10 t. T. 6. — M.: Pravda, 1988.
7. Samigullin I. Z. Mir khaosa i poryadka. — SPb., 1995. — 277 s.
8. Smirnov A. V., Kalinovskiy K. B. Ugolovnyy protsess: uchebnik / pod obshch. red. A. V. Smirnova. — 8-e izd., pererab. — M.: Norma: Infra-M, 2023. — 784 s.
9. Ugolovno-protsessualnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: praktikum / pod red. L. A. Voskobitovoy. — M.: Norma: Infra-M, 2023. — 352 s.

Пограничный корректирующий углеродный механизм ЕС в свете основополагающих международных договоров в области окружающей среды

Аннотация. Первого октября 2023 г. ЕС ввел в действие пограничный корректирующий углеродный механизм (ПКУМ). Это один из элементов «Зеленой сделки» — масштабной программы трансформации экономического курса ЕС, изобилующей экологической риторикой. Возникает вопрос о том, каким образом политика ЕС соотносится с положениями основополагающих универсальных международных договоров в области борьбы с изменением климата. Среди всех международных договоров по данному вопросу выделяются Рамочная конвенция ООН об изменении климата и Парижское соглашение, послужившие, по утверждению ЕС, основанием для разработки ПКУМ. Насколько «Зеленая сделка» соответствует принципу общей, но дифференцированной ответственности, не нарушает ли принципы справедливости, недискриминации, добросовестной конкуренции и другие максимы — лишь некоторые вопросы, на которые авторы попытаются дать ответы, проанализировав пакет документов, устанавливающий принципиально новый в своем роде трансграничный механизм.

Ключевые слова: климатическая повестка; Парижское соглашение; «Зеленая сделка»; ПКУМ; углеродная нейтральность; Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН); Киотский протокол; определяемый на национальном уровне вклад (ОНУВ); ЕС; торговля; международное право.

Для цитирования: Смбалян А. С., Салия М. Р. Пограничный корректирующий углеродный механизм ЕС в свете основополагающих международных договоров в области окружающей среды // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 5. — С. 144–158. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.144-158.

© Смбалян А. С., Салия М. Р., 2024

* Смбалян Анаит Сергеевна, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации Воробьевское шоссе, д. 6а, г. Москва, Россия, 119285
anait_smbatyan@mail.ru

** Салия Марианна Романовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации Воробьевское шоссе, д. 6а, г. Москва, Россия, 119285
m.saliya@yandex.ru

EU Carbon Border Adjustment Mechanism in light of the Fundamental International Environmental Treaties

Anahit S. Smbatyan, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of International Law,
Russian Foreign Trade Academy, Moscow, Russian Federation
anait_smbatyan@mail.ru

Marianna R. Saliya, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of International Law,
Russian Foreign Trade Academy, Moscow, Russian Federation
m.saliya@yandex.ru

Abstract. On October 1, 2023, the EU has introduced a Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM). This is one element of the European Green Deal, a large-scale program to transform the EU's economic policy, replete with environmental rhetoric. The question arises of how EU policies relate to the provisions of the fundamental universal international treaties in the field of combating climate change. Among all the international treaties on this issue, the UN Framework Convention on Climate Change and the Paris Agreement stand out, which, according to the EU, served as the basis for the development of the CBAM. To what extent does the Green Deal comply with the principle of common but differentiated responsibilities, does it violate the principles of fairness, non-discrimination, fair competition and other maxims — these are just some of the questions that the authors will try to answer by analyzing the package of documents establishing a fundamentally new cross-border mechanism of its kind.

Keywords: climate agenda; Paris Agreement; Green Deal; CBAM; carbon neutrality; UN FCCC; UN; Kyoto Protocol; NDC; EU; trade; international law.

Cite as: Smbatyan AS, Saliya MR. EU Carbon Border Adjustment Mechanism in light of the Fundamental International Environmental Treaties. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(5):144-158. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.144-158.

Основополагающие положения международных договоров по борьбе с изменением климата

Изменение климата сегодня объективно может считаться одной из самых актуальных тем международной повестки. Как давно международное сообщество начало создавать правовое регулирование по данному вопросу? Первый доклад Генерального секретаря ООН, посвященный экологии, от 26.05.1969 «Проблемы окружающей человека среды» содержал следующую формулировку: «Так, проблема изменения климата становится важным вопросом, рассматриваемым комиссиями Всемирной метеорологической организации по атмосферным наукам и климатологии. Данный вопрос включает изменения, которые могли быть вызваны

человеком, а также появились в результате природных атмосферных явлений»¹. Следовательно, с 1960-х гг. началось формирование международно-правовой базы для регулирования данной сферы отношений.

Говоря о международных договорах в области борьбы с изменением климата, стоит начать с Венской конвенции об охране озонового слоя 1985 г.² Международное сообщество поставило целью защитить здоровье человека и окружающую среду от неблагоприятных последствий в связи с антропогенным влиянием на изменение состояния озонового слоя (ст. 2 Венской конвенции). Стороны договорились сотрудничать путем наблюдений, исследований и обмена информацией об изменении состояния озонового слоя; принимать законодательные и адми-

¹ Problems of the human environment: report of the Secretary-General. UN, 26.05.1969. P. 62 // URL: <https://digitallibrary.un.org/record/729455?ln=ru> (дата обращения: 04.10.2023).

² URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ozone.shtml (дата обращения: 04.10.2023).

нистративные меры в отношении деятельности человека, пагубно влияющей на состояние озонового слоя; принимать совместные меры по достижению целей данной Конвенции, в том числе путем сотрудничества с международными организациями³. Статьи 8 и 9 Венской конвенции предусматривают создание протоколов и поправок. Действующего регулирования оказалось недостаточно для принятия эффективных мер, и позже был принят Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой, 1987 г., который представляет собой правовой механизм реализации Венской конвенции.

В чем особенность данного механизма? Монреальский протокол устанавливает, в частности, нормы о контроле регулируемых веществ, оценке и обзоре мер, предоставлении данных, а также несоблюдении⁴. Дальнейшее развитие механизм получил с принятием Лондонской поправки в 1990 г., где «Стороны учреждают Исполнительный комитет для разработки и осуществления конкретной оперативной политики, руководящих принципов и административных мер...». Исполнительный комитет наделялся полномочиями рассматривать жалобы в случае несоблюдения правил Монреальского протокола и выносить решение, которое окончательно принимается на Совещании сторон. Если государство согласно с вынесенным решением, то Совещание сторон ограничивается предписаниями, которые государству-нарушителю необходимо выполнить. В ином случае против него могут приниматься серьезные меры вплоть до ограничения экспорта. Как отмечается в правовой литературе, «во многом именно благодаря существованию

процедуры несоблюдения Монреальский протокол остается эффективным даже спустя 25 лет после принятия»⁵.

Следующий этап — 1992 год, когда Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК) выпускает обзор Первого оценочного доклада по изменению климата с дополнениями, где сообщается о существенном увеличении концентрации парниковых газов в результате деятельности человека⁶. В результате создается дополнительный нагрев поверхности Земли, а это, в свою очередь, ведет к ускоренному повышению глобальной температуры⁷. На тот момент по многим существенным вопросам сохранялась неопределенность. Так, предложенные сценарии выбросов и их влияние на дальнейшее развитие не были проанализированы⁸. Тем не менее в 1992 г. была подписана Рамочная конвенция ООН об изменении климата (далее — РКИК ООН). Ее цель — «стабилизировать концентрацию парниковых газов в атмосфере на таком уровне, который не допускал бы опасного антропогенного воздействия на климатическую систему». В отличие от Монреальского протокола, РКИК ООН не вводит ограничений либо запретов в отношении той или иной экономической деятельности, однако создает новую институциональную систему, состоящую из Конференции сторон, Секретариата, Вспомогательного органа для консультирования по научным и техническим аспектам, Вспомогательного органа по осуществлению и финансового механизма. В статье 7 РКИК ООН, например, указано, что Конференция сторон, являющаяся высшим органом конвенции, регулярно рассматривает вопрос об осуществлении конвенции и любых связанных с ней правовых документов, которые

³ Steinberg R. H. Power and Cooperation in International Environmental Law // UCLA School of Law Research Paper No. 06-43, Research Handbook in International Economic Law. Edward Elgar, 2007. P. 504.

⁴ Steinberg R. H. Op. cit. P. 503–505.

⁵ Отрашевская А. М., Солнцев А. М., Юсифова П. Н. Роль договорных органов в контроле за выполнением международных экологических обязательств // Московский журнал международного права. 2023. № 1. С. 54.

⁶ Изменение климата: оценки МГЭИК за 1990 и 1992 гг. Межправительственная группа экспертов по изменению климата, 1992. С. 63.

⁷ Изменение климата: оценки МГЭИК за 1990 и 1992 гг.

⁸ Изменение климата: оценки МГЭИК за 1990 и 1992 гг. С. 11.

могут быть приняты Конференцией сторон, и выносит, в пределах своих полномочий, решения, необходимые для содействия эффективному осуществлению РКИК ООН.

В рамках реализации цели РКИК был принят Киотский протокол к Рамочной конвенции ООН об изменении климата в 1997 г. Киотский протокол ввел так называемые механизмы гибкости — экономические инструменты, стимулирующие снижение выбросов путем совместного осуществления проектов по сокращению выбросов развитыми и развивающимися странами, а также торговли квотами на выбросы. Киотский протокол закрепляет обязанности по выбросам в отношении развитых стран. Механизм чистого развития (clean development mechanism (CDM)) закреплён в ст. 12 Киотского протокола. Основная цель — помочь таким образом развивающимся странам в достижении устойчивого развития. Развитые страны финансировали проекты по сокращению выбросов в развивающихся государствах на уровне предприятий. Киотским протоколом установлена строгая система мониторинга, обзора и проверки, а также система соблюдения для обеспечения прозрачности и привлечения сторон к ответственности. Фактические выбросы стран должны контролироваться, и должны вестись точные записи о проведённых сделках.

Впоследствии «урожайным» на события в области климатической повестки оказался 2015 год. Международное сообщество утверждает новую повестку дня в области устойчивого

развития на период 2016–2030 гг. под названием «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»⁹. В документе определены 17 целей в области устойчивого развития (далее — ЦУР). По каждой глобальной ЦУР определен набор связанных с ней задач. В общей сложности для обеспечения достижения 17 ЦУР определено 169 задач¹⁰. Среди 17 ЦУР есть Цель 13 «Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями»¹¹. Вскоре после принятия ЦУР, 12 декабря 2015 г., мировые лидеры заключают новый международный договор — Парижское соглашение. Данный договор установил цель, которая конкретна настолько, насколько неясен механизм ее достижения. Цель — удержать прирост глобальной средней температуры к концу XXI в. в пределах «намного ниже» 2 °C сверх доиндустриальных показателей и «приложить усилия» в целях ограничения роста температуры до 1,5 °C. Как ее достичь? Статья 3 Парижского соглашения обязывает государств-участников определить на национальных уровнях свои вклады в глобальное реагирование на изменение климата и сообщить их в Секретариат ООН по климату¹². Таким образом, государства самостоятельно сначала на национальном уровне, а затем на международном устанавливают свой объем обязательств по договору. Стоит отметить, что в соответствии с нормами Парижского соглашения все страны, включая развивающиеся, определяют свой вклад в борьбу с изменением

⁹ Резолюция Генеральной Ассамблеи от 25.09.2015 № 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Документ ООН от 21.10.2015 A/RES/70/1.

¹⁰ Цели в области устойчивого развития. Справочное пособие для профсоюзов по Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_dialogue/---actrav/documents/publication/wcms_618481.pdf (дата обращения: 29.11.2023).

¹¹ В сноске к Цели 13 подчеркиваются роль и значение РКИК ООН: «Признавая, что Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата является главной международной межправительственной основой для согласования мер глобального реагирования на изменение климата».

¹² Согласно п. 8 ст. 4 Соглашения «при сообщении своих определяемых на национальном уровне вкладов все Стороны предоставляют информацию, необходимую для обеспечения ясности, транспарентности и понимания, в соответствии с решением 1/CP.21 и любыми соответствующими решениями Конференции Сторон, действующей в качестве совещания Сторон настоящего Соглашения». Пункт 9 ст. 4 Соглашения предусматривает, что «каждая Сторона сообщает определяемый на национальном уровне вклад раз в пять лет в соответствии с решением 1/CP.21 и соответствующими решениями Конференции Сторон,

климата. Кроме того, статья 6 предусматривает добровольные механизмы сотрудничества государств в рамках сокращения выбросов парниковых газов. К ним относятся двустороннее рыночное сотрудничество без участия международного органа; многостороннее рыночное сотрудничество под надзором международного органа и «нерыночные подходы», научное и техническое сотрудничество¹³.

Порядок реализации положений ст. 6 Парижского соглашения сейчас находится на стадии согласования. Как отмечается, «причиной послужило различное понимание сторонами подходов по недопущению двойного учета результатов проектной деятельности, обязательным отчислениям, направленным на цели адаптации, переносу неиспользованных углеродных единиц по Киотскому протоколу»¹⁴. Кроме того, стороны не пришли к единообразному понима-

нию использованных в Соглашении терминов и определений, что тоже легло в основу разногласий относительно некоторых положений Соглашения¹⁵.

Таким образом, сегодня можно наблюдать процесс зарождения глобального механизма по регулированию борьбы с изменением климата, как тогда, когда в XX в. международное сообщество создавало глобальный механизм международной торговли сначала в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле, а затем на уровне Всемирной торговой организации.

«Зеленая сделка» ЕС и ее основные элементы

В декабре 2019 г. Комиссия ЕС опубликовала предложения по новому пакету мер, получившему название The European Green Deal — «Зе-

действующей в качестве совещания Сторон настоящего Соглашения, и использует в качестве информационной основы результаты глобального подведения итогов, упомянутого в статье 14».

¹³ Пункт 2 ст. 6 Парижского соглашения определяет рыночные подходы к сотрудничеству между странами на двусторонней основе. Указывается, что мероприятия по сокращению выбросов или их поглощению реализуются в одной стране, а «передаваемые на международном уровне результаты предотвращения изменения климата» (Internationally Transferred Mitigation Outcomes (ITMO)) передаются другой стране. Принимающая сторона должна учитывать эти результаты при осуществлении своих определяемых на национальном уровне вкладов. Таким образом, данная система работает по аналогии с механизмом торговли квотами в рамках Киотского протокола (Rot). Немаловажно и то, что пункт 2 ст. 6 Парижского соглашения содержит требование, которое исключает двойной учет таких результатов.

Пункт 4 ст. 6 Парижского соглашения устанавливает второй рыночный механизм, целью которого являются содействие сокращению выбросов парниковых газов и поддержка устойчивого развития. Указанный механизм функционирует «под надзором органа, назначенного Конференцией Сторон». В данном пункте речь идет непосредственно о реализации климатических проектов. В пункте 4(b) ст. 6 Соглашение предусматривает «стимулирование и поощрение участия государственных и частных субъектов в сокращении выбросов парниковых газов».

Пункт 8 ст. 6 Парижского соглашения содержит положения, относящиеся к нерыночным подходам. Именно данный пункт вызывал наибольшее количество противоречий и споров относительно его фактической реализации (Gre21). Понятие нерыночного подхода и его характеристика раскрываются в технической записке РКК ООН 2014 г. (Uni8). В ней указывается, что к нерыночным подходам относятся различные экономические и фискальные инструменты, введение углеродных налогов, разнообразное техническое регулирование, заключение добровольных соглашений, обмен необходимой информацией, обучение кадров и проведение просветительских мероприятий.

¹⁴ Гершинова Д. А. Нерешенные вопросы статьи 6 Парижского соглашения — возможен ли компромисс в Глазго? // Вестник международных организаций. 2021. Т. 16. № 3. С. 69–84.

¹⁵ Edmonds J., Forrister D., Clarke L., de Clara S., Munnings C. The Economic Potential of Article 6 of the Paris Agreement and Implementation Challenges. International Emissions Trading Association (IETA) ; University of Maryland and the Carbon Pricing Leadership Coalition (CPLC), 2019.

ленная сделка» ЕС. «Зеленая сделка» охарактеризована Комиссией ЕС как «новая стратегия роста, направленная на преобразование ЕС в современную, ресурсоэффективную и конкурентоспособную экономику, в которой не будет чистых выбросов парниковых газов (выбросы за вычетом абсорбции) в 2050 г. и где экономический рост не связан с использованием ресурсов»¹⁶. Фундаментальная цель — климатически устойчивое развитие экономики ЕС посредством перехода к климатической нейтральности¹⁷. «Зеленая сделка» включает более 50 элементов, в том числе следующие программные документы, правовые акты и законодательные предложения: Европейский закон о климате (European

Climate Law)¹⁸; Стратегия «умной» интеграции в энергетике (EU Strategy for Energy System Integration)¹⁹; Инвестиционный план устойчивого развития Европы (Sustainable Europe Investment Plan)²⁰; План действий по «экономике замкнутого цикла» (Circular Economy Action Plan)²¹; стратегия «От фермы до вилки» (Farm to Fork Strategy)²²; Стратегия устойчивого развития химических веществ (Chemicals strategy for sustainability)²³; Стратегический план действий по батареям (Strategic Action Plan on Batteries)²⁴ и многие другие. Особого внимания среди этого набора «экологических» документов заслуживает «Новая промышленная стратегия ЕС» (New Industrial Strategy for Europe)²⁵. Предусмотрен

¹⁶ European Commission. Inception Impact Assessment, Carbon border adjustment mechanism. 04.03.2020. P. 2, Section C (Likely economic impacts) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52021SC0643> (дата обращения: 29.11.2023).

¹⁷ Климатическая нейтральность (углеродная нейтральность, нулевая эмиссия углерода, нулевые углеродные выбросы) — устранение вредного воздействия выбросов углерода.

¹⁸ Regulation (EU) 2021/1119 of the European Parliament and the Council of 30 June 2021 establishing the framework for achieving climate neutrality and amending Regulations (EC) No. 401/2009 and (EU) 2018/1999 (European Climate Law) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:2021:243:FULL&from=EN> (дата обращения: 29.11.2023).

¹⁹ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Powering a climate-neutral economy: An EU Strategy for Energy System Integration // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020DC0299&from=EN> (дата обращения: 29.11.2023).

²⁰ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Sustainable Europe Investment Plan. European Green Deal Investment Plan // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020DC0021&from=EN> (дата обращения: 29.11.2023).

²¹ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. A new Circular Economy Action Plan For a cleaner and more competitive Europe (COM/2020/98 final).

²² Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. A Farm to Fork Strategy for a fair, healthy and environmentally-friendly food system (COM/2020/381 final).

²³ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Chemicals Strategy for Sustainability towards a Toxic-Free Environment (COM/2020/667 final).

²⁴ Report from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank. Implementation of the Strategic Action Plan on Batteries: Building a Strategic Battery Value Chain in Europe (COM/2019/176 final).

²⁵ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. A New Industrial Strategy for Europe // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020DC0102&from=EN> (дата обращения: 29.11.2023).

амбициозный план системной трансформации фундаментальных принципов индустриальной политики ЕС, включающий создание новых рынков климатически нейтральной продукции; диверсификацию источников поставок в ЕС (электромобили, аккумуляторы, возобновляемые источники энергии, аэрокосмическая промышленность, фармацевтика, оборона, цифровые приложения); повышение энергоэффективности строительной продукции и экологических характеристик построенных объектов; разработку плана действий по синергии между гражданской, оборонной и космической отраслями, в том числе на уровне программ, технологий, инноваций и стартапов; принятие законодательства о цифровых услугах для обновления и укрепления правовой базы единого рынка цифровых услуг ЕС; запуск общих баз данных в секторах и цепочках создания стоимости ЕС; создание общей консолидированной базы корпоративного налогообложения.

Неотъемлемым элементом «Зеленой сделки» является пограничный корректирующий углеродный механизм (ПКУМ). Регламент ЕС, устанавливающий этот механизм (далее — Регламент, Регламент ПКУМ), в окончательной редакции был принят 10 мая 2023 г. и вступил в силу 1 октября того же года²⁶.

Идея ПКУМ впервые была озвучена Комиссией ЕС в декабре 2019 г.²⁷ Декларировалось, что первопричиной появления этой идеи стала обеспокоенность ЕС тем, что усилия Союза по обеспечению климатической нейтральности к 2050 г. могут быть подорваны по причине отсутствия соответствующих (т.е. сопоставимых с европейскими) амбиций со стороны других государств. Заявлялось, что «если различия в уровнях амбиций во всем мире сохранятся, то по мере того, как ЕС увеличивает свои климатические амбиции, Комиссия предложит ПКУМ для отдельных секторов, чтобы снизить риск утечки углерода»²⁸. Обращают на себя внимание следующие сентенции: ЕС «решительно осуждает отказ от сотрудничества и нелояльное поведение некоторых торговых партнеров Союза в международных переговорах по климату», которое проявилось на 25-й Конференции сторон РКИК ООН, и считает, что такое поведение ограничивает коллективную глобальную способность достичь целей Парижского соглашения²⁹. ЕС убежден, что другие государства должны придерживаться такого же уровня амбиций, как ЕС, и что «до тех пор пока многие международные партнеры не разделяют таких климатических амбиций, как ЕС, существует риск утечки углерода»³⁰.

²⁶ Regulation (EU) 2023/956 of the European Parliament and of the Council of 10 May 2023 establishing a carbon border adjustment mechanism // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32023R0956> (дата обращения: 29.11.2023).

²⁷ European Commission. Communication from the Commission. The European Green Deal. Brussels, 11.12.2019 COM(2019) 640 final. Section 2.1.1 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1576150542719&uri=COM%3A2019%3A640%3AFIN> (дата обращения: 29.11.2023).

²⁸ «Утечка углерода» — это эффект увеличения выбросов парниковых газов в странах, где промышленные предприятия несут меньшие издержки на оплату производимых ими выбросов, чем в ЕС, или не несут их вовсе. В таком случае конкурентоспособность европейских производителей снижается, следствием чего может стать перемещение ими производства за границу ЕС (в страны, где выбросы парниковых газов будут обходиться им как минимум дешевле) или вытеснение их с рынка ЕС зарубежными конкурентами. Мало того, «утечка углерода» еще и препятствует снижению выбросов на глобальном уровне: выбросы не сокращаются, а просто переносятся из ЕС в третьи страны.

²⁹ European Parliament, Committee on the Environment, Public Health and Food Safety. Draft report on towards a WTO-compatible EU carbon border adjustment mechanism (2020/2043(INI)), 2020/2043(INI), 07.10.2020. P. 4, § 2 // URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/ENVI-PR-648519_EN.pdf (дата обращения: 29.11.2023).

³⁰ European Commission. Inception Impact Assessment, Carbon border adjustment mechanism.

В документах ЕС указываются различные цели ПКУМ. Главная — предотвращение «утечки углерода» и сокращение глобальных выбросов для достижения целей Парижского соглашения. Пограничный корректирующий углеродный механизм направлен на достижение климатической нейтральности ЕС к 2050 г. и является собой, по мнению ЕС, подлинную практическую реализацию увеличения климатических амбиций ЕС по сокращению выбросов парниковых газов на 50–55 % от уровня 1990 г. к 2030 г. Для охваченных действием ПКУМ секторов промышленности данный механизм призван снизить «утечку углерода», чтобы остановить перенос производства из ЕС в другие страны и затруднить (в идеале — приостановить) углеродоёмкий импорт в ЕС. Ожидается, что «ПКУМ обеспечит, чтобы цена импорта точнее отражала содержание углерода» и что данный механизм станет «альтернативой мерам, которые в настоящее время устраняют риск “утечки углерода” в рамках Европейской системы торговли выбросами»³¹. Одновременно с этой целью указываются и другие: (i) предотвращение «вреда окружающей среде» и повышение «эффективности политики, направленной на борьбу с изменением климата в ЕС»³²; (ii) стимулирование торговых партнеров ЕС к принятию столь же амбициозной политики в области климата, как у ЕС³³; (iii) «поощрение декарбонизации при гарантиях, что конкурентоспособность промышленности ЕС не будет поставлена под угрозу утечкой углерода»³⁴; (iv) функционирование «более широкой промышленной политики Союза... направленной на декарбонизированную реиндустриализацию Европы, которая создаст местные рабо-

чие места и обеспечит конкурентоспособность европейской экономики наряду с выполнением климатических амбиций Союза»³⁵. Европейский союз исходит из того, что влияние ПКУМ на состояние окружающей среды будет выражаться в повышении эффективности политики, направленной на борьбу с изменением климата самого ЕС, а также в косвенном стимулировании принятия похожей амбициозной политики другими странами. Это, по оценкам ЕС, внесет большой общий вклад в сокращение глобальных выбросов³⁶.

На текущий момент, т.е. с октября 2023 г., ПКУМ охватывает такие товары, как цемент, электроэнергию, удобрения, железо и сталь, алюминий, водород. В части выбросов Регламент распространяется на прямые и косвенные выбросы (цемент, электроэнергия, удобрения, руды железные агломерированные и концентраты, кроме обожженного железного пирита) и только прямые выбросы (железо и сталь, алюминий, водород). На следующих этапах, как ожидается, в охват регулирования будут включены продукты нефтепереработки, пластик, бумага и картон, полезные ископаемые, стекло и керамика, кислоты и органические вещества, известь, все металлы.

Компании, намеренные импортировать в ЕС произведенные за его пределами товары, вправе ввозить товары только после получения разрешения от компетентных органов, ответственных за применение Регламента. Эти органы назначаются и управляются государствами — членами ЕС. То есть порядок ввоза товаров разрешительный. Следующее ограничение: подпадающие под охват ПКУМ товары

³¹ European Commission. Inception Impact Assessment, Carbon border adjustment mechanism.

³² European Commission. Inception Impact Assessment, Carbon border adjustment mechanism («Целью меры является предотвращение экологического ущерба»).

³³ European Commission. Inception Impact Assessment, Carbon border adjustment mechanism.

По словам Еврокомиссии, ПКУМ «также должен косвенно способствовать принятию столь же амбициозной политики... торговыми партнерами [ЕС] и тем самым способствовать дальнейшему сокращению глобальных выбросов».

³⁴ European Commission. Inception Impact Assessment, Carbon border adjustment mechanism.

³⁵ European Parliament, Committee on the Environment, Public Health and Food Safety. Draft report on towards a WTO-compatible EU carbon border adjustment mechanism (2020/2043(INI)), 2020/2043(INI), 07.10.2020. § 7.

³⁶ European Commission. Inception Impact Assessment, Carbon border adjustment mechanism.

могут ввозиться на таможенную территорию ЕС не любым лицом, но только декларантом, уполномоченным компетентным органом ЕС (вводится институт уполномоченного декларанта). Этот почетный статус получить не так-то просто: уполномоченный декларант должен иметь зарегистрированный офис или постоянное представительство в ЕС, а также соответствовать целому ряду иных требований³⁷. Компетентные органы государств-членов создают национальные реестры, включающие информацию об уполномоченных декларантах и о сертификатах ПКУМ этих декларантов.

Уполномоченные декларанты должны приобретать сертификаты ПКУМ, соответствующие количеству выбросов, образующихся при производстве ввозимых ими товаров. Комиссия ЕС будет рассчитывать цену сертификатов таким образом, чтобы она отражала среднюю недельную цену аукционов в рамках европейской системы торговли квотами на выбросы парниковых газов (СТКВ). Это означает, что сертификаты ПКУМ будут привязаны к СТКВ. Компании, импортирующие товары в ЕС, должны ежегодно

списывать необходимую сумму для покрытия соответствующих выбросов. Ограничений на количество сертификатов ПКУМ, которые может приобрести конкретная компания, нет. Сертификаты ПКУМ будут действительны в течение двух лет с момента приобретения. Повторная покупка — единственная форма трансакции, разрешенная для таких сертификатов. Импортер может перепродать избыточные сертификаты — до трети от общего количества сертификатов, приобретенных годом ранее, — компетентному органу.

Уполномоченный декларант обязан до 31 мая каждого года подать декларацию ПКУМ (вводится некий аналог налоговой декларации). В ней должны быть указаны общее количество товаров, импортированных в предыдущем году, общие сопряженные выбросы на тонну каждого типа товаров³⁸, а также количество сертификатов, соответствующих общим сопряженным выбросам, которые должны быть списаны. Уполномоченный декларант обязан обеспечить, чтобы выбросы, заявленные при ввозе, были верифицированы аккредитованным про-

³⁷ Заявление о выдаче разрешения должно включать следующую информацию о декларанте, который должен иметь зарегистрированный офис или постоянное представительство в ЕС: (a) наименование, адреса и контактная информация; (b) регистрационный и идентификационный номер экономических операторов (номер EORI) в соответствии со ст. 9 Регламента (ЕС) № 952/2013; (c) указание на основную экономическую деятельность, осуществляемую в ЕС; (d) удостоверение налогового органа государства — члена ЕС, в котором находится зарегистрированный офис или постоянное представительство декларанта, об отсутствии судебных приказов о взыскании национальной налоговой задолженности в отношении декларанта; (e) заявление в подтверждение того, что декларант не был замешан в серьезном нарушении или неоднократных нарушениях таможенного законодательства, норм о налогообложении и норм о злоупотреблении рынком в течение пяти лет, предшествующих году подачи заявления, в том числе не был осужден по обвинению в серьезных уголовных преступлениях, связанных с его экономической деятельностью; (f) информация, необходимая для подтверждения финансовой и операционной способности декларанта выполнять свои обязательства по настоящему Регламенту, и, если компетентный орган примет такое решение на основе оценки риска, подтверждающие эту информацию документы, такие как отчет о прибылях и убытках и бухгалтерский баланс за период до трех последних финансовых лет, за которые были закрыты счета; (g) предполагаемая денежная стоимость и объем импорта на таможенную территорию ЕС по видам товаров за календарный год, в течение которого подается заявление, а также за следующий календарный год; (h) имена и контактная информация лиц, от имени которых действует декларант, если это применимо.

³⁸ Регламент определяет сопряженные выбросы как выбросы, возникающие при производстве товаров, но физически не включенные в эти товары. Для целей ПКУМ сопряженные выбросы определяются как прямые выбросы, которые происходят в процессе производства товара (в отличие от косвенных выбросов, которые образуются при производстве электроэнергии, используемой в производственном процессе).

веряющим на основе установленных ЕС принципов верификации. Комиссия ЕС создает центральную общедоступную базу данных, которая будет содержать детальную информацию об операторах и расположенных вне территории ЕС установках. Регистрация этой информации осуществляется по запросам операторов, т.е. действует уведомительный порядок. Комиссия ЕС должна осуществлять функции центрального администратора, вести независимый журнал транзакций. В этом журнале должны регистрироваться любые сделки с сертификатами ПКУМ, включая их аннулирование. Координация национальных реестров также возложена на Комиссию ЕС. Все необходимые для реализации ПКУМ методологии расчета любых показателей разрабатываются ЕС в одностороннем порядке и юридически обязательны к соблюдению всеми участниками процесса, включая иностранных.

Уполномоченные декларанты обязаны предоставлять ежеквартальные отчеты об объемах фактических сопряженных выбросов в товарах, которые были импортированы в течение переходного периода, включая подробное описание прямых и косвенных выбросов. Эти отчеты должны включать также данные о выплатах за углерод, которые были осуществлены за пределами территории ЕС. Импортеры начнут платить за сертификаты ПКУМ с 2026 г., по завершении переходного периода. Понятно, что требуемую информацию импортерам должны предоставлять иностранные производители импортируемых товаров. При любом сомнении в «достоверности» либо «надежности» предоставленных иностранными производителями данных ЕС будет использовать худшие, т.е. экономически максимально невыгодные для иностранных компаний, показатели соответствующего типа товаров. Нетрудно догадаться, что для иностранных производителей и экспортеров центральным является вопрос о зачете в счет пограничной корректировки сумм за углеродные выбросы, которые были уплачены в стране происхождения товара. По требованию уполномоченного декларанта количество подлежащих списанию сертификатов ПКУМ должно быть сокращено в счет сумм, уплаченных за выбросы углерода в стране происхождения. Для того

чтобы такое снижение финансового бремени стало возможным, уполномоченный декларант должен выполнить целый ряд довольно обременительных требований. Необходимо, в частности, продемонстрировать, что в стране происхождения соответствующего товара заявленные сопряженные выбросы облагались углеродным налогом и представить доказательство того, что суммы углеродного налога были фактически уплачены. Нужно также продемонстрировать, что в отношении такого товара не применялись экспортные скидки либо любые иные компенсационные выплаты (по принципу «там отдал — здесь получил»). Документация, подтверждающая выполнение указанных требований, должна быть заверена независимым лицом. Но это еще не все. Уполномоченным декларантом должно быть обеспечено, чтобы, во-первых, на его учетной записи в национальном реестре имелось необходимое количество сертификатов ПКУМ. Во-вторых, по состоянию на конец каждого квартала количество сертификатов ПКУМ должно соответствовать как минимум 80 % сопряженных выбросов. Если до 31 мая каждого года уполномоченный декларант не списал количество сертификатов ПКУМ, которое отражает выбросы, сопряженные с импортированными им товарами в течение предыдущего года, в отношении такого уполномоченного декларанта будут применены штрафы. В дополнение к этому государства — члены ЕС могут применять иные административные или уголовные наказания за несоблюдение законодательства о ПКУМ в соответствии со своими национальными нормами.

Уполномоченный декларант обязан с определенной периодичностью несколько раз в год представлять отчет с детальными данными об импортированных им товарах. Такой отчет представляется уполномоченному органу государства-импортера либо, если товары ввозились на территорию нескольких государств — членов ЕС, компетентному органу государства-члена по выбору декларанта. Охват весьма специфической информации, которая в обязательном порядке должна быть включена в отчет ПКУМ, без преувеличения, поражает. Во-первых, нужно предоставить данные по объемам каждого вве-

зенного товара в мегаватт-часах применительно к электроэнергии и в тоннах — ко всем остальным товарам. Данные должны быть приведены в расчете на каждую установку, которая производит соответствующие товары в стране их происхождения. Во-вторых, следует отчитаться, причем в строгом соответствии с разработанной Комиссией ЕС методологией, о фактических общих сопряженных выбросах, выраженных в тоннах выбросов CO₂e на мегаватт-час электроэнергии или в тоннах выбросов CO₂e на тонну всех остальных товаров. В-третьих, необходимо предоставить детальную информацию о начисленных и выплаченных суммах в качестве платы за выброс углерода в стране происхождения товара; как выше было указано, в отношении таких товаров никакие компенсационные выплаты применяться не могут. Очевидно, что для того, чтобы быть в состоянии подготовить такой отчет, иностранным компаниям нужно будет переналадить многие бизнес-процессы, поскольку согласно применимым на национальном уровне правилам вести учет таких данных не требуется. Кроме того, иностранные компании должны быть в состоянии подтвердить «надежность» приведенных в соответствующих отчетах данных. Как ЕС оценивает «надежность» данных российские экспортеры знают не понаслышке: данные, которые чиновникам ЕС просто не нравятся, либо данные, которые выглядят экономически более привлекательными, чем сопоставимые данные европейских компаний, объявляются «ненадежными» и, соответственно, полностью игнорируются. Со всеми вытекающими для российских производителей и экспортеров последствиями. При этом доказать правоту иностранного производителя практически невозможно, поскольку в этом диалоге право не является решающим фактором. Если вообще этот процесс можно назвать диалогом. Но и это еще не все. Для предотвращения обхода требований Регламента Комиссия ЕС на постоянной основе отслеживает любое значительное изменение структуры торговли товарами и незначительно модифицированными продуктами на уровне ЕС. Если по результатам изучения всех соответствующих данных Комиссия придет к выводу, что имеет место обход, она уполномочена при-

нять акты делегированного законодательства для дополнения сферы действия Регламента, чтобы включить в нее упомянутые незначительно модифицированные продукты для борьбы с обходом Регламента. Таким образом, Комиссия вправе расширять товарный охват продукции, подпадающей под действие Регламента. Нет сомнений, что этот инструмент станет одним из излюбленных в арсенале Комиссии ЕС.

Регламент предусматривает три типа исключений:

1. Страны, не входящие в ЕС, но участвующие в СТКВ, и страны с углеродными рынками, связанными с СТКВ, исключаются из ПКУМ.

2. В отношении стран с сопоставимыми ценами на углерод импортерам будет разрешено требовать сокращения количества подлежащих списанию сертификатов ПКУМ в соответствии с ценой на углерод, уже уплаченной в других юрисдикциях.

3. Если в третьей стране есть рынок электроэнергии, интегрированный с внутренним рынком электроэнергии ЕС посредством объединения рынков, а технического решения для применения ПКУМ к импорту электроэнергии в ЕС найти не удалось, импорт электроэнергии из такой страны будет освобожден от применения ПКУМ при соблюдении определенных условий.

Иными словами, в Регламент заложен инструментальный послаблений для отдельных стран по усмотрению Комиссии ЕС.

Протекционистская направленность механизма ПКУМ

Какой вывод можно из всего этого сделать? Несмотря на экологическую риторику, «Зеленая сделка» на самом деле представляет детально проработанный многоуровневый план действий, направленный на создание условий, а точнее, новой реальности, для технологического рывка и кардинальной трансформации экономического курса ЕС. Ни для кого не секрет, что на протяжении десятилетий ЕС последовательно ставит задачу ослабления зависимости от импорта прежде всего энергоресурсов. Реализация «Зеленой сделки» предполагает, в частности, перестройку энергетических рынков, снижение

импорта углеродоемкой продукции посредством регуляторных требований и штрафов за их несоблюдение, запретов и ограничений потребления отдельных товаров, новых требований к процессам изготовления и производства товаров, упаковке, маркировке, сертификации и т.д. Посредством введения в действие ПКУМ ЕС позиционирует себя в качестве мирового арбитра в вопросах амбициозности и достаточности усилий мирового большинства во внесении вклада в борьбу с изменением климата. В одностороннем порядке установлена сложная, беспрецедентно обременительная и дорогостоящая для иностранных производителей система, по сути навязывание миру собственной политики и приоритетов. Европейский союз, кстати, согласен с тем, что реализация ПКУМ приведет к существенному повышению административной нагрузки на экономических операторов, а также ответственных за применение ПКУМ органов власти³⁹, увеличению административного бремени — «дополнительным проверкам, контролю и аудиту», в том числе установок в третьих странах⁴⁰. Комиссия ЕС допускает, что механизм ПКУМ прямо либо косвенно «может оказать влияние на цепочки поставок таким образом, что они поглотят затраты на углерод»⁴¹, и что ПКУМ «приведет к удорожанию импорта углеродоемких товаров» и «может привести к повышению цен на потребительские товары, в том числе связанные с основными потребностями»⁴². Не желая признавать, что удорожание импорта потребительских товаров является для населения государств — членов ЕС негативным фактором, ЕС пытается создать видимость, что такое удорожание «простимулирует переход к более экологичным товарам в ЕС и в третьих странах», а также будет способствовать дости-

жению в ЕС «положительных эффектов с точки зрения рабочих мест, поскольку [ПКУМ] позволяет избежать замещения производства в ЕС продукцией из третьих стран с более низкими климатическими амбициями»⁴³. Очевидно, что практическая реализация ПКУМ приведет к перераспределению глобальных торговых потоков в пользу развитых стран (поскольку им гораздо легче внедрять у себя «сопоставимые с ЕС» зеленые механизмы) и, как следствие, к изменению структуры международной торговли. Возможности стран, обладающих относительно эффективным с точки зрения выбросов углерода производством, увеличатся в том числе за счет ухода с зарубежных рынков компаний из стран, для которых внедрение требуемых ЕС технологий является непозволительно дорогим удовольствием. Произойдет фактически откат лет на 40–50, когда рынки были четко поделены между отдельными странами в силу имевшей место искусственной и навязанной сильными игроками сегрегации.

**Европейский союз игнорирует
основополагающие принципы
Парижского соглашения по климату и РКИК ООН**

В документах по «Зеленой сделке», включая Регламент ПКУМ, значительное внимание уделяется Парижскому соглашению. Заявляется, что основными инструментами ЕС для достижения глобальных климатических амбиций являются «Парижское соглашение по климату, а также сильная международная дипломатия и лидерство»⁴⁴. Подчеркивается, что ЕС «будет и впредь следить за тем, чтобы Парижское соглашение оставалось незаменимой много-

³⁹ European Commission. Inception Impact Assessment, Carbon border adjustment mechanism. P. 3.

⁴⁰ European Commission. Inception Impact Assessment, Carbon border adjustment mechanism.

⁴¹ European Parliament, Committee on International Trade. Opinion of the Committee on International Trade for the Committee on the Environment, Public Health and Food Safety on towards a WTO-compatible EU carbon border adjustment mechanism, 2020/2043(INI), 14.12.2020. P. 5, § 8 // URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/INTA-AD-657463_EN.pdf (дата обращения: 29.11.2023).

⁴² European Commission. Inception Impact Assessment, Carbon border adjustment mechanism. P. 2.

⁴³ European Commission. Inception Impact Assessment, Carbon border adjustment mechanism.

⁴⁴ European Commission. Inception Impact Assessment, Carbon border adjustment mechanism. P. 1.

сторонней основой для борьбы с изменением климата»⁴⁵. В Пояснительном меморандуме к Проекту регламента ПКУМ в качестве причин и целей принятия ПКУМ в первом абзаце декларируется: «Тесное международное сотрудничество укрепит совместные действия по борьбе с изменением климата, необходимые всем Сторонам Парижского соглашения для достижения цели сдерживания роста средней глобальной температуры на уровне значительно ниже 2 °C по сравнению с доиндустриальным уровнем и принятия мер по ограничению роста температуры на 1,5 °C выше доиндустриального уровня». В пункте 2 самого Регламента ПКУМ говорится: «Парижское соглашение, принятое в декабре 2015 г. в рамках Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (РКИК ООН), вступило в силу в ноябре 2016 г. Стороны Парижского соглашения в ст. 2 договорились удерживать увеличение глобальной средней температуры значительно ниже 2 °C по сравнению с доиндустриальным уровнем и продолжать усилия по ограничению роста температуры до 1,5 °C по сравнению с доиндустриальным уровнем». Далее, «решение климатических и других экологических проблем, а также достижение целей Парижского соглашения лежат в основе “Зеленой сделки” ЕС. Ценность европейской “Зеленой сделки” только возросла в свете очень серьезных последствий пандемии COVID-19 для здоровья и экономического благосостояния граждан Союза» (п. 3 Регламента). Таким образом, ЕС многократно повторяет приверженность зафиксированному в РКИК ООН и Парижском соглашении принципам, пытаясь создать видимость того, что механизм ПКУМ направлен на достижение целей, заложенных в указанных многосторонних документах. Это, однако, совершенно не так.

Анализ Регламента свидетельствует о преднамеренно выборочном подходе ЕС к пониманию Парижского соглашения и РКИК ООН, равно как и прописанных в этих документах принципов, условий и обязательств. На это красноречиво указывает тот факт, что в то время, как «принцип справедливости и общей, но дифференцированной ответственности и соответствующих возможностей в свете различных национальных условий» имеет первостепенное значение в контексте РКИК ООН и Парижского соглашения, Регламент этот принцип не просто не учитывает, но даже не упоминает. ЕС также игнорирует многочисленные положения указанных договоров, направленные на обеспечение недискриминации. Далее, в ст. 2.7(d) и (e) Регламента декларируются такие требования к третьим странам, как «приверженность климатической нейтральности к 2050 г.», «внедрение системы торговли выбросами для электроэнергии с ценой, эквивалентной СТВ ЕС... к 1 января 2030 г.». Соблюдение указанных требований необходимо для исключения электрической энергии из охвата ПКУМ. Иными словами, ЕС фактически заставляет третьи государства принимать аналогичный уровень амбиций. Закрепленное в абз. 2 Пояснительного меморандума к Проекту регламента ПКУМ понятие о «лидерстве» ЕС идет вразрез с «принципом суверенитета государств в международном сотрудничестве в деле реагирования на изменение климата»⁴⁶. Из текста Регламента четко следует, что механизм ПКУМ будет использован для принуждения третьих государств к принятию мер по сокращению углеродного следа. В рамках проекта «Зеленой сделки» ЕС позиционирует себя в качестве мирового лидера по климатическим и экологическим мерам. Открыто постулируется намерение ЕС «возглавлять международные переговоры по климату... еще больше укрепляя рамки международной политики»⁴⁷.

⁴⁵ European Commission. Communication from the Commission. The European Green Deal, COM(2019) 640 final, 11.12.2019. Section 3.

⁴⁶ П. 8 преамбулы РКИК ООН.

⁴⁷ Section 1 of the European Green Deal, Annex to the European Green Deal («The EU as a global leader: EU to continue to lead the international climate and biodiversity negotiations, further strengthening the international policy framework») // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1576150542719&uri=COM%3A2019%3A640%3AFIN#footnote31> (дата обращения: 29.11.2023).

Декларируемые ЕС цели по достижению углеродной нейтральности к 2050 г. и сокращению парниковых газов не менее чем на 55 % к 2020 г. по сравнению с уровнем 1990 г. являются для самого ЕС «амбициозными». Согласно Парижскому соглашению остальные государства также должны определить собственные «амбициозные» цели, равно как и выработать механизмы их достижения. Первое глобальное подведение итогов осуществления Парижского соглашения «для оценки коллективного прогресса в выполнении задачи» этого Соглашения и «в достижении его долгосрочных целей» было запланировано на 2023 г. ЕС же, фактически не дожидаясь «глобального подведения итогов», единолично и, главное, в одностороннем порядке оценивает достаточность «амбициозности» планов других государств⁴⁸. Иными словами, принцип «общей, но дифференцированной ответственности», равно как и «принцип суверенитета государств в международном сотрудничестве в деле реагирования на изменение климата», вырезан из климатической политики ЕС.

Итоговый документ, принятый на 28-й Конференции сторон РКИК ООН (проходила в ОАЭ с 30 ноября по 12 декабря 2023 г.), содержит важное положение относительно односторонних мер, принимаемых государствами в целях борьбы с изменением климата. Так, стоит обратить внимание на п. 154, где признается, что «Стороны должны сотрудничать в продвижении поддерживающей и открытой международной экономической системы, направленной на достижение устойчивого экономического роста и развития во всех странах и, таким образом, позволяющей им лучше решать проблемы изменения климата, с учетом того, что меры, принимаемые для борьбы с изменением климата, в том числе односторонние, не должны представлять собой средство произвольной или

неоправданной дискриминации или скрытого ограничения международной торговли»⁴⁹.

Еще одной проблемой Регламента является недопустимо широкая трактовка Европейским союзом принципа «загрязнитель платит». Согласно положениям Регламента уполномоченный декларант — это лицо, зарегистрированное на территории ЕС и получившее соответствующее разрешение на импорт товаров, подпадающих под охват механизма ПКУМ. Уполномоченный декларант вправе ввозить товары в ЕС и представлять более одного импортера. В то же время уполномоченный декларант не является производителем охваченных механизмом ПКУМ товаров. Следовательно, уполномоченный декларант не является «загрязнителем» окружающей среды. Источники «загрязнения» находятся на территории третьей страны, и, как видится, именно там, если следовать принципу «загрязнитель платит», должны производиться соответствующие выплаты. Таким образом, заложенная в Регламенте система призвана перетягивать финансовые потоки в бюджет ЕС, что не соотносится с принципом «загрязнитель платит».

Выводы

Международно-правовое регулирование борьбы с изменением климата развивается не так стремительно, как меняется климат на планете. Парижское соглашение было принято с целью подтолкнуть государства к решительным, амбициозным мерам по борьбе с изменением климата. Самый, как заявляется, «амбициозный» проект был представлен Европейским союзом. Последний позиционирует себя в качестве мирового арбитра в вопросах амбициозности и достаточности усилий остальных стран во вне-

⁴⁸ В подразделе 2.1.1 «Зеленой сделки» Комиссия ЕС заявила: «В случае, если различия в уровнях амбиций во всем мире сохранятся, то, поскольку ЕС увеличивает свои климатические амбиции, Комиссия предложит механизм трансграничного углеродного регулирования для отдельных секторов, чтобы снизить риск «утечки углерода»» (URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1576150542719&uri=COM%3A2019%3A640%3AFIN#footnote31> (дата обращения: 29.11.2023)).

⁴⁹ FCCC/PA/CMA/2023/L.17. First global stocktake // URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/cma2023_L17_adv.pdf (дата обращения: 17.12.2023).

сении вклада в борьбу с изменением климата. Несмотря на экологическую риторику, «Зеленая сделка» ЕС в действительности создает условия для технологического рывка и кардинальной трансформации экономического курса ЕС. Механизм ПКУМ представляет собой сложную, беспрецедентно обременительную и дорогостоящую для иностранных производителей систему. По сути это одностороннее навязывание со стороны ЕС остальному миру собственной политики и приоритетов, попытка обеспечить экономический рост за счет других государств.

В документах по «Зеленой сделке», включая Регламент ПКУМ, ЕС многократно подтверждает приверженность зафиксированным в РКИК ООН и Парижском соглашении принципам. Текст Регламента, однако, свидетельствует о том, что ЕС полностью игнорирует ключевые принципы и положения этих основополагающих международных договоров. Таким образом, между положениями Регламента ПКУМ и указанными универсальными международными договорами в области климата существует неразрешимый нормативный конфликт.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гершинкова Д. А. Нерешенные вопросы статьи 6 Парижского соглашения — возможен ли компромисс в Глазго? // Вестник международных организаций. — 2021. — Т. 16. — № 3. — С. 69–84.
2. Отрашевская А. М., Солнцев А. М., Юсифова П. Н. Роль договорных органов в контроле за выполнением международных экологических обязательств // Московский журнал международного права. — 2023. — № 1. — С. 47–75.
3. Edmonds J., Forrister D., Clarke L., de Clara S., Munnings C. The Economic Potential of Article 6 of the Paris Agreement and Implementation Challenges. International Emissions Trading Association (IETA) ; University of Maryland and the Carbon Pricing Leadership Coalition (CPLC), 2019.
4. Steinberg R. H. Power and Cooperation in International Environmental Law // UCLA School of Law Research Paper No. 06-43, Research Handbook in International Economic Law. Edward Elgar, 2007. — P. 485–532.

Материал поступил в редакцию 17 декабря 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gershinkova D. A. Nereshennyye voprosy stati 6 Parizhskogo soglasheniya — vozmozhen li kompromiss v Glazgo? // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy. — 2021. — T. 16. — № 3. — S. 69–84.
2. Otrasevskaya A. M., Solntsev A. M., Yusifova P. N. Rol dogovornykh organov v kontrole za vypolnieniem mezhdunarodnykh ekologicheskikh obyazatelstv // Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava. — 2023. — № 1. — S. 47–75.
3. Edmonds J., Forrister D., Clarke L., de Clara S., Munnings C. The Economic Potential of Article 6 of the Paris Agreement and Implementation Challenges. International Emissions Trading Association (IETA); University of Maryland and the Carbon Pricing Leadership Coalition (CPLC), 2019.
4. Steinberg R. H. Power and Cooperation in International Environmental Law // UCLA School of Law Research Paper No. 06-43, Research Handbook in International Economic Law. Edward Elgar, 2007. — P. 485–532.

Референдум как одна из форм реализации права народов на самоопределение

Аннотация. Статья посвящена анализу подходов различных государств и международных консультативных и совещательных органов к проведению референдумов о самоопределении народа. Выявлено, что право на самоопределение может основываться не только на национальности, но и на других признаках, включая общее историческое наследие, этническое единство и язык общения. В отношении самоопределения в виде сецессии отмечается важность установления ее границ, исследуются исторические примеры референдумов в различных частях света и их последствия. Выделяется пять исторически сложившихся признаков, которые могут рассматриваться как отражение легитимности проводимого референдума о самоопределении: связь с историческими предпосылками, определение границ референдума, обеспечение фундаментальных демократических прав, установление правовых основ и ограничение внешнего вмешательства или давления на участников референдума. Эти элементы совместно создают условия для получения легитимных результатов референдума и его последующего значения с точки зрения права.

Ключевые слова: выборы; референдумы; сецессия; образование государства; признание государства; суверенитет; самоопределение народа; основные принципы международного права; права человека; территориальная целостность.

Для цитирования: Степанюк Д. Ю. Референдум как одна из форм реализации права народов на самоопределение // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 5. — С. 159–176. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.159-176.

Referendum as one of the Forms of Realizing the Right of Peoples to Self-Determination

Denis Yu. Stepanyuk, Postgraduate Student, HSE University, Moscow, Russian Federation
hse@hse.ru

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the approaches of various states and international consultative and advisory bodies to holding referendums on the self-determination of the people. It has been revealed that the right to self-determination can be based not only on ethnicity, but also on other characteristics, including common historical heritage, ethnic unity and language of communication. With regard to self-determination in the form of secession, the importance of establishing the boundaries of secession is noted, historical examples of referendums in various parts of the world and their consequences are examined. There are five historically established features that can be considered as a reflection of the legitimacy of the ongoing referendum on self-determination: connection with historical background, defining the boundaries of the referendum, ensuring fundamental democratic rights, establishing a legal framework and limiting external interference or pressure on

referendum participants. These elements together create the conditions for obtaining legitimate results of the referendum and its subsequent meaning from the point of view of law.

Keywords: elections; referendums; secession; formation of the state; state recognition; sovereignty; self-determination of the people; basic principles of international law; human rights; territorial integrity.

Cite as: Stepanyuk DYu. Referendum as one of the Forms of Realizing the Right of Peoples to Self-Determination. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(5):159-176. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.159-176.

Введение

Понятие самоопределения народа или самоопределения нации обладает безусловным авторитетом и непосредственной юридической значимостью, поскольку признается подавляющим большинством современных государств в результате его закрепления в основополагающих источниках международного публичного права: в ст. 1 Устава Организации Объединенных Наций¹, ст. 1 Международного пакта о гражданских и политических правах², ст. 1 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах³. Помимо этого, оно получило развитие в ст. 55 Устава Организации Объединенных Наций, а также, как отмечают исследователи международного права⁴, пронизывает содержание его глав 11 и 12, которые касаются самоуправляющихся территорий и территорий под международной опекой, где должны соответствующим образом учитываться права местного населения. Право на самоопределение является системообразующим еще для целого ряда международно-правовых актов, в том числе для одного из основных (универ-

сальных) договоров в сфере прав человека — Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации⁵. В аспекте универсальности примечательно, что это одно из так называемых коллективных прав, закрепленных в международных правовых актах и относящихся не к статусу конкретного человека, а к статусу населения определенной территории. Государства, ратифицировавшие указанные международные договоры (а их, к примеру, в отношении Пакта о гражданских и политических правах, по данным ООН на 11 октября 2023 г., насчитывается 173⁶), гарантируют это право любому народу независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства (п. 1 ст. 2 названного Пакта). Как видим, нормативное содержание соответствующих гарантий гораздо шире, чем защита от дискриминации по признаку национальности или расы: они учитывают целую совокупность равнозначных факторов, благодаря которым могут возникать идентичные общности в виде народов, имеющих право

¹ Устав ООН // URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 11.10.2023).

² Международный пакт о гражданских и политических правах // URL: <https://www.ohchr.org/ru/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights> (дата обращения: 11.10.2023).

³ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 11.10.2023).

⁴ Shaw M. N. International law. 6th ed. Cambridge University Press, 2008. P. 252 (1708).

⁵ Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации // URL: <https://www.ohchr.org/ru/instruments-mechanisms/instruments/international-convention-elimination-all-forms-racial> (дата обращения: 11.10.2023).

⁶ Ratification of 18 International Human Rights Treaties // URL: <https://indicators.ohchr.org> (дата обращения: 11.10.2023).

на самоопределение. Практика Международного Суда ООН⁷ и специализированные исследования⁸ также показывают, что при квалификации народа в качестве субъекта международного права, обладающего легитимными притязаниями на самоопределение, учитываются не только национальность, но и их «общие черты (характеристики, признаки)», *такие как ощущение (чувство) идентичности, общее историческое наследие, этническое единство, собственный язык общения, общее отношение к религии (вероисповеданию) или идеологии*. Положения названных актов, составляющие основу современного публичного порядка в международном аспекте, особенно с учетом состоявшихся за время их существования международно-правовых прецедентов, могут рассматриваться в отношении народов, проживающих в любом современном государстве, хотя изначальная концептуальная направленность практики их применения по понятным причинам (в условиях второй половины XX в.) касалась в большей степени проблем деколонизации и поствоенных политических преобразований.

В мире не существует народа без государственного управления, в связи с чем любой народ вынужден считаться с правом того государства, на территории которого он проживает. В связи с этим интересным и трудноразрешимым является вопрос о том, каким образом обеспечить в рамках правовой системы согласованное и непротиворечивое функционирование конституционного законодательства о защите государственного суверенитета (территориальной целостности), в том числе принципа народного суверенитета, и права народов на самоопределение. Каждое государство в силу самого понятия суверенитета и полноты государственной власти (п. 1 и 7 ст. 2 Устава ООН) обязано самостоятельно найти ответ на данный вопрос, подходящий для имеющихся у него

условий и обязательно учитывающий права и интересы народов, которые проживают на его территории. Как правило, конституционное право воздерживается от прямого ответа на такие вопросы, в результате чего, если права народов в достаточной степени не обеспечены и происходит дисбаланс интересов населения различных территорий, может наступить момент разрешения этого вопроса уже в другой плоскости — путем провозглашения народом или его уполномоченными автономии или нового государственного образования. Затем уже новое государственное образование определяет порядок учета указанных интересов в соответствующих декларациях, конституциях (уставах) и иных нормативных правовых актах. Так, в своем консультативном заключении по Косово Международный Суд ООН признал, что объявленная декларация независимости не противоречила международному праву, особенно в контексте права народа на самоопределение⁹.

Другой проблемой является провозглашение и создание отдельным народом государства в случае, когда границы, на которые распространяется суверенитет самоопределяющегося народа, не могут быть достаточно точно определены с учетом действовавшего до момента самоопределения административно-территориального деления. Вопрос неопределенности территориальных границ суверенитета народа не нов для международного права: такие примеры, хотя и не связанные напрямую с сецессией, имели место в XX в. В казусе с созданием Корейской Народно-Демократической Республики и Республики Корея границы между ними определялись по линии военного разграничения между зонами противостоящих политических (идеологических) сил внутри корейского народа, одни из которых поддерживались Соединенными Штатами Америки и их союзниками, а другие придерживались коммунистической идеологии,

---

⁷ Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo, Advisory Opinion, I. C. J. Reports 2010. P. 403, at 613, para. 228.

⁸ Scharf M. P. Earned Sovereignty: Juridical Underpinnings // Denver Journal of International Law and Policy. 2003. No. 31. P. 378–379.

⁹ Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo, Advisory Opinion. P. 403.

поэтому и получили поддержку традиционных стран коммунистического лагеря. В современных реалиях в обозначенном аспекте с юридической точки зрения интересны процессы, происходившие во взаимоотношениях Судана и Государства Южного Судана, которое не только выделилось из первого в результате сецессии, но и получило дипломатическое признание, став в 2011 г. членом ООН и одним из самых молодых международно признанных государств в мире.

Референдум, проводимый в рамках непосредственной реализации народом права на самоопределение, по своей природе носит международно-правовой характер и на первый взгляд кажется чуждым конституционному праву, призванному охранять государственные интересы¹⁰. Однако именно к механизмам, издавна разработанным конституционным (государственным) правом и доказавшим свою эффективность с точки зрения обеспечения народного волеизъявления, во всех случаях прибегают с целью обеспечить легитимность *процедуры* проведения референдума о самоопределении народа. Эти процедуры, надлежащим образом сопровождающие признаваемые большинством государств высшие формы демократии, призваны способствовать дальнейшему международному признанию самоопределившегося народа, что и является конечной целью такого референдума.

Как отмечает А. Н. Пономаренко, основными причинами (поводами) проведения референдума о самоопределении народа с последующим его выходом из состава государства часто

выступают исторические мотивы: какая-либо территория ранее имела независимость (широкая автономия), а затем стала зависимой, либо эта территория претерпевала какие-либо социально-экономические и политические притеснения со стороны центральных органов власти. В отсутствие исторических предпосылок реализация права народа на самоопределение затрудняется. Не всегда референдум о самоопределении является мирным и окончательным способом — важны и политические условия, в которых проводится референдум¹¹. В этой связи особенно важно выделить наднациональные конституционные стандарты проведения референдума в том числе и с той целью, чтобы избежать или предотвратить вооруженное противостояние народов в связи с их решением о самоопределении.

Стоит заметить, что конституционно-правовые (национальные) акты всегда избегают вопроса референдума о сецессии, однако и международно-правовые акты также содержат лишь отрывочное его регулирование¹². В качестве документов, свидетельствующих о формировании современных наднациональных стандартов проведения референдума о самоопределении, можно рассматривать, например, Декларацию ООН о праве на развитие от 04.12.1986¹³, Декларацию ООН о правах коренных народов от 13.09.2007¹⁴, Исследование Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии Совета Европы) № 371/2006, определившее Основные положения, регламентирующие проведение референдума¹⁵ (далее — Основные положения), и др.

¹⁰ Пономаренко А. Н. Конституционные и наднациональные стандарты в сфере референдума и право народов на самоопределение // Закон и право. 2019. № 5. С. 57–60.

¹¹ Пономаренко А. Н. Референдум о самоопределении в современной конституционно-правовой практике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 3.

¹² Пономаренко А. Н. Конституционные и наднациональные стандарты в сфере референдума... С. 57–60.

¹³ Декларация о праве на развитие. Принята резолюцией 41/128 Генеральной Ассамблеи ООН от 04.12.1986 // URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/instree/Rss3drd.html> (дата обращения: 11.10.2023).

¹⁴ Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. Принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13.09.2007 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 11.10.2023).

¹⁵ Свод рекомендуемых норм при проведении референдумов. Исследование Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии Совета Европы) № 371/2006. Страсбург, 2008 // URL:

В этой связи при анализе конституционности и легитимности волеизъявления народа на той или иной территории можно выделить следующие международные стандарты референдумов о сецессии.

1. Определение субъектности народа

В заключении Венецианской комиссии Совета Европы от 21.03.2014 указано, что, хотя сегодня и отсутствует четко зафиксированное в международном праве определение «народа», обычно под ним следует понимать «отдельную, конкретную группу лиц, разделяющих одну и ту же историю, язык, культуру и желание жить вместе»¹⁶; дополнительно Международный Суд ООН указывает на необходимость исследовать исторические связи между народом, живущим на территории, которая подвергается сецессии, и остальной частью государства, в рамках которого происходит сецессия, их отсутствие или наличие¹⁷. Наряду с этим с учетом опыта урегулирования германского вопроса по итогам Второй мировой войны и межкорейского противостояния, в результате которых в основу образования новых государств было положено различное видение народов (хотя и представляющих единую нацию) на их политическое, со-

циальное и экономическое развитие, в качестве основания для определения народа на основе международного прецедента (который в практике международного публичного права выступает основой дальнейшего регулирования)¹⁸, можно выделить и политические разногласия. Последний тезис разделяется и в зарубежной юридической науке: так, например, Р. Эвин указывает, что «сам дух положения о свободном определении своей политической судьбы и выборе независимости может относиться к любым общностям людей хотя бы потому, что подобное решение принимается не столько абстрактным народом, сколько каждым конкретным человеком, к нему относящимся»¹⁹. Последний тезис также поддержан и Г. Гросс-Эспием, определявшим народ как «любую человеческую общину, объединенную единым самосознанием, способную действовать в интересах собственного будущего»²⁰, хотя подобное широкое толкование вряд ли применимо в юридическом контексте права на самоопределение.

Исходя из вышеописанных позиций Международного Суда ООН и результатов международно-правовых исследований, можно сделать вывод, что при позиционировании совместно проживающей на определенной территории общности людей в качестве народа, способного на самоопределение, квалифицирующими кри-

---

[https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2007\)008rev-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2007)008rev-rus) (дата обращения: 11.10.2023).

¹⁶ Заключение Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии Совета Европы) № 763/2014 от 21.03.2014 «О соответствии международному праву проекта Федерального конституционного закона № 462741-6 “О внесении изменений в Федеральный конституционный закон Российской Федерации “О порядке принятия в Российскую Федерацию и образовании в ее составе нового субъекта Российской Федерации”». Одобрено Венецианской комиссией на ее 98-м пленарном заседании (Венеция, 21–22 марта 2014 г.). Л. 7 // URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2014\)004-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2014)004-rus) (дата обращения: 11.10.2023).

¹⁷ Консультативное заключение Международного Суда ООН «Западная Сахара» от 16.10.1975 // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 1948–1991. Нью-Йорк, 1993. С. 125–128.

¹⁸ Блищенко И. П., Дориа Ж. Прецеденты в международном публичном и частном праве. М. : МНИМП, 1999. С. 12.

¹⁹ Цит. по: Николаев Д. Г. Феномен непризнанных государств в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2010. № 1. С. 29–30.

²⁰ Gross-Espiel H. The Right to self-determination; implementation of United Nations resolutions. New York : United Nations. 1980. P. 9.

териями являются не только национальность (этнос), но и такие признаки, как ощущение (чувство) идентичности, общее историческое наследие, этническое единство, собственный язык общения, общее отношение к религии (вероисповеданию).

2. Основания возникновения права на сецессию

Одной из ключевых предпосылок к праву на мирную сецессию народа, компактно проживающего в пределах определенной территории, является его дискриминация (притеснение на основе языка, культуры, вероисповедания со стороны центрального правительства государства), отсутствие демократического представительства в правительстве государства, контролирующего эту территорию, либо притеснение политических представителей данного народа. Так, например, из Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, от 24.10.1970 следует, что «ничто в приведенных выше пунктах не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, *соблюдающих* в своих действиях принцип *равноправия* и самоопределения народов, как этот принцип изложен выше, и, вследствие этого, имеющих [центральные] правительства, представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной терри-

тории (курсив мой. — Д. С.)»²¹. Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации объяснил соответствующие нормы международного права, показав, что «во многих регионах мира коренные народы подвергались и по-прежнему подвергаются дискриминации, лишены своих прав и основных свобод человека... в результате их культура и историческая самобытность была и находится под угрозой исчезновения»²². В частности, государства, в которых проживают коренные народы, должны считаться с правом на то, чтобы «никакие решения, непосредственно касающиеся прав и интересов таких народов, не принимались без их осознанного согласия», а также обеспечивать «условия, способствующие устойчивому экономическому и социальному развитию, которые соответствовали бы культурным традициям» этих народов²³.

Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации также раскрыл «внешний аспект» права народов на самоопределение, заключающийся в том, что они имеют «право свободно определять свой политический статус и свое место в международном сообществе на основе принципа равноправия и с учетом примера освобождения народов от колониализма, а также запрещения подвергать народы иностранному порабощению, господству и эксплуатации»²⁴. Отдельно обращено внимание на такие обязанности правительств, исполнение (неисполнение) которых свидетельствует о состоянии, когда право народов на самоопределение может быть признано соблюденным в рамках существующей политической системы без необходимости ее преобразований: это возможно, если государством, где проживает соответствующий народ, для этнических и языковых групп обеспечиваются *возможности вести достойный*

²¹ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24.10.1970 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 11.10.2023).

²² Общая рекомендация XXIII о правах коренных народов // URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT/CERD/GEC/7495&Lang=en (дата обращения: 11.10.2023).

²³ Общая рекомендация XXIII о правах коренных народов.

²⁴ Общая рекомендация XXI о праве на самоопределение // URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT/CERD/GEC/7493&Lang=en (дата обращения: 11.10.2023).

человека образ жизни, сохранять свою культуру, принимать участие в управлении страной, гражданами которой они являются, права участвовать в деятельности, которая имеет особое значение для сохранения самобытности таких лиц или групп²⁵. Аналогичного мнения придерживается и Конституционный Суд РФ, который в своем постановлении от 13.03.1993 указал, что право на самоопределение в любом случае ограничено двумя рамками, исходящими из принципов территориальной целостности государства и соблюдения прав человека²⁶.

Здесь одним из важнейших юридических вопросов для целей установления легитимности процедуры самоопределения является выявление истинной причины (не повода) для проведения референдума о сецессии — действительно ли это самоопределение либо легализация сепаратизма со стороны местной власти. Последняя при отсутствии четких оснований к первому приводит к формированию «непризнанных государств» (или, как их называют некоторые исследователи, государств де-факто²⁷), в том числе и последующей делегитимации решений местного населения таких государств и формируемых им органов власти. В каждом конкретном случае следует всегда устанавливать первопричину действий, направленных на самоопределение. Притеснение гражданских прав большинства населения территории является единственной признаваемой международным публичным пра-

вом первопричиной, тогда как во всех остальных случаях встает вопрос лишь о сепаратизме, что также соотносится и с выраженными в п. 5.7 и п. 5.9 Копенгагенской декларации положениями: права человека и основные свободы будут гарантироваться законом и соответствовать обязательствам по международному праву; все люди равны перед законом и имеют право без какой бы то ни было дискриминации на равную защиту со стороны закона²⁸. Вместе с этим стоит отметить, что Международный Суд ООН по делу одностороннего провозглашения независимости Косово 22 июля 2010 г. указал, что из практики государств XVIII, XIX и начала XX в. ясно, что «международное право никоим образом не запрещает декларации независимости»²⁹. Также предпосылкой права на самоопределение может быть исторически «утраченная самостоятельная роль в историческом процессе, роль творца своей собственной национальной судьбы»³⁰. При этом важно учитывать, что предположение о притеснении само по себе не свидетельствует о том, что действия народа, стремящегося к объявлению независимости и претендующего на международную субъектность, являются в достаточной степени легитимными при оценке данного процесса со стороны других субъектов международного права — независимых государств и международных организаций, таких как ООН. Ведь значение имеет не столько само предположение и отдельные формальные

---

²⁵ Общая рекомендация XXI о праве на самоопределение.

²⁶ Постановление Конституционного Суда РСФСР от 13.03.1992 № П-РЗ-1 «По делу о проверке конституционности Декларации о государственном суверенитете Республики Татарстан от 30.08.1990, Закона Республики Татарстан от 18.04.1991 “Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Республики Татарстан”, Закона Республики Татарстан от 29.11.1991 “О референдуме Республики Татарстан”, постановления Верховного Совета Республики Татарстан от 21.02.1992 “О проведении референдума Республики Татарстан по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан”» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 13. Ст. 671.

²⁷ Маркедонов С. Между формально-правовыми нормами и реальной политикой: де-факто государства в современных международных процессах // Международная аналитика. 2022. № 13 (4). С. 7–10.

²⁸ Документ Копенгагенского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ // URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/d/0/14305.pdf> (дата обращения: 11.10.2023).

²⁹ Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo, Advisory Opinion. P. 403.

³⁰ Мошняга В. П. Язык, этнонациональная идентичность и упрочение независимой государственности // Проблемы политического анализа. Кишинев, 1995. С. 52.

признаки притеснения, которые могут быть преодолены менее экстраординарными средствами, сколько качественно-количественные характеристики процесса, который можно назвать дискриминацией (угнетением).

Притеснение как явление можно представить в качестве первого этапа дискриминации. И чем выше степень воздействия по каждому из возможных направлений дискриминации, тем сильнее она приближается к угнетению — своеобразной «второй ступени» дискриминации. Так, оценивать это явление можно со следующих позиций:

- динамика дискриминационной активности — возрастание с течением времени дискриминационных действий со стороны центральной власти в абсолютных значениях;
- расширение сфер общественных отношений, в которых могут проявляться дискриминационные действия (в особенности правовое регулирование языка, религиозных организаций, школьного образования);
- институционализация дискриминационных практик — их нормативное закрепление или легализация.

В случае совпадения описанных выше признаков можно говорить не просто о притеснении на системной основе — подобная деятельность уже являет собой угнетение. И именно угнетение можно назвать ключевым состоянием, предшествующим возникновению права на сецессию.

Подобные критерии имели место и при оценке возможности сецессии в рамках внутригосударственного права, когда указанные правоотношения были закреплены в национальном законодательстве.

Верховный суд Канады оценивал правомерность сецессии Квебека в 1998 г. (*Reference re Secession of Quebec*. 20.08.1998)³¹. В то время абсолютное большинство его населения составляли франкоканадцы — потомки французов, основавших Канаду, которые после завоевания ее Англией оказались в угнетенном положении.

Под влиянием сильного сепаратистского движения в 1980 и 1995 гг. были проведены референдумы о выходе Квебека из состава Канады. Ни на одном референдуме сецессию не поддержали, хотя в последнем высказались против отделения лишь 50,58 % канадцев³². Несмотря на то что не было набрано большинство голосов, Верховный суд Канады оценил, может ли право на самоопределение являться основанием для сецессии. Он рассмотрел квалификацию сецессии по международному и национальному праву.

В соответствии с Конституционными (учредительными) актами Канады демократическое волеизъявление ограничивается принципами верховенства права и федерализма (*Reference re Secession of Quebec*. 20.08.1998. Paras. 3(a)–3(d)), а также суверенитета и целостности государства (para. 85), поэтому своим волеизъявлением Квебек не мог отделиться (para. 91). Вместе с тем национальным правом не исключены переговоры между Квебеком и федерацией о достижении наилучшего баланса интересов (paras. 92–103).

По мнению Верховного суда Канады, право сецессии в соответствии с международным правом принадлежит лишь нации (народу), под которой следует понимать либо общность внутри государства, либо угнетаемую общность на колонизированной территории. Население Квебека, хотя и имеет определенные черты нации, не может считаться ею, поскольку никакого угнетения в отношении него нет (para. 154). Поэтому и международное право не допускает в данном случае сецессию.

Верховный суд Канады также отметил, что право наций на самоопределение нелегко вписывается в систему международного права, так как противоречит принципу суверенитета, а потому его применение должно быть исключительным (para. 131). В деле Квебека подобных исключительных обстоятельств не было.

В данный момент Квебек приобретает все больше публичных прав в федерации. Так, например, в 2002 г. в Квебеке был принят Закон

³¹ URL: <https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/item/1643/index.do> (дата обращения: 11.10.2023).

³² *Québec Referendum (1995)* // URL: <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/quebec-referendum-1995> (дата обращения: 11.10.2023).

№ 52, согласно которому всякое международное соглашение, заключенное федеральным правительством и затрагивающее интересы Квебека, должно быть в обязательном порядке одобрено национальной ассамблеей провинции. На международном уровне провинция проявляет себя достаточно активно: так, в 2011 г. насчитывалось не менее 29 представительств Квебека в иностранных государствах³³.

Правовой статус Квебека показывает, что в условиях отсутствия угнетения такая форма самоопределения, как нахождение в составе федеративного государства, может являться самодостаточной и не давать не только ощутимых социально-политических предпосылок, но и достаточных правовых оснований для сецессии.

Таким образом, самоопределение правомерно, если народ, проживающий на одной территории и объединенный общими историческими связями, утратил свою самостоятельную роль в историческом процессе, роль творца своей собственной национальной судьбы, а также подвергается любым формам притеснения (угнетения) со стороны органов центрального правительства государства, в составе которого он находится, будь то вопросы религии, веры, идеологии или политического представительства в органах центрального правительства.

3. Территориальное определение границ сецессии

Для решения вопроса о территориальных пределах сецессии важно определить, какое пространство затрагивается самоопределением народа в качестве устойчивой группы людей и какие связи (исторические, культурные и т.д.) эти люди имеют с конкретной территорией. Народ — «устойчивая группа людей, компактно проживающих на определенной территории и обладающих исторической связью с ней, имеющая (признающая) свои исторические, этни-

ческие (расовые), языковые или культурные, религиозные или идеологические и иные особенности; сознающая свою потребность самоопределения в международных отношениях»³⁴.

Конечно, существуют народы (а также нации и этносы) без территории: это национальные, этнические и (или) религиозные общины; бывают и общины политические. В качестве наиболее известных примеров национальных (этнических) общин без территории можно назвать таких представителей коренного населения, как саамы, чулымцы, юкагиры, кеты. Их право на самоуправление не связано с международно признанными границами, однако оно существует, и утверждать обратное было бы бессмысленно. В то же время согласимся с Р. Эвином, что территория имеет значение, ведь любая общность должна иметь территорию, даже если ее границы четко не определены, чтобы иметь возможность установления собственной власти (самоуправления)³⁵. В частности, Р. Эвин указывает, что, несмотря на отсутствие четких, признанных и фактически управляемых Израилем собственных границ, это государство существует, имеет собственную власть и обладает правом на самооборону, а евреи имеют историческое право на ту территорию, которую они сегодня населяют³⁶.

Установление границ территории, в рамках которой происходит самоопределение народа, может осуществляться, во-первых, самим народом (его представительными органами власти), в том числе путем деклараций, уставов и конституций, а во-вторых, что логично, может определяться границами территории, на которой проводится самоопределение, т.е. это либо те территории, на которых проводится сам референдум, и подводятся его итоги, либо границы территории, на которые распространяется *власть* органов самоопределяющегося народа. В качестве примеров первого можно назвать прецеденты сецессии Западной Сахары (Сахарской Арабской Демократической Респуб-

---

³³ Акимов Ю. Г. Квебекская парадипломатия и позиция федерального правительства Канады: от конфликта к компромиссу // Вестник СПбГУ. 2011. Серия 6. Вып. 4. С. 48–55.

³⁴ Events in East Pakistan, 1971: a legal study // International Commission of Jurists. ICJ. Geneva, 1972. P. 70.

³⁵ Ewin R. E. Peoples and Political Obligation // Macquarie Law Journal. 2003. Vol. 3. P. 13–28.

³⁶ Ewin R. E. Op. cit.

лики) от Марокко в 1976 г., Гагаузии (Республики Гагаузия) и Приднестровья (Приднестровской Молдавской Республики) от Молдовы в 1990 г., Восточного Тимора (Демократической Республики Тимор-Лешти) от Индонезии в 1999 г., Косово (Республики Косово) от Сербии, Абхазии (Республики Абхазия) и Южной Осетии (Республики Южная Осетия) от Грузии в 2008 г.

И если определение границ территории народа, проживающего внутри одного государства или имеющего сопредельное государство, с которым он себя ассоциирует, является сложным, но разрешимым вопросом, то вот ситуация, когда народ имеет свои границы, разделенные между несколькими государствами, кратно усложняет проведение легальной процедуры сепарации. То же верно и для географически изолированных регионов, основное население которых не является коренным по отношению к данной территории. Так, например, с момента обретения независимости и формирования собственной государственности Австралией в 1901 г. Западная Австралия всегда испытывала аналогичное значительное стремление к независимости. Изначально Западная Австралия даже не упоминалась в Конституции Австралии, пока не была внесена поправка о ее включении³⁷. В 1926 г. была учреждена Лига за сепарацию в целях предоставления публичной платформы для продвижения идеи о сепарации Западной Австралии. Причиной этого стало то, что Западная Австралия производила гораздо больше для Австралии, чем получала взамен, и многие жители Западной Австралии рассматривали остальную часть Австралии как «экономического паразита» в своем штате³⁸.

В 1933 г. благодаря влиятельности Лиги в Западной Австралии был проведен референдум о сепарации³⁹ с внушительными результатами в

пользу независимости⁴⁰. Тем не менее попытка провалилась, поскольку не нашла поддержки в дальнейших переговорных процессах с еще сохраняющейся федерацией и с имевшим значительное политическое и правовое влияние английским парламентом. Примечательно, что точку в данном вопросе поставил сам народ Западной Австралии, который после неудачных переговоров охладел к идее сепарации и прекратил попытки ее осуществить.

Приведенный пример является интересной иллюстрацией ранее упомянутой разновидности народной общности, которая сложилась в первую очередь как политическая, а не этническая, т.е. не имеет жесткой связи с землей, на которой проживает, многовековой истории, хотя язык, на котором она разговаривает, обладает особенностями, обусловленными географической изоляцией.

Таким образом, в любой ситуации границы самоопределения — это вопрос собственно территории, народ которой непосредственно либо по воле его демократически избранных представителей осуществляет право на самоопределение, даже если данные границы не соотносимы с административными (географическими) границами предшествующих государственных (административных) единиц.

4. Право на участие в референдуме о народном самоопределении

При определении легитимности референдума наиболее важно оценить нормативные правовые акты, регламентирующие порядок его проведения. Среди принципов проведения референдума, воспринятых на международном уровне, можно назвать:

³⁷ Constitution Act 1890 (UK) // URL: <https://www.foundingdocs.gov.au/item-did-98.html> (дата обращения: 11.10.2023).

³⁸ Research Guide: The Great Depression // URL: <https://unreserved.rba.gov.au/nodes/view/46377> (дата обращения: 11.10.2023).

³⁹ Dominion League // URL: https://webarchive.slwa.wa.gov.au/federation/sec/049_domi.htm#:~:text=The%20League%20was%20established%20to,England%20and%20Empire'%20still.%22 (дата обращения: 11.10.2023).

⁴⁰ Secession! // URL: https://webarchive.slwa.wa.gov.au/federation/sec/063_sece.htm (дата обращения: 11.10.2023).

а) всеобщее избирательное право, т.е. предоставление права голоса всем жителям конкретной территории, возраст которых не ниже уровня гражданского совершеннолетия и для которых это место жительства является постоянным. Например, в п. 1 ст. IV Соглашения о выборах в Федерации Боснии и Герцеговины 1995 г. (далее — Соглашение о выборах ФБиГ) установлено, что активное избирательное право предоставляется гражданам Боснии и Герцеговины, достигшим возраста 18 лет, чье место жительства подтверждается материалами переписи населения 1991 г., а по тем, чье место жительства появилось после 1991 г., решение принимается комиссией по выборам; при этом такое право может и должно быть предоставлено и беженцам, имевшим место жительства в данной местности, и трактуется как их намерение возвратиться в свое прежнее место жительства⁴¹. Международными стандартами рекомендуется предоставлять право на участие в референдуме и иностранцам при соблюдении определенного срока проживания (пп. «b» п. 1.1 Основных положений).

Список участников референдума должен быть постоянным и обновляться не реже раза в год; должна быть предусмотрена судебная защита права на участие в референдуме;

б) равное голосование, т.е. предоставление каждому участнику референдума равного числа голосов, соответствующего числу задаваемых вопросов, которые поставлены на разрешение участникам референдума, а также равенство условий по выражению мнений по поводу референдума, распространению информации о нем, а также по агитации по тем или иным вопросам (п. 2 Основных положений);

в) свободное голосование, т.е. запрет вмешательства органов власти в деятельность ко-

миссий референдума, средств массовой информации и соблюдение нейтралитета, что, однако, не исключает возможность информирования населения, в том числе и призывы голосовать по тому или иному вопросу со стороны органов власти (пп. «с» п. 3.1 Основных положений). Наряду с этим необходимо обеспечить свободу волеизъявления граждан, в том числе формирование понятного и доступного для однозначного толкования перечня альтернативных вопросов, свободу доступа к месту проведения голосования, а электронное голосование (при его использовании) должно соответствовать принципам надежности, безотказности, устойчивости, а также открытости для проверки и доступности для участников референдума⁴². Необходимо также отметить, что запрещается принуждение к участию в референдуме или голосованию по тому или иному вопросу, т.е. обеспечивается голосование без страха и запугивания (п. 1 ст. I Соглашения о выборах ФБиГ);

г) тайное голосование, т.е. обеспечение личного голосования при охране информации о списках проголосовавших и о результатах волеизъявления каждого из них (п. 4 Основных положений).

5. Условия реализации права на участие в референдуме.

Правовой статус организатора референдума

Признание демократического характера референдума невозможно без соблюдения условий его беспристрастного проведения. Для этого следует подвергнуть анализу на предмет соблюдения демократических принципов правовую основу проведения референдума. В частности, необходимо создание независимых и беспри-

---

⁴¹ Соглашение о выборах (приложение 3 к Общему рамочному соглашению о мире в Боснии и Герцеговине). Принято в Париже 14 декабря 1995 г. [офиц. перевод на рус. яз.] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_yugoslavia.shtml (дата обращения: 11.10.2023).

⁴² Recommendation of the Committee of Ministers to member states on legal, operational and technical standards for e-voting № Rec(2004)11. Adopted by the Committee of Ministers on 30 September 2004 at the 898th meeting of the Ministers' Deputies // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805dbef8 (дата обращения: 11.10.2023) ; Совет Европы принимает новую Рекомендацию о стандартах в сфере электронного голосования // URL: <https://www.coe.int/ru/web/portal/>

страстных комиссий референдума — как центральной, так и участковых (п. 3.1 Основных положений).

Наблюдение на выборах должно обеспечиваться как национальными, так и международными наблюдателями. Наблюдатели должны допускаться к работе комиссий как в дни голосования, так и при подведении итогов; при этом предметом наблюдения должно быть в том числе соблюдение нейтралитета со стороны органов власти (п. 3.2 Основных положений). При проведении электронного голосования должно обеспечиваться наблюдение не только по вопросам тайны голосования и нейтралитета органов власти, но и за простотой и удобством в использовании, структурой бюллетеня, доступностью для избирателей, надежностью эксплуатации (п. 4.4.1–4.4.4 Руководства по наблюдению за использованием новых технологий голосования⁴³).

К числу условий проведения референдума относится также законность и формальная определенность вариантов решения, которые выносятся на всенародное обсуждение (референдум). Как отмечают Г. Н. Андреева, А. Н. Верещагин и И. А. Старостина, одной из ключевых задач организаторов референдума является необходимость донести до граждан суть проблем, по которым им необходимо принять решение⁴⁴. В этой связи Венецианская комиссия также рекомендует проводить разъяснение сути и условий выносимых на референдум вопросов в разумный срок (не менее чем за две недели до даты голосования) (п. 14 Основных положений).

Венецианская комиссия также указывает в связи с проведением референдума на необходимость воздерживаться от определения кворума, т.е. установления минимального уровня участия в референдуме, а также от введения кворума одобрения (п. 7 Основных положений).

В качестве дополнительного условия, применимого к референдуму о сецессии, стоит назвать добровольность, которая свидетельствует о соблюдении принципа территориальной целостности и впоследствии должна стать основанием для международного сообщества признать результаты волеизъявления⁴⁵.

Вместе с тем А. И. Анисимов выделяет и дополнительные критерии легитимности референдума о сецессии: например, согласие материнского государства на проведение референдума и признание его результатов (на основе прецедента Черногории) либо проведение референдума с согласия и по назначению международных организаций, таких как ООН (на основе прецедентов Эритреи и Восточного Тимора)⁴⁶. Однако с этим вряд ли можно согласиться, поскольку существуют и иные международные прецеденты, которые свидетельствуют об обратном (Косово). Более того, наличие в конституции права на самоопределение путем выхода из состава единого государства его части вряд ли можно считать согласием на проведение референдума, равно как и то, что любое государство, если в нем присутствует сильная, дееспособная власть, будет отстаивать свою территориальную целостность, а прецедент Косово свидетельствует нам о том, что сецессия может быть произведена и без референдума, и без

news-2017/-/asset_publisher/StEVosr24HJ2/content/council-of-europe-adopts-new-recommendation-on-standards-for-e-voting (дата обращения: 11.10.2023).

⁴³ Руководство по наблюдению за использованием новых технологий голосования / Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека, 2013 // URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/7/2/107771.pdf> (дата обращения: 11.10.2023).

⁴⁴ Андреева Г. Н., Верещагин А. Н., Старостина И. А. Двери референдума приоткрываются? // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 2. С. 176.

⁴⁵ Шушканов П. А. О некоторых проблемах принятия в состав Российской Федерации иностранного государства или его части // Право и политика. 2007. № 8. С. 27–60.

⁴⁶ Анисимов А. И. Референдум как способ реализации народом права на самоопределение // Право и политика. 2018. № 6.

соответствующих резолюций и решений ООН или его Совета Безопасности.

Зарубежные специалисты по международному праву признают, что на практике самоопределение народа довольно часто выражается именно посредством обращения к процедуре референдума о самоопределении; при этом одной из прямо выделяемых разновидностей такого референдума считается референдум о сецессии, т.е. об отделении от государства⁴⁷. Однако при оценке действительности и легитимности реализации права народа на самоопределение путем сецессии в аспекте возникающих территориальных споров между государствами для Международного Суда ООН важно, чтобы последующие фактические действия самоопределившегося народа соответствовали выраженной на референдуме воле, т.е. свидетельствовали о принятии власти нового правительства или государства (например, уплата налогов⁴⁸).

6. Исторические примеры референдумов о сецессии и их национальные и международные последствия

В качестве первого примера стоит рассмотреть расположенный у восточного побережья Северной Америки остров Ньюфаундленд. До появления европейцев его населяли эскимосы и беотуки. Постепенно данная территория была заселена англичанами, португальцами, французами, испанцами. В XIX в. Британская империя оформила свой суверенитет над ней. Население, впрочем, требовало автономии и управления не «из центра», а с учетом местных особенностей и обеспечения народного представительства. Территория получила статус доминиона, однако в годы Великой депрессии в связи с ухудшением экономической ситуации управление островом перешло к специальной комиссии уполномоченных, назначенной Великобританией, что фактически вернуло его к статусу колонии. Это

привело к жесткой постановке вопроса об определении статуса острова в 1948 г., когда был проведен референдум, на котором предлагалось выбрать один из трех вариантов возможной дальнейшей судьбы Ньюфаундленда, в том числе о возможности присоединиться к сопредельному государству — Канаде. Важным продолжением процесса обретения независимости стали переговоры представителей Ньюфаундленда и Канады, целью которых было определение условий присоединения. Британский и канадский парламенты одобрили объединение, после чего Ньюфаундленд официально стал десятой провинцией Канады 31 марта 1949 г.

Островное государство Самоа (Независимое государство Самоа), занимающее западную часть одноименного архипелага в Тихом океане, прошло довольно длительный путь к независимости. Коренное население потеснили европейцы только в XVIII в. Влияние держав стало усиливаться, когда Великобритания, США и Германия открыли там свои постоянные представительства. Самоа изначально стало колонией Германии, но по итогам Первой мировой войны перешло под управление Новой Зеландии, в том числе в качестве подопечной территории в рамках системы ООН. В 1921 г. был принят Закон о Западном Самоа⁴⁹, новозеландцы создали в регионе свою гражданскую администрацию (без локального представительства), которая начала проводить в отношении коренного населения активную политику преобразований в сфере образования, здравоохранения и экономического развития, что привело к ответной активизации движения «Мау» с лозунгом «Самоа для самоанцев». В 1946 г. их требования были проигнорированы, но они продолжили борьбу, активная фаза которой пришлась уже на 1950-е гг. ООН после Второй мировой войны активно поддерживала право на самоопределение и независимость для всех колониальных территорий; кульминацией этой поддержки стал референ-

---

⁴⁷ Aznar M. The Human Factor in Territorial Disputes // Kohen M., Hébié M. Research Handbook on Territorial Disputes in International Law. Edward Elgar Publishing, 2018. P. 312, 316.

⁴⁸ Western Sahara, Advisory Opinion of 16 October 1975, ICJ Rep. 12, para. 101.

⁴⁹ The Samoa Act 1921, № 16 // URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/sam35506.pdf> (дата обращения: 11.10.2023).

дум 1961 г., который с результатом в 83 % «за» привел к окончательной независимости Западного Самоа от Новой Зеландии. В своем докладе Генеральному Секретарю Комиссар ООН по проведению референдума заявил, что он был проведен с соблюдением закона, справедливо и беспристрастно⁵⁰. Новая Зеландия приняла Закон о Западном Самоа 1961 г., подтвердив независимость, а через семь месяцев государства подписали Договор о дружбе, который подчеркивает близость отношений и признает «дружбу, доверие и взаимное стремление добиться более полных возможностей для социального прогресса»⁵¹.

Самым известным народом, проживающим на территории, которая разделена между сопредельными государствами, являются курды. Исторические предпосылки стремления курдов к независимости уходят корнями в глубокое прошлое, а основной проблемной точкой стали итоги Первой мировой войны, когда курдские земли были разделены между несколькими «неродными» государствами. В 2005 г. был проведен консультативный референдум, который показал, что 98,8 % граждан выступают за свободу и независимость. Данный процесс не остался незамеченным, и в итоге в Ираке была принята новая конституция, ст. 140 которой предусматривала проведение «референдума в Киркуке и на других спорных территориях

для определения воли их граждан не позднее 31 декабря 2007 г.»⁵². Несмотря на экономическое и культурное значение города и конституционное обещание провести референдум к концу 2007 г., он так и не состоялся⁵³. В 2010 г. премьер-министр Ирака Нури аль-Малики даже заявил, что ст. 140 невозможно реализовать. Более того, хотя курды и осуществляли де-факто контроль над Киркуком, федеральное правительство развернуло свои вооруженные силы и взяло город под свой контроль. В 2017 г. Масуд Барзани, занимавший пост президента Иракского Курдистана с 2005 по 2017 г., указал на неисполнение ст. 140 как на одну из причин для обретения независимости⁵⁴.

В 2017 г. референдум был проведен Курдским региональным правительством, поскольку притесненное положение курдов не облегчалось на фоне растущей напряженности между региональными властями и центральным правительством Ирака, особенно в свете борьбы против Исламского государства (ИГ)⁵⁵ и споров о распределении нефтяных ресурсов. На референдуме около 93 % участников высказались за независимость. Однако иракское правительство немедленно объявило голосование незаконным и предприняло ряд жестких мер, включая военные действия, для возвращения контроля над спорными территориями⁵⁶.

⁵⁰ Decolonization of the United Nations Department of Political Affairs, Trusteeship and Decolonization, № 19, December 1983. P. 19 // URL: https://www.un.org/dppa/decolonization/sites/www.un.org.dppa.decolonization/files/decon_num_19-1.pdf (дата обращения: 11.10.2023).

⁵¹ New Zealand and Western Samoa. Treaty of friendship. Signed at Apia, on 1 August 1962 // URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20453/volume-453-I-6515-English.pdf> (дата обращения: 11.10.2023).

⁵² The Constitution of Iraq, 2005 // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Iraq_2005 (дата обращения: 11.10.2023).

⁵³ Наумкин В. В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // Вестник Московского университета. Серия 25, Международные отношения и мировая политика. 2015. № 1.

⁵⁴ Hama H. H. Article 140 Between Baghdad and KRG: The Future of Kirkuk Status in Post 16 October // India Quarterly. Vol. 75 (4). P. 510–524.

⁵⁵ ИГ признано террористической организацией в США, Канаде, Великобритании, Австралии, Таджикистане, Турции, Египте, ОАЭ, Индии, Индонезии, а также в России (с 29 декабря 2014 г.). Его деятельность на территории этих стран запрещена.

⁵⁶ Degli Esposti N. The 2017 independence referendum and the political economy of Kurdish nationalism in Iraq // Third World Quarterly. 2021. Vol. 42 (10). P. 2317–2333.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного и с учетом рассмотренных примеров можно отметить *три элемента*, которые способны внести вклад в вопрос о легитимности сецессии в качестве одной из возможных форм реализации международного права на самоопределение, а также референдума в качестве механизма выявления собственно волеизъявления самоопределяющегося народа. С одной стороны, легитимность любого движения к самоопределению зиждется на притеснении народа со стороны «навязываемой власти», ущемлении права на учет мнения самого народа (в том числе отсутствии имеющего реальный голос политического представительства). Если такое притеснение доведено до систематических масштабов и ощущается в качестве такового большинством людей, мешая им жить в спокойствии, то это можно назвать угнетением (в целом характерно для большинства примеров, прямо выражено в решении по делу Квебека), особенно если речь о притеснении народа, исконно проживающего на данной территории, со стороны внешних «правителей» (примеры Самоа, Ньюфаундленда, Курдистана).

С другой стороны, как показывают примеры, во многом о легитимности говорит процесс поиска компромисса (переговоры, согласительные процедуры, поиск баланса интересов), предшествующий реализации права на самоопределение и в дальнейшем закрепляющий его. Переговорная форма в целом характерна для международного правопорядка, поэтому неудивительно, что данный аспект имеет значение в том числе в плоскости международно-правовой (примеры Ньюфаундленда, Западной Австралии, Самоа, Курдистана).

Наконец, если договориться не получается и угнетение продолжается, исчерпана надежда на реализацию права на самоопределение в иных формах (например, автономии и широкого, реального представительства в системе управления), то защита от угнетения путем самоопределения-сецессии в целом не отрицается (решение по делу Квебека), а референдум может стать легитимным эмпирическим основанием для объявления независимости со стороны народа, напрямую выражающего свое

волеизъявление. При этом одним из ключевых факторов самоопределения, в том числе с международно-правовой точки зрения, становится последовательность и решимость самоопределяющегося народа, подтверждающего наличие доказательств его угнетения (в отличие, например, от Западной Австралии).

Важно отметить, что, хотя сецессия и референдумы о сецессии напрямую не следуют из норм международного права, множество примеров не оставляют сомнений в том, что международно-правовая практика признает при наличии определенных условий соответствующую возможность. Тем не менее остается неразрешенным и формально не определенным вопрос о том, каковы эти условия и насколько они стабильны. Примеры показывают, что в каждом конкретном случае обстоятельства провозглашения независимости оцениваются на предмет легитимности с точки зрения названных тенденций каждым государством отдельно в качестве самостоятельного субъекта международного права. Иное попросту нереализуемо в условиях, когда нет четко установленной системы критериев данной формы права на самоопределение. Вопрос о том, может ли быть создан такой закрытый перечень, тоже остается открытым. Как отметил Верховный суд Канады в деле Квебека, каждый пример сецессии — это исключительный случай, а не общее правило. Следовательно, все подобные ситуации уникальны и должны анализироваться всесторонне и беспристрастно. Заранее сформулировать международно-правовые нормы для каждого такого случая сложно. Поэтому одним из ключевых вопросов, который всё же может быть разрешен применительно к рассматриваемой проблематике, является процедура референдума о сецессии, ясность, прозрачность, доступность и беспристрастность которой способна заложить основу для формирования отношения других государств к реализации самоопределения. Указанные примеры — только часть из тех, которые подтверждают, что именно референдум как индикатор народного самоопределения совместим с международно-правовой практикой, приводившей к признанию результатов самоопределения со стороны соседей соответствующего народа и впоследствии

мирового сообщества. Ведь решающее значение имеет именно истинное волеизъявление народа, проживающего на территории, имеющего право самостоятельно определять свою судьбу и право быть свободным от угнетения, а не какие-либо формальности.

Заключение

Анализ международного опыта проведения референдумов о самоопределении с целью сецессии в контексте релевантной международно-правовой аксиоматики позволяет выделить ключевые элементы, которые могут выступать в качестве легитимных предпосылок (оснований) для инициирования и проведения референдума о самоопределении. Каждый из этих элементов, если он присутствует при соответствующем акте самоопределения, может впоследствии учитываться в качестве свидетельства соблюдения международного «стандарта» референдума о самоопределении. Во-первых, международным правом не отрицается право коренных жителей территории государства (народа) в случае наличия на то особых оснований (таких как притеснения (дискриминация вплоть до угнетения) со стороны центральных властей по признаку языка, культуры, вероисповедания, политического представительства) требовать уважения собственной идентичности и предпринимать различные меры, направленные на реализацию собственного права на самоопределение, в качестве одной из разновидностей которых можно назвать инициирование в рамках границ своего проживания референдума о самоопределении. Если совокупность проявлений таких притеснений характеризует состояние народа, который проявляет желание реализовать сецессию, как угнетение со стороны центральных властей, то международная практика не отрицает возможность сецессии в качестве одного из элементов международного права на самоопределение народов. Во-вторых, для реализации права на самоопределение в данной форме требуется наличие исторических основ, в частности исторической связи самоопределяющегося населения с местностью (длительность

проживания семей и их предков на данной территории в конкретных культурных, языковых, религиозных условиях), а в случае последующего вхождения в состав иностранного государства после объявления независимости — и наличие исторических связей с ним. В-третьих, на основании такой связи с местностью необходимо также определить в той или иной легитимной форме границы референдума, соответствующие целям и содержанию реализуемого права на самоопределение народа, с целью обеспечения возможности дальнейшего международного признания и функционирования нового государственного образования, сформированного в результате этого самоопределения. В-четвертых, при проведении референдума необходимо обеспечить всем представителям самоопределяющегося народа общепринятые демократические права на участие в референдуме: всеобщее избирательное право (как минимум с возраста гражданского состояния), равное, свободное и тайное голосование. В-пятых, следует установить правовые основы проведения референдума на высшем законодательном уровне, создать беспристрастные комиссии по проведению референдума и обеспечить их деятельность, ограничить участие и прямое влияние власти и третьих государств, привлечь наблюдателей.

Вышеуказанные элементы в совокупности могут служить основанием для признания результатов референдума о сецессии легитимными, а последствий такого референдума об объявлении независимости или последующем вхождении в состав третьей страны легальными с точки зрения современного международного правопорядка. Вместе с тем необходимо учитывать специфику международно-правовой практики, характеризующейся уникальностью каждого возникающего международного казуса, притом что активная реализация народами права на самоопределение не является исключением. Это означает, что при оценке любой международно-правовой ситуации подобного рода необходимо тщательно анализировать конкретные предпосылки, причины и условия ее возникновения, а также всю совокупность обстоятельств, которые влияют на формирование легитимности в каждом конкретном слу-

чае и в результате которых элементы данной легитимности могут варьироваться, однако при соблюдении базовых критериев, таких как нали-

чие серьезных оснований для инициирования референдума, свобода и точность волеизъявления, а также достоверность его результатов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акимов Ю. Г. Квебекская парадипломатия и позиция федерального правительства Канады: от конфликта к компромиссу // Вестник СПбГУ. — 2011. — Серия 6. — Вып. 4. — С. 48–55.
2. Андреева Г. Н., Верецагин А. Н., Старостина И. А. Двери референдума приоткрываются? // Сравнительное конституционное обозрение. — 2007. — № 2. — С. 173–181.
3. Анисимов А. И. Референдум как способ реализации народом права на самоопределение // Право и политика. — 2018. — № 6. — С. 8–14.
4. Блищенко И. П., Дориа Ж. Прецеденты в международном публичном и частном праве. — М. : МНИМП, 1999.
5. Консультативное заключение Международного Суда ООН «Западная Сахара» от 16 октября 1975 г. // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 1948–1991. — Нью-Йорк, 1993. — С. 125–128.
6. Маркедонов С. Между формально-правовыми нормами и реальной политикой: де-факто государства в современных международных процессах // Международная аналитика. — 2022. — № 13 (4). — С. 7–10.
7. Мошняга В. П. Язык, этнонациональная идентичность и упрочение независимой государственности // Проблемы политического анализа. — Кишинев, 1995.
8. Наумкин В. В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // Вестник Московского университета. Серия 25, Международные отношения и мировая политика. — 2015. — № 1. — С. 66–96.
9. Николаев Д. Г. Феномен непризнанных государств в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия 25, Международные отношения и мировая политика. — 2010. — № 1. — С. 27–41.
10. Пономаренко А. Н. Конституционные и наднациональные стандарты в сфере референдума и право народов на самоопределение // Закон и право. — 2019. — № 5. — С. 57–60.
11. Пономаренко А. Н. Референдум о самоопределении в современной конституционно-правовой практике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2021.
12. Шушканов П. А. О некоторых проблемах принятия в состав Российской Федерации иностранного государства или его части // Право и политика. — 2007. — № 8. — С. 27–60.
13. Aznar M. The Human Factor in Territorial Disputes // Kohen M., Hébié M. Research Handbook on Territorial Disputes in International Law. — Edward Elgar Publishing, 2018.
14. Degli Esposti N. The 2017 independence referendum and the political economy of Kurdish nationalism in Iraq // Third World Quarterly. — 2021. — Vol. 42 (10). — P. 2317–2333.
15. Events in East Pakistan, 1971: a legal study // International Commission of Jurists. ICJ. — Geneva, 1972.
16. Ewin R. E. Peoples and Political Obligation // Macquarie Law Journal. — 2003. — Vol. 3. — P. 13–28.
17. Griffiths M. Self-Determination. International Society and World Order // Macquarie Law Journal. — 2003. — Vol. 3. — P. 29–49.
18. Gross-Espiel H. The Right to self-determination; implementation of United Nations resolutions. — New York : United Nations, 1980.
19. Hama H. H. Article 140 Between Baghdad and KRG: The Future of Kirkuk Status in Post 16 October // India Quarterly. — Vol. 75 (4). — P. 510–524.
20. Scharf M. P. Earned Sovereignty: Juridical Underpinnings // Denver Journal of International Law and Policy. — 2003. — No. 31. — P. 373–385.
21. Shaw M. N. International law. — 6th ed. — Cambridge University Press, 2008.

Материал поступил в редакцию 11 октября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Akimov Yu. G. Kvebekskaya paradiplomatiya i pozitsiya federalnogo pravitelstva Kanady: ot konflikta k kompromissu // Vestnik SPbGU. — 2011. — Seriya 6. — Vyp. 4. — S. 48–55.
2. Andreeva G. N., Vereshchagin A. N., Starostina I. A. Dveri referendumu priotkryvayutsya? // Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie. — 2007. — № 2. — S. 173–181.
3. Anisimov A. I. Referendum kak sposob realizatsii narodom prava na samoopredelenie // Pravo i politika. — 2018. — № 6. — S. 8–14.
4. Blishchenko I. P., Doria Zh. Pretsedenty v mezhdunarodnom publichnom i chastnom prave. — M.: MNIMP, 1999.
5. Konsultativnoe zaklyuchenie Mezhdunarodnogo Suda OON «Zapadnaya Sakhara» ot 16 oktyabrya 1975 g. // Kratkoe izlozhenie resheniy, konsultativnykh zaklyucheniy i postanovleniy Mezhdunarodnogo Suda 1948–1991. — Nyu-York, 1993. — S. 125–128.
6. Markedonov S. Mezhdunarodnyye formalno-pravovyye normy i realnaya politika: de-fakto gosudarstva v sovremennykh mezhdunarodnykh protsessakh // Mezhdunarodnaya analitika. — 2022. — № 13 (4). — S. 7–10.
7. Moshnyaga V. P. Yazyk, etnonatsionalnaya identichnost i uprochenie nezavisimoy gosudarstvennosti // Problemy politicheskogo analiza. — Kishinev, 1995.
8. Naumkin V. V. Gluboko razdelenyye obshchestva Blizhnego i Srednego Vostoka: konfliktnost, nasilie, vneshnee vmeshatelstvo // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25, Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika. — 2015. — № 1. — S. 66–96.
9. Nikolaev D. G. Fenomen nepriznannykh gosudarstv v mirovoy politike // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25, Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika. — 2010. — № 1. — S. 27–41.
10. Ponomarenko A. N. Konstitutsionnye i nadnatsionalnye standarty v sfere referendumov i pravo narodov na samoopredelenie // Zakon i pravo. — 2019. — № 5. — S. 57–60.
11. Ponomarenko A. N. Referendum o samoopredelenii v sovremennoy konstitutsionno-pravovoy praktike: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2021.
12. Shushkanov P. A. O nekotorykh problemakh prinyatiya v sostav Rossiyskoy Federatsii inostrannogo gosudarstva ili ego chasti // Pravo i politika. — 2007. — № 8. — S. 27–60.
13. Aznar M. The Human Factor in Territorial Disputes // Kohen M., Hébié M. Research Handbook on Territorial Disputes in International Law. — Edward Elgar Publishing, 2018.
14. Degli Esposti N. The 2017 independence referendum and the political economy of Kurdish nationalism in Iraq // Third World Quarterly. — 2021. — Vol. 42 (10). — P. 2317–2333.
15. Events in East Pakistan, 1971: a legal study // International Commission of Jurists. ICJ. — Geneva, 1972.
16. Ewin R. E. Peoples and Political Obligation // Macquarie Law Journal. — 2003. — Vol. 3. — P. 13–28.
17. Griffiths M. Self-Determination. International Society and World Order // Macquarie Law Journal. — 2003. — Vol. 3. — P. 29–49.
18. Gross-Espiel H. The Right to self-determination; implementation of United Nations resolutions. — New York: United Nations, 1980.
19. Hama H. H. Article 140 Between Baghdad and KRG: The Future of Kirkuk Status in Post 16 October // India Quarterly. — Vol. 75 (4). — P. 510–524.
20. Scharf M. P. Earned Sovereignty: Juridical Underpinnings // Denver Journal of International Law and Policy. — 2003. — No. 31. — P. 373–385.
21. Shaw M. N. International law. — 6th ed. — Cambridge University Press, 2008.

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.177-191

В. Н. Тебенькова*

Международно-правовые принципы установления юрисдикции государств в киберпространстве

Аннотация. Статья посвящена анализу принципов юрисдикции государств в международном праве и особенностям их применения в киберпространстве. Формирование киберпространства, уникальность которого выражена в глобальном, трансграничном характере, позволяющем пользователям осуществлять взаимодействие, пересекающее государственные границы, во взаимосвязи информационных систем, в наличии нематериальных компонентов и изменчивости юрисдикций, породило вопрос о международно-правовом регулировании отношений, возникающих при использовании киберпространства. Наиболее распространенный подход состоит в том, что к регулированию отношений, связанных с использованием киберпространства, применяются нормы международного права. В связи с этим юрисдикция государств в отношении киберпространства основывается на принципах юрисдикции, выделяемых в международном праве: территориальный принцип, в том числе принцип активной и пассивной территориальности, доктрина последствий; национальный принцип, в том числе принцип активной и пассивной национальности; защитный принцип, универсальный принцип. В результате анализа доктрины и международных актов, а именно докладов Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности 2013, 2015, 2021 гг., резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации 2001 г., переговорных документов к разрабатываемому в рамках ООН проекту международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях, сделано заключение о том, что принцип территориальности остается главным принципом, на основании которого государства устанавливают юрисдикцию в киберпространстве. Вместе с тем конкретное содержание принципа территориальности и иных принципов установления юрисдикции государств в киберпространстве еще формируется.

Ключевые слова: международное право; международно-правовое регулирование киберпространства; киберпространство; юрисдикция государств в киберпространстве; информационно-коммуникационные технологии; юрисдикция; принципы юрисдикции государств; территориальная юрисдикция; экстерриториальная юрисдикция; суверенитет.

Для цитирования: Тебенькова В. Н. Международно-правовые принципы установления юрисдикции государств в киберпространстве // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 5. — С. 177–191. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.177-191. Благодарности. Статья выполнена в соответствии с государственным заданием: «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)». Регистрационный номер: 1022040700002-6-5.5.1.

© Тебенькова В. Н., 2024

* Тебенькова Виктория Николаевна, аспирант кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
vikivik.teb@gmail.com

International Legal Principles for Establishing the Jurisdiction of States in Cyberspace

Victoria N. Tebenkova, Postgraduate Student, Department of International Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
vikivik.teb@gmail.com

Abstract. The paper analyzes the principles of state jurisdiction in international law and the features of their application in cyberspace. The formation of cyberspace, the uniqueness of which is expressed in its global, trans-border nature, allowing users to interact across state borders, in the interconnection of information systems, in the presence of intangible components and the variability of jurisdictions, has given rise to the question of international legal regulation of relations arising when using cyberspace. The most common approach is that the rules of international law are applied in order to regulate relations related to the use of cyberspace. In this regard, the jurisdiction of states in relation to cyberspace is based on the principles of jurisdiction identified in international law: the territorial principle, including the principle of active and passive territoriality, the doctrine of consequences; national principle, including the principle of active and passive nationality; protective principle, universal principle. As a result of the analysis of doctrine and international acts, namely the reports of the Group of Governmental Experts on Advances in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security in 2013, 2015, 2021, resolutions of the UN General Assembly, the Computer Crime Convention of 2001, negotiations documents for the draft international convention on combating the use of information and communication technologies for criminal purposes being developed within the UN, it was concluded that the principle of territoriality remains the main principle on the basis of which states establish jurisdiction in cyberspace. At the same time, the specific content of the principle of territoriality and other principles for establishing the jurisdiction of states in cyberspace is still being formed.

Keywords: international law; international legal regulation of cyberspace; cyberspace; jurisdiction of states in cyberspace; information and communication technologies; jurisdiction; principles of state jurisdiction; territorial jurisdiction; extraterritorial jurisdiction; sovereignty.

Cite as: Tebenkova VN. International Legal Principles for Establishing the Jurisdiction of States in Cyberspace. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(5):177-191. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.177-191. Acknowledgements. The paper was prepared within the framework of the state task «The Russian legal system in the realities of the digital transformation of society and the state: adaptation and prospects for responding to modern challenges and threats (FSMW-2023-0006)». Registration number: 1022040700002-6-5.5.1.

Введение

Появление киберпространства, уникальность которого выражена в глобальном, трансграничном характере, позволяющем неограниченному количеству пользователей осуществлять взаимодействие, пересекающее государственные границы¹, способствовало возникновению новых возможностей и в то же время породило множество вопросов, например применяется

ли существующее международное право к регулированию отношений при использовании киберпространства?

Сторонники концепции киберлибертарианства отвечали на данный вопрос отрицательно и утверждали, что суверенитет государства, представляющий собой основу международного права, не распространяется на киберпространство, которое подлежит регулированию посредством создания собственной правовой

¹ Терентьева Л. В. Судебная юрисдикция по трансграничным частноправовым спорам в киберпространстве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 63.

системы, основанной на саморегулировании частных субъектов². По мнению киберлибертарианцев, в киберпространстве отсутствует такое важное свойство, как территориальность, тогда как действующие правовые концепции построены на наличии государственных границ, в пределах которых государства реализуют свою власть.

Концепция киберлибертарианцев была подвергнута критике на том основании, что в действительности деятельность в киберпространстве ничем не отличается от деятельности в «реальном пространстве», так как киберпространство состоит из людей и объектов, над которыми государства могут осуществлять свою власть³. Основные проблемы нормативного регулирования связаны с тем, что деятельность в киберпространстве часто носит трансграничный характер, однако подобные сложности возникают и в иных случаях осуществления трансграничной деятельности⁴. В связи с этим нет достаточных аргументов исключать деятельность в киберпространстве из-под нормативного регулирования, основанного на территориальности⁵.

В целях выработки понимания того, каким образом международное право способно регулировать отношения, связанные с использованием киберпространства, киберпространство можно рассматривать с точки зрения существования трех взаимосвязанных уровней:

— физический уровень (аппаратное обеспечение, такое как подводные кабели и Ethernet-кабели, маршрутизаторы и коммутационные устройства);

— логический уровень (программное обеспечение или строки кода, которые позволяют аппаратному обеспечению функционировать и взаимодействовать);

— социальный уровень (взаимодействие между пользователями сети, которые являются людьми или всё чаще машинами)⁶.

Подобный подход демонстрирует, что если киберпространство в целом не находится под суверенным контролем одного государства по причине своего децентрализованного характера, то отдельные элементы киберпространства могут находиться под юрисдикцией государств: аппаратное и программное обеспечение, как правило, располагается и используется на территории государства или принадлежит лицам, имеющим связь с каким-либо государством; пользователи киберпространства имеют связь с государством на основании гражданства, постоянного места жительства, регистрации или основного места деятельности. Именно посредством воздействия на данные элементы государства могут регулировать отношения, связанные с киберпространством.

Отчеты группы правительственных экспертов ООН 2013, 2015, 2021 гг. последовательно подтверждают, что государства обладают суверенитетом в киберпространстве, а международное право, в частности Устав ООН, иные международные нормы и принципы, проистекающие из суверенитета, применяются к осуществлению государствами деятельности, связанной с информационно-коммуникационными технологиями⁷.

² Barlow J. P. A Declaration of the Independence of Cyberspace. Davos, 1996 // URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (дата обращения: 02.08.2023) ; Johnson D., Post D. Law and borders: The rise of law in cyberspace // Stanford Law Review. 1996. Vol. 48. No. 5. P. 1367–1402.

³ Goldsmith J. L. Against cyberanarchy // University of Chicago Law Review. 1998. Vol. 65. No. 4. P. 1199–1250.

⁴ Goldsmith J. L. Op. cit.

⁵ Goldsmith J. L. Op. cit.

⁶ Clemente D. Cyber Security and Global Interdependence: What Is Critical? // The Royal Institute of International Affairs. 2013. P. 5. URL: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/International%20Security/0213pr_cyber.pdf (дата обращения: 02.08.2023).

⁷ Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности № A/68/98 2013 г. // URL: <https://undocs.org/ru/A/68/98> (дата обращения: 02.08.2023) ; Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности № A/70/174 2015 г. //

В связи с этим рассмотрение вопроса о принципах установления юрисдикции государств в киберпространстве необходимо начать с общего анализа принципов юрисдикции государств в международном праве.

Принципы установления юрисдикции государств в международном праве

Термин «юрисдикция» имеет несколько значений и служит для обозначения как полномочий судебных и административных органов по рассмотрению дел, так и полномочий государств по осуществлению своей властной деятельности. В связи с этим можно отметить отсутствие единого понимания термина «юрисдикция» на нормативном и доктринальном уровне⁸.

В международном праве понятие юрисдикции прежде всего связано с государством⁹ и рассматривается в качестве элемента государственного суверенитета¹⁰.

Государство осуществляет свою юрисдикцию посредством установления правил (законодательная юрисдикция), осуществления процедур выявления нарушений и определения последствий нарушений (судебная юрисдикция) и пу-

тем принудительного применения последствий за предполагаемые нарушения (правоприменительная юрисдикция)¹¹.

Юрисдикция государства в отношении лиц, объектов или ситуаций устанавливается на основании определенных правил — принципов юрисдикции государств, которые, в свою очередь, основаны на наличии связи или интереса между государством с одной стороны и лицом, объектом или событием, в отношении которого государства считают необходимым установить юрисдикцию, с другой стороны.

Принципы юрисдикции государств¹², таким образом, представляют собой обоснование того, почему государства считают себя вправе устанавливать свою юрисдикцию, демонстрируют связь между государством и лицом, объектом или некой ситуацией¹³. В свою очередь, пределы, в которых государства могут свободно устанавливать юрисдикцию, определяются международным правом¹⁴.

Можно выявить четыре основы, на которых строятся принципы юрисдикции государств: территория, гражданство, защита определенных государственных интересов и защита определенных универсальных интересов¹⁵. В соответствии с этим выделяются четыре принципа юрисдик-

URL: <https://undocs.org/ru/A/70/174> (дата обращения: 02.08.2023) ; Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности № A/76/135 2021 г. // URL: <https://undocs.org/ru/A/76/135> (дата обращения: 02.08.2023).

⁸ См. подробнее: *Каюмова А. Р.* Уголовная юрисдикция в международном праве : монография. Казань : Центр инновационных технологий. 2016. С. 13–29 ; *Терентьева Л. В.* Указ. соч. С. 69–88.

⁹ *Черниченко О. С.* Международно-правовые аспекты юрисдикции государств : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 18.

¹⁰ *The Oxford Handbook of Jurisdiction in International Law* / ed. by S. Allen, D. Costelloe, M. Fitzmaurice, P. Gragl, E. Guntrip. Oxford Handbooks, 2019. P. 5.

¹¹ *Bernard H. O.* Jurisdiction of States. Max Planck Encyclopedia of Public International Law. 2007 // URL: <https://files.pca-cpa.org/pcadocs/2019-28/Ukraine%20-%20Consolidated%20Legal%20authorities/UAL-51.pdf> (дата обращения: 02.08.2023).

¹² В статье проанализированы общие вопросы установления юрисдикции в международном праве без различия по конкретным сферам: гражданской, уголовной и административной. Материал, используемый для подготовки статьи, в большей степени касается установления юрисдикции по уголовным делам. В связи с этим принципы установления юрисдикции по иным категориям дел могут иметь ряд особенностей.

¹³ *Черниченко О. С.* Указ. соч. С. 41.

¹⁴ *Черниченко О. С.* Указ. соч. С. 42.

¹⁵ *Houck J. B.* Restatement of the Foreign Relations Law of the United States (Revised): Issues and Resolutions // *The International Lawyer*. 1986. Vol. 20. No. 4. P. 238–255.

ции государств: территориальный принцип, национальный принцип, охранительный принцип и принцип универсальности¹⁶.

Основным принципом установления юрисдикции государств является территориальный принцип¹⁷, согласно которому государства обладают полной законодательной, исполнительной и судебной юрисдикцией в отношении всех лиц, объектов и событий в пределах своей территории.

Значимость данного принципа обусловлена тем, что только в пределах собственной территории государство может как предписать норму права, так и наиболее эффективным образом гарантировать ее исполнение.

Вместе с тем интерпретация принципа территориальности приводит к тому, что на основании данного принципа государства устанавливают юрисдикцию, распространяемую за пределы государственных границ.

Так, в доктрине международного уголовного права выделяются принципы объективной и субъективной территориальности, на основании которых государства устанавливают юрисдикцию в отношении трансграничных преступлений, частично совершаемых за пределами территории государства¹⁸. Различие между данными принципами проводится на основании места начала и завершения преступления: если деяние началось за границей, но завершено на территории государства, то речь идет об объективной территориальности, и наоборот, если деяние было начато на территории государства, но завершено за границей, то возникает субъективная территориальность.

Государственному регулированию может также подлежать деятельность, которая не имеет четкой территориальной связи с государством, но которая способна вызвать определенные серьезные последствия на территории государства. Юрисдикция в данном случае основывается на так называемой доктрине последствий, или доктрине эффекта.

В докладе Международной ассоциации юристов, посвященном экстерриториальной юрисдикции, указано, что та или иная форма доктрины последствий применяется практически во всех юрисдикциях¹⁹. В Докладе Комиссии международного права ООН 2006 г., обобщающем принципы экстерриториальной юрисдикции государств, данный принцип также выделялся в качестве надлежащего обоснования экстерриториальной юрисдикции какого-либо государства²⁰.

В связи с этим можно согласиться с мнением о том, что в настоящее время доктрина последствий получает всё большее признание и рассматривается в качестве нормы обычного международного права²¹.

Национальный принцип, или принцип активной национальности, наряду с принципом территориальности, выступает наименее спорным принципом установления юрисдикции государств.

Связь между государством и личностью в данном случае основывается на концепции государства как группы лиц, которые подчиняются общей власти, где бы они ни находились²². Данный принцип позволяет государству устанавли-

¹⁶ Черниченко О. С. Указ. соч. С. 41.

¹⁷ Cedric R. Jurisdiction in international law. Second Edition. Oxford University Press, 2015. P. 49.

¹⁸ См., например: Каюмова А. Р. Уголовная юрисдикция в международном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. К., 2016. С. 111 ; Cedric R. Op. cit. P. 78–79.

¹⁹ Report of the Task Force on Extraterritorial Jurisdiction. International Bar Association, Legal Practice Division. 2008. P. 12.

²⁰ Документ A/61/10. Доклад Комиссии международного права о работе ее 58-й сессии (1 мая — 9 июня и 3 июля — 11 августа 2006 г.). С. 275 // URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/russian/ilc_2006_v2_p2.pdf (дата обращения: 02.08.2023).

²¹ Schmitt M. Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press. 2017. P. 57–58.

²² Cedric R. Op. cit. P. 106.

вать юрисдикцию в отношении своих граждан²³ в тех случаях, когда они находятся за пределами территории государства²⁴.

Выделяют также принцип пассивной национальности, согласно которому государства осуществляют юрисдикцию в случае причинения вреда его гражданам.

Несмотря на критику данного принципа как неоправданно расширяющего сферу юрисдикции государств, можно говорить о том, что он получил свое закрепление в качестве законного основания установления юрисдикции по крайней мере в отношении ряда особо серьезных преступлений²⁵, таких как терроризм²⁶, пытки²⁷. В упомянутом ранее Докладе Комиссии международного права ООН 2006 г. также было отмечено, что оспариваемый в прошлом принцип пассивной национальности получает всё более широкое признание в качестве принципа экстра-территориальной юрисдикции государств.

Принцип защиты позволяет государству устанавливать юрисдикцию в случаях угрозы осново-

полагающим интересам государства, например при иностранной угрозе суверенитету²⁸. Несмотря на неопределенность объема данного принципа, а именно того, какие деяния подпадают под его действие, сам принцип является достаточно устоявшимся в международном праве²⁹.

В соответствии с принципом универсальности государство может устанавливать юрисдикцию в интересах международного сообщества в отношении определенных преступлений по международному праву. Основной особенностью универсальной юрисдикции является то, что государство может осуществлять такую юрисдикцию, даже когда оно не имеет связи с преступником, жертвой или *locus situs* преступления, например в случае преступления, совершенного иностранным гражданином против другого иностранного гражданина вне территории государства³⁰.

Таким образом, в международном праве выделяют следующие принципы юрисдикции государств:

²³ В доктрине отмечается, что на основании данного принципа государства могут устанавливать юрисдикцию, по крайней мере в некоторой степени, в отношении лиц, постоянно проживающих на территории государства, а также в отношении юридических лиц. См. подробнее: Черниченко О. С. Указ. соч. С. 45–47.

²⁴ *Cedric R. Op. cit.* P. 104.

²⁵ Совместное особое мнение судей Хиггинса, Койманса и Бюргентала к решению Международного Суда ООН об ордере на арест от 11.04.2000 (Демократическая Республика Конго против Бельгии): «§ 47. Юрисдикция на основании принципа пассивной правосубъектности, которая долгое время считалась спорной, теперь отражена в законодательстве различных стран (США, гл. 113А, 1986 Всеобъемлющий дипломатический и антитеррористический акт; Франция, ст. 689, Уголовно-процессуальный кодекс, 1975) и в настоящее время встречает относительно небольшое противодействие, по крайней мере в отношении определенных категорий преступлений» (см.: URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/121/121-20020214-JUD-01-05-EN.pdf> (дата обращения: 02.08.2023)).

²⁶ Ст. 4(b) Конвенции о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (Токио, 14 сентября 1963 г.) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/crimes_ aboard.shtml (дата обращения: 02.08.2023) ; п. 2(b) ст. 6 Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (Рим, 9 марта 1988 г.) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/maritime.shtml (дата обращения: 02.08.2023) ; п. 2(a) ст. 7 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма (Нью-Йорк, 9 декабря 1999 г.) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml (дата обращения: 02.08.2023).

²⁷ П. 1(c) ст. 5 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10.12.1984) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (дата обращения: 02.08.2023).

²⁸ Документ А/61/10. Доклад Комиссия международного права ООН. С. 276.

²⁹ *Malcolm N. S. International Law*. 6th ed. Cambridge, 2014. P. 667.

³⁰ *Какюмова А. Р.* Указ. соч. С. 111 ; *Cedric R. Op. cit.* P. 151.

- территориальный принцип, в том числе принцип активной и пассивной территориальности, доктрина последствий;
- национальный принцип, в том числе принцип активной и пассивной национальности;
- принцип защиты;
- универсальный принцип.

Принципы установления юрисдикции государств в киберпространстве

Как было указано ранее, формирование нового уникального явления — киберпространства, представляющего собой совокупность информационной инфраструктуры, программного обеспечения и участников, взаимодействующих посредством первых двух компонентов, поставило вопрос о том, каким образом международное право, основанное на физическом и территориальном аспекте, может быть применено к киберпространству, характеризующемуся взаимосвязью информационных систем, наличием нематериальных компонентов и изменчивостью юрисдикций.

Несмотря на наличие подобных особенностей, наиболее распространенный подход состоит в том, что нормы международного права применяются к регулированию отношений, связанных с использованием киберпространства. В связи с этим можно сделать вывод, что юрисдикция государств в отношении киберпространства основывается на принципах юрисдикции, выделяемых в международном праве.

Так, например, в исследовании «Международное право и киберпространство» содержатся выводы о том, что государство может установить юрисдикцию:

- над физическим уровнем киберпространства, расположенным на территории государ-

ства, и над информацией, проходящей, загруженной или отображаемой на его территории (территориальный принцип);

- социальным слоем, то есть над всеми лицами, находящимися на территории государства (территориальный принцип), а также над своими гражданами за пределами его территории (принцип национальности);

- последствиями кибердеятельности, которые ощущаются внутри государства (доктрина последствий) или затрагивают его жизненно важные интересы, независимо от их происхождения (защитный принцип)³¹.

В работе «Международное публичное право киберпространства» сделан вывод, что юрисдикция государства может устанавливаться в отношении киберинфраструктуры и нематериальных объектов на основе территориальности, включая субъективную и объективную территориальную юрисдикцию. Подобная территориальная юрисдикция распространяется на воздушное пространство, прилегающее к сухопутной территории, и территориальные воды, находящиеся под суверенитетом государства³².

Приемлемо также устанавливать юрисдикцию, основанную на принципах пассивной и активной национальности и защиты, чтобы справиться с глобальной связью, уязвимыми технологиями и анонимностью в киберпространстве³³. При этом осуществление универсальной юрисдикции является спорным³⁴.

В исследовании «Режим мирного времени для государственной деятельности в киберпространстве» также отмечено, что такие принципы, как принцип территориальности, доктрина последствий, принцип национальности, принцип пассивной национальности, принцип защиты и принцип универсальности, позволяют государству устанавливать юрисдикцию в отношении киберпространства³⁵.

³¹ Research Handbook on International Law and Cyberspace / ed. by N. Tsagourias, R. Buchan. Edward Elgar Pub, 2015. P. 40.

³² Kittichaisaree K. Public International Law of Cyberspace. Springer, 2017. P. 24.

³³ Kittichaisaree K. Op. cit. P. 29.

³⁴ Kittichaisaree K. Op. cit. P. 29–30.

³⁵ Peacetime Regime for State Activities in Cyberspace. International Law, International Relations and Diplomacy / K. Ziolkowski (ed.). Tallinn, 2013. P. 196–199.

Доктринальные различия при этом можно обнаружить как в конкретном содержании принципов юрисдикции применительно к киберпространству, так и в спорном характере некоторых принципов установления юрисдикции государств.

Так, окончательно не определен объем юрисдикции государств на основании территориального принципа, например, распространяется ли юрисдикция государства на информацию, которая проходит по проводам и линиям связи, расположенным на территории государства³⁶, на веб-адреса³⁷.

Большое значение в доктрине также имеет разработка критериев применения доктрины последствий в киберпространстве, так как виртуальный, децентрализованный характер киберпространства приводит к тому, что эффект определенных действий может ощущаться сразу в нескольких юрисдикциях.

В некоторых доктринальных источниках не отражается возможность установления юрисдикции на основании принципа пассивной национальности, что, по всей видимости, связано со спорным характером данного принципа.

Отсутствие в научных работах указания на универсальный принцип можно объяснить тем, что, по мнению некоторых исследователей, кибератаки действительно способны нанести серьезный экономический ущерб, но на сегодняшний день не используются для совершения серьезных международных преступлений³⁸.

Таким образом, в доктрине распространен подход, согласно которому принципы юрисдикции государств применяются при установлении юрисдикции государств в киберпространстве, однако отдельные аспекты применения ряда принципов требуют уточнения.

На наш взгляд, наиболее полным образом принципы установления юрисдикции в отношении киберпространства отражены в Таллинском руководстве 2.0 по международному праву, применимому к кибероперациям. Согласно международному праву государства могут устанавливать юрисдикцию в отношении:

- киберинфраструктуры и лиц, занимающихся кибердеятельностью на территории государства, — на основании территориального принципа;

- кибердеятельности, происходящей на территории государства, независимо от того, имеет ли она экстерриториальные последствия, — на основании принципа субъективной территориальности;

- кибердеятельности, которая возникает за пределами территории государства, но завершается на его территории, — на основании принципа объективной территориальности;

- кибердеятельности, имеющей существенные последствия на территории государства, — на основании доктрины последствий;

- кибердеятельности, осуществляемой гражданами государства, — на основании принципа активной национальности;

- кибердеятельности, совершаемой на борту судов и воздушных судов, имеющих «гражданство» государства, — на основании принципа активной национальности или принципа флага³⁹;

- кибердеятельности, осуществляемой иностранными гражданами и предназначенной для существенного подрыва основных государственных интересов, — на основании защитного принципа;

- кибердеятельности, осуществляемой иностранными гражданами против граждан госу-

³⁶ Schmitt M. Op. cit. P. 55.

³⁷ The Oxford Handbook of Jurisdiction in International Law. P. 15.

³⁸ Peacetime Regime for State Activities in Cyberspace. P. 198.

³⁹ В доктрине имеется три точки зрения о том, на основании какого принципа устанавливается юрисдикция в отношении морских и воздушных судов: принципа территориальности, принципа национальности или самостоятельного принципа — принципа флага. См. подробнее: *Helmersen S. T. The Sui Generis Nature of Flag State Jurisdiction // Japanese Yearbook of International Law. 2015. № 58. P. 319–335.*

дарства, — на основании принципа пассивной национальности;

— кибердеятельности, представляющей собой преступления по международному праву, — на основании универсального принципа⁴⁰.

Перед началом анализа международных актов и практики государств отметим, что универсального документа, регулирующего отношения между государствами по поводу киберпространства, не существует.

На универсальном уровне, в частности в рамках ООН, основная работа по выработке понимания того, как международное право применяется к отношениям, возникающим в связи с использованием киберпространства, происходит в ходе деятельности специально созданных рабочих групп, в компетенцию которых входит разработка рекомендаций по вопросам ответственного использования информационно-коммуникационных технологий в контексте международной безопасности.

В докладах Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности 2013, 2015, 2021 гг.⁴¹ последовательно закреплялось, что государства осуществляют юрисдикцию в отношении инфраструктуры информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на своей территории. Подобный вывод повторяется также в ряде резолюций Генеральной Ассамблеи ООН⁴², посвященных выработке общей позиции по вопросам обеспечения международной безопасности в области информации и телекоммуникаций. По сути, в данных документах отмечен территориальный принцип установления юрисдикции государств

в киберпространстве и только в отношении расположенной на территории государств информационно-коммуникационной инфраструктуры. Однако данные документы не отражают мнения о том, что установление юрисдикции в киберпространстве на основании иных принципов будет рассматриваться в качестве неправомерного или нежелательного.

Кроме того, в докладе 2021 г. конкретизируется, что установление государствами юрисдикции в отношении ИКТ-инфраструктуры на своей территории осуществляется путем принятия политических и законодательных мер, а также создания необходимых механизмов для защиты ИКТ-инфраструктуры на своей территории от угроз, связанных с ИКТ. Очевидно, что подобные угрозы могут исходить от источников, расположенных за пределами территории государства, а значит, устанавливаемые законодательные меры, направленные на противодействие подобным угрозам, могут носить экстерриториальный характер, что потенциально расширяет сферу юрисдикции государств.

Более широкий список принципов установления юрисдикции можно обнаружить в первой конвенции, нацеленной на защиту общества от компьютерных преступлений посредством выработки общей политики в сфере уголовного права, — Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации 2001 г.⁴³ (далее — Будапештская конвенция).

В статье 22 Будапештской конвенции указано, что государства устанавливают юрисдикцию в случаях, когда преступление совершено:

- а) на территории государства-участника;
- б) на борту судна, плавающего под флагом государства-участника;

⁴⁰ Schmitt M. Op. cit. P. 55–65.

⁴¹ Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности № A/68/98 2013 г. ; Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности № A/70/174 2015 г. ; Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности № A/76/135 2021 г.

⁴² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 31.12.2020 № A/RES/75/240 // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/75/240> (дата обращения: 02.08.2023) ; Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 11.12.2018 A/RES/73/27 // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/73/27> (дата обращения: 02.08.2023).

⁴³ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) // URL: <https://rm.coe.int/1680081580> (дата обращения: 02.08.2023).

с) на борту самолета, зарегистрированного согласно законам государства-участника;

d) одним из граждан государства-участника, если это правонарушение является уголовно наказуемым в месте его совершения или если оно совершено за пределами территориальной юрисдикции какого-либо государства-участника.

В подпункте «а» п. 1 ст. 22 Будапештской конвенции закреплён принцип территориальности. На основании данной нормы государства-участники обязаны привлекать к ответственности за совершение преступлений, признанных таковыми в Конвенции, которые совершаются на территории государства-участника. При этом в пояснительном докладе к Будапештской конвенции указано, что государство-участник обладает территориальной юрисдикцией как в случае, когда и лицо, атакующее компьютерную систему, и атакуемая система находятся на территории государства, так и в случае, если атакованная компьютерная система находится на территории государства, а лицо, осуществляющее противоправные действия, — за его пределами⁴⁴.

Подпункты «b» и «с» п. 1 ст. 22 Будапештской конвенции, позволяющие государству осуществлять уголовное преследование в случае совершения преступления на борту судна, плавающего под флагом государства-участника, или на борту самолета, зарегистрированного согласно законам государства-участника, основаны на принципе территориальности⁴⁵.

Принцип активной национальности, согласно которому государства могут осуществлять юрисдикцию в отношении своих граждан за действия, совершенные за пределами территории государства, отражен в пп. «d» п. 1 ст. 22 Будапештской конвенции.

Возможность осуществления юрисдикции на основании активного национального принципа ограничена двумя ситуациями: если деяние является преступлением по законодательству государства, в котором оно было совершено, или если деяние имело место за пределами территориальной юрисдикции любого государства.

Будапештская конвенция вместе с тем не отражает ряд принципов установления юрисдикции государств, рассмотренных ранее: пассивный национальный принцип, доктрина эффекта, защитный принцип и принцип универсальной юрисдикции. При этом пункт 4 ст. 22 Будапештской конвенции позволяет государству реализовывать уголовную юрисдикцию, осуществляемую в соответствии с нормами внутригосударственного права, что расширяет юрисдикционные возможности государства.

В марте 2019 г. на уровне ООН началась разработка всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях⁴⁶ (далее — Конвенция ООН о киберпреступности).

Анализ переговорных документов, содержащих проекты будущей конвенции⁴⁷, позво-

⁴⁴ Explanatory Report to the Convention on Cybercrime. 2001 // URL: https://www.oas.org/juridico/english/cyb_pry_explanatory.pdf (дата обращения: 02.08.2023).

⁴⁵ При указании территориального принципа в качестве основания установления юрисдикции в отношении морских и воздушных судов руководствовались пунктом 235 пояснительного доклада к Будапештской конвенции. О доктринальных различиях по данному вопросу см.: Kittichaisaree K. Op. cit.

⁴⁶ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 27.12.2019 // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/247> (дата обращения: 02.08.2023).

⁴⁷ Сводный переговорный документ, содержащий общие положения и положения о криминализации, положения о процессуальных мерах и правоохранительной деятельности всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях от 07.11.2022. Специальный комитет по разработке всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях // URL: <https://undocs.org/ru/A/AC.291/16> (дата обращения: 02.08.2023) ; Проект текста конвенции от 29.05.2023. Специальный комитет по разработке всеобъемлющей международной конвен-

ляет говорить о том, что государства рассматривают следующие основания установления юрисдикции государств в отношении киберпреступлений⁴⁸:

- преступление совершено на территории этого государства-участника;
- преступление совершено на борту судна, плавающего под флагом этого государства-участника, или воздушного судна, зарегистрированного в соответствии с законодательством этого государства-участника на момент совершения преступления;
- преступление совершено против гражданина или юридического лица этого государства-участника;
- преступление совершено гражданином или юридическим лицом этого государства-участника или лицом без гражданства, которое обычно проживает на его территории;
- преступление совершено за пределами его территории с целью совершения преступления, признанного таковым в соответствии с настоящей Конвенцией, на его территории;
- преступление совершено против государства-участника;
- преступление связано с компьютерными данными, электронной/цифровой информацией граждан государства-участника независимо от места ее физического хранения, обработки или проверки.

Приоритет в проекте конвенции ООН о киберпреступности отдан территориальному принципу. Как и Будапештская конвенция, проект новой конвенции содержит положения о том, что государства не только могут, но и должны предпринимать меры по установлению

юрисдикции в случае совершения преступления на территории государства.

Иные принципы установления юрисдикции должны будут применяться с учетом положений ст. 4 конвенции, согласно которым государства при установлении юрисдикции:

- во-первых, должны руководствоваться принципами суверенного равенства, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела других государств;
- во-вторых, не могут осуществлять на территории другого государства юрисдикцию и выполнение функций, которые закреплены исключительно за властями этого другого государства в соответствии с его внутренним законодательством, то есть осуществлять правоприменительную юрисдикцию.

Формулировка доктрины последствий в проекте конвенции несколько отличается от формулировки, отраженной, например, в ст. 27 Конвенции ООН по морскому праву, согласно которой уголовная юрисдикция прибрежного государства может осуществляться на борту иностранного судна, проходящего через территориальное море, в случае, если последствия преступления распространяются на прибрежное государство⁴⁹.

Подобная формулировка содержалась также в проекте конвенции о киберпреступности, разработанном и предложенном для рассмотрения Российской Федерацией. В российском проекте предлагалось устанавливать юрисдикцию государств в случае, когда преступление совершено полностью или частично за пределами территории государства-участника, но его последствия на территории государства-участника представ-

---

ции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях // URL: <https://undocs.org/ru/A/AC.291/22> (дата обращения: 02.08.2023).

⁴⁸ Под киберпреступлениями в проекте конвенции понимаются преступления, совершенные с использованием информационно-коммуникационных технологий, например: незаконный доступ к компьютерной системе / информационно-коммуникационному устройству; подлог с использованием компьютерных технологий; распространение интимных изображений без согласия и т.д.

⁴⁹ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (г. Монтего-Бей, 10 декабря 1982 г.) // URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 02.08.2023).

ляют собой преступление или приводят к совершению преступления⁵⁰.

В актуальном проекте конвенции, находящемся на рассмотрении специального комитета, подобные формулировки отсутствуют. Данное обстоятельство связано, по нашему мнению, с наличием опасений ряда государств, например стран Карибского сообщества⁵¹, Грузии⁵², Японии⁵³, в отношении включения в проект конвенции положений, предоставляющих возможность излишне широких трактовок и неоправданного расширения экстерриториальной юрисдикции государств.

Вместе с тем доктрина последствий всё же находит отражение в рассматриваемом проекте.

Во-первых, предполагается, что государства могут установить юрисдикцию в случае, когда преступление совершено за пределами его территории с целью совершения преступления, признанного таковым в соответствии с настоящей Конвенцией, на его территории. Подобное основание, включенное также в некоторые другие международные конвенции⁵⁴, рассматри-

вается исследователями в качестве отражения доктрины последствий⁵⁵.

Во-вторых, установление юрисдикции в случае, когда преступление связано с компьютерными данными (электронной/цифровой информацией) граждан государства-участника, независимо от места ее физического хранения, обработки или проверки, также необходимо рассматривать в качестве проявления доктрины последствий.

Интерес представляет предложение Индии⁵⁶ отдавать приоритет юрисдикции, основанной на принадлежности данных, перед юрисдикцией, основанной на территориальном принципе, исходящем из местоположения данных⁵⁷. Юрисдикция, основанная на принадлежности данных, подразумевает, что не государство, на территории которого данные хранятся, а государство, данные граждан которого подвергаются обработке в каком-либо ином государстве, должно обладать более широкой юрисдикцией в отношении таких данных, независимо от того, где осуществляется их физическая обработка.

⁵⁰ Ст. 39 проекта от 29.06.2021 конвенции ООН о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях // URL: https://www.unodc.org/documents/Cybercrime/AdHocCommittee/Comments/RF_28_July_2021_-_R.pdf (дата обращения: 02.08.2023).

⁵¹ URL: https://www.unodc.org/documents/Cybercrime/AdHocCommittee/4th_Session/Statements/CARICOM_6.pdf (дата обращения: 02.08.2023).

⁵² URL: https://www.unodc.org/documents/Cybercrime/AdHocCommittee/4th_Session/Statements/Georgia_6_EN.pdf (дата обращения: 02.08.2023).

⁵³ URL: https://www.unodc.org/documents/Cybercrime/AdHocCommittee/4th_Session/Statements/Japan_6_EN.pdf (дата обращения: 02.08.2023).

⁵⁴ Аналогичные основания установления юрисдикции содержатся в следующих конвенциях: Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (г. Нью-Йорк, 15 ноября 2000 г.) . Ст. 15 // URL: <https://www.unodc.org/documents/treaties/UNTOC/Publications/TOC%20Convention/TOCebook-r.pdf> (дата обращения: 02.08.2023) ; Конвенция ООН против коррупции (г. Нью-Йорк, 31 ноября 2003 г.) . Ст. 42 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 02.08.2023).

⁵⁵ Каюмова А. Р. Указ. соч. С. 116–117.

⁵⁶ Подборка представленных государствами-членами предложений и материалов, касающихся положений о криминализации, общих положений и положений о процессуальных мерах и правоохранительной деятельности всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях. Специальный комитет по разработке всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях // URL: <https://undocs.org/ru/A/AC.291/9/Add.3> (дата обращения: 02.08.2023).

⁵⁷ Под обработкой в данном случае понимается хранение (обработка, проверка, объединение) данных.

Подобный вид юрисдикции, по мнению Индии, будет ориентирован на обеспечение приоритета права собственности на данные, конфиденциальности и прав человека.

Указанное предложение отражает отмеченную в доктрине тенденцию к снижению главенствующей роли принципа территориальности⁵⁸ и повышению интереса к иным принципам установления юрисдикции, которые могут способствовать более рациональному регулированию отношений в киберпространстве.

Проанализированные международные документы демонстрируют, что государства рассматривают следующие принципы установления юрисдикции в киберпространстве: принцип территориальности, том числе принцип активной и пассивной территориальности, доктрина последствий с некоторыми ограничениями, принципы активной и пассивной национальности, принцип защиты.

Принцип универсальности не отражен в рассмотренных документах, в том числе в проекте конвенции ООН о киберпреступности, по всей видимости, по вышеобозначенной причине: кибероперации сами по себе не рассматриваются в качестве международных преступлений против мира и безопасности. Вместе с тем в слу-

чае, когда международные преступления будут совершены с использованием компьютерных сетей, установление юрисдикции будет возможно на основании специальных конвенций⁵⁹.

Выводы

Проведенный анализ позволяет прийти к выводу, что государства устанавливают юрисдикцию в отношении киберпространства на основании общих принципов юрисдикции, выделяемых в международном праве: территориальный принцип, в том числе принцип активной и пассивной территориальности; доктрина последствий; национальный принцип, в том числе принцип активной и пассивной национальности; защитный принцип; универсальный принцип.

Несмотря на децентрализованный характер киберпространства, принцип территориальности остается основным принципом, на основании которого государства обосновывают свою юрисдикцию в данной сфере.

Вместе с тем конкретное содержание принципа территориальности и иных принципов установления юрисдикции государств в киберпространстве еще формируется.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Каюмова А. Р. Уголовная юрисдикция в международном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. — К., 2016. — 448 с.
2. Каюмова А. Р. Уголовная юрисдикция в международном праве : монография. — Казань : Центр инновационных технологий, 2016. — 488 с.
3. Международное право. Общая часть : учебник для студентов юрид. фак. и вузов / И. И. Лукашук ; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. — Изд. 3-е, перераб. и доп. — М. : Волтерс Клувер, 2005. — 432 с.
4. Терентьева Л. В. Судебная юрисдикция по трансграничным частноправовым спорам в киберпространстве : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2021. — 442 с.
5. Черниченко О. С. Международно-правовые аспекты юрисдикции государств : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2003. — 168 с.
6. Bernard H. O. Jurisdiction of States // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. — 2007.
7. Cedric R. Jurisdiction in international law. — 2nd ed. — Oxford : Oxford University Press, 2015. — 235 p.

⁵⁸ The Oxford Handbook of Jurisdiction in International Law. P. 15.

⁵⁹ Schmitt M. Op. cit. P. 55–56.

8. *Clemente D.* Cyber Security and Global Interdependence: What Is Critical? // The Royal Institute of International Affairs. — 2013.
9. *Goldsmith J. L.* Against cyberanarchy // University of Chicago Law Review. — 1998. — Vol. 65. — № 4.
10. *Helmetsen S. T.* The Sui Generis Nature of Flag State Jurisdiction // Japanese Yearbook of International Law. — 2015. — № 58.
11. *Houck J. B.* Restatement of the Foreign Relations Law of the United States (Revised): Issues and Resolutions // The International Lawyer. — 1986. — Vol. 20. — № 4.
12. *Johnson D., Post D.* Law and borders: The rise of law in cyberspace // Stanford Law Review. — 1996. — Vol. 48. — № 5.
13. *Kittichaisaree K.* Public International Law of Cyberspace. — Springer, 2017. — 376 p.
14. *Malcolm N. S.* International Law. — 6th ed. — Cambridge : Cambridge University Press, 2014. — 1542 p.
15. Peacetime Regime for State Activities in Cyberspace. International Law, International Relations and Diplomacy / K. Ziolkowski (ed.). — Tallinn, 2013. — 776 p.
16. Research Handbook on International Law and Cyberspace / ed. by N. Tsagourias, R. Buchan. — 2nd ed. — Edward Elgar Pub, 2015. — 634 p.
17. *Schmitt M.* Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations — 2nd ed. — Cambridge : Cambridge University Press, 2017. — 598 p.
18. The Oxford Handbook of Jurisdiction in International Law / ed. by S. Allen, D. Costelloe, M. Fitzmaurice, P. Gragl, E. Guntrip. — Oxford : Oxford University Press, 2019. — 582 p.

Материал поступил в редакцию 29 августа 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Kayumova A. R. Ugolovnaya yurisdiksiya v mezhdunarodnom prave: dis. ... d-ra yurid. nauk. — K., 2016. — 448 s.
2. Kayumova A. R. Ugolovnaya yurisdiksiya v mezhdunarodnom prave: monografiya. — Kazan: Tsentr innovatsionnykh tekhnologiy, 2016. — 488 s.
3. Mezhdunarodnoe pravo. Obshchaya chast: uchebnik dlya studentov yurid. fak. i vuzov / I. I. Lukashuk; Ros. akad. nauk, In-t gosudarstva i prava, Akadem. pravovoy un-t. — Izd. 3-e, pererab. i dop. — M.: Volters Kluver, 2005. — 432 s.
4. Terenteva L. V. Sudebnaya yurisdiksiya po transgranichnym chastnopravovym sporam v kiberprostranstve: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2021. — 442 s.
5. Chernichenko O. S. Mezhdunarodno-pravovye aspekty yurisdiksii gosudarstv: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2003. — 168 s.
6. Bernard H. O. Jurisdiction of States // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. — 2007.
7. Cedric R. Jurisdiction in international law. — 2nd ed. — Oxford: Oxford University Press, 2015. — 235 p.
8. *Clemente D.* Cyber Security and Global Interdependence: What Is Critical? // The Royal Institute of International Affairs. — 2013.
9. *Goldsmith J. L.* Against cyberanarchy // University of Chicago Law Review. — 1998. — Vol. 65. — № 4.
10. *Helmetsen S. T.* The Sui Generis Nature of Flag State Jurisdiction // Japanese Yearbook of International Law. — 2015. — № 58.
11. *Houck J. B.* Restatement of the Foreign Relations Law of the United States (Revised): Issues and Resolutions // The International Lawyer. — 1986. — Vol. 20. — № 4.
12. *Johnson D., Post D.* Law and borders: The rise of law in cyberspace // Stanford Law Review. — 1996. — Vol. 48. — № 5.
13. *Kittichaisaree K.* Public International Law of Cyberspace. — Springer, 2017. — 376 p.

14. Malcolm N. S. International Law. — 6th ed. — Cambridge: Cambridge University Press, 2014. — 1542 p.
15. Peacetime Regime for State Activities in Cyberspace. International Law, International Relations and Diplomacy / K. Ziolkowski (ed.). — Tallinn, 2013. — 776 p.
16. Research Handbook on International Law and Cyberspace / ed. by N. Tsagourias, R. Buchan. — 2nd ed. — Edward Elgar Pub, 2015. — 634 p.
17. Schmitt M. Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations — 2nd ed. — Cambridge: Cambridge University Press, 2017. — 598 p.
18. The Oxford Handbook of Jurisdiction in International Law / ed. by S. Allen, D. Costelloe, M. Fitzmaurice, P. Gragl, E. Guntrip. — Oxford: Oxford University Press, 2019. — 582 p.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

✓ Государственное регулирование цифровой экономики.	✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.	✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).	✓ Правовой статус смарт-контрактов.
✓ Правовое регулирование больших данных.	✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).	✓ Информационная безопасность.
✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.	✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

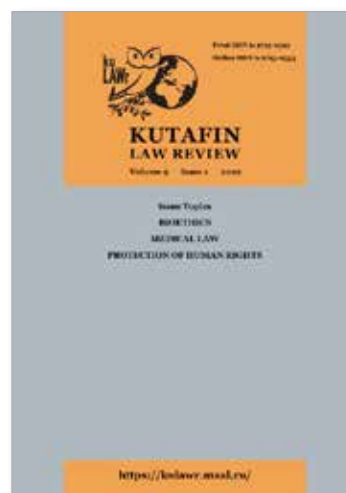
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 19 № 5 (162) май 2024

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471

9 771994 147002